

The illustration depicts a woman standing in a misty, snow-covered forest. She is wearing a brown hooded cloak over a green tunic and dark trousers. She has a pinkish-red circular glow behind her head. She is holding a small purple flower in her right hand. The background shows dark, bare trees and a faint, glowing light source in the distance.

НИНА МАЛКИНА

красные луны квертинда

МЕНТОР
ЧЕРНОГО ПАУКА

16+

Нина Малкина
Ментор черного паука
Серия «Красные луны
Квертинда», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422617

SelfPub; 2023

Аннотация

ПЕРВАЯ КНИГА цикла "Красные луны Квертинда"В королевстве Квертинд добро и зло перемешались. Хорошие люди убивают сотни невинных, плохие – спасают человечество. Честные герои гибнут в неизвестности, а на место короля прочат кровавого Чёрного Консула. Я хотела всё изменить, отомстить за свои лишения и наказать виновных. Я готова была сразиться с целой армией, но раз за разом проигрывала одному-единственному человеку. И я стала... Впрочем, о том, кем я стала, вам и расскажет эта история. Меня зовут Юна Горст. И я смеюсь в лицо опасности.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Хороший был Кем	24
Глава 2. Поэзия времени	42
Глава 3. Детерминанты и персонагвиры	58
Глава 4. Ментор серебристой лилии	84
Глава 5. Гнев Вейна	114
Глава 6. Капраньи рога	134
Глава 7. Кроуницкая Королевская академия	155
Глава 8. Грандиозные планы	171
Глава 9. От судьбы не убежать	200
Конец ознакомительного фрагмента.	245

Нина Малкина

Ментор черного паука

ПРОЛОГ

Капли с неба начали падать на двадцать восьмой ступени пути к Преторию.

Йоллу, лу-лу, спрятал пергаментный свёрток под свой бархатный камзол. О, что это был за камзол! Настоящая форма служащих Претория, расшитая золочёной нитью и украшенная булавкой с весами – символом главного консульства. Мягкая бордовая ткань всегда благородно лоснилась на утреннем солнце, но именно сегодня мгновенно покрылась мокрой крапункой. Йоллу возмущённо зафыркал: он не был уверен, что его чудесная одежда должна спасти свёрток от дождя, а не наоборот. Но расстраивать хозяина не хотелось. Великий Консул и так часто расстраивался в последнее время, лу-лу.

Утром хозяин попросил принести мятного масла, чтобы облегчить видения, и Йоллу был вынужден снова идти к сморщенному аптекарю. Этот алхимик поглядывал на серьёзного рудвика свысока, даже надевал на нос маленькие стёкла, как будто Йоллу мог от этого вырасти. Чепуха на

постном масле, лу-лу! Рудвики всегда оставались маленькими – в пол человеческого роста. И удивительно круглыми. Потому что все необходимые для жизни органы у них помещались в одном огромном животе.

На тридцать пятой ступени у Йоллу зачесалось ухо. Такое же прекрасное, как и живот, пушистое, треугольное, с кисточкой на конце. Роскошное ухо, лу-лу! Одно из двух. Настоящее украшение, из-за которого лишённые шерсти люди страшно завидовали мохнатой расе.

Когда-то давным-давно рудвики практически вымерли. Маленький безобидный народец не мог противостоять опасным чудовищам, болезням и войнам, поглотившим мир в тёмные времена. Но Тибр Иверийский – основатель династии правителей королевства Квертинд – позволил рудвикам жить в человеческом мире и пользоваться их милостью. С семьдесят восьмой ступени Йоллу, лу-лу, как раз мог разглядеть его статую. Огромный каменный Тибр утопал в округлом эркере там, где кончались ступени. На мраморной голове красовался тонкий простой обруч, исписанный символами. В одной руке правитель держал копьё, в другой – прозрачный шар.

Никто не помнил точно, что Тибр Иверийский должен был показывать горожанам и путешественникам, но Йоллу, лу-лу, всегда по-своему понимал молчаливого короля. Он как будто говорил: «Видишь, Йоллу, большая палка так же важна, как и маленький пузырь, лу-лу». И Тибр не обманывал.

вал. Рудвики всегда распознавали обман и иллюзии.

На девяносто пятой ступени рудвика нагнал один из консулов Претория – Его Милость Гвелейд Дилз. В отличие от Йоллу, лу-лу, Гвелейд Дилз был человеком. Как говорил хозяин, очень дипломатичным. Йоллу подумал, что это из-за его прекрасной шапки. Маленькая, круглая, она походила больше на аппетитный блинчик, надетый на лысеющую голову. В шапках Йоллу понимал не меньше, чем в большой дипломатии. То есть очень много, лу-лу. Да и сам консул был прелесть как хорош: немногим выше рудвика, с таким же красивым, большим и круглым животом.

– А-а, Йоллу! – воскликнул консул. – Как чудесно, что я тебя встретил!

Йоллу тоже обрадовался встрече, охотно закивал в знак приветствия и приготовился слушать. Это была его обязанность – слушать и передавать хозяину.

– Ты непременно должен передать Его Милости Камлену, что внешняя политика требует неотлагательного вмешательства, – продолжал Гвелейд, торопливо поднимая полы бордовой мантии и поспевая за шагом рудвика. – Да-да, непременно! У меня есть сведения, что Веллапольское княжество планирует военную кампанию. Хотят вернуть земли Галиофа! Они так и не простили нам это завоевание. Я отбываю туда завтра, с торговой шхуной. Такая срочность мне уже не по годам, но я верен королевству Квертинд до последнего вздоха! – консул смахнул влажные капли с блестящего

лба. – Необходимо убедить веллапольцев начать переговоры и пригласить с официальным визитом. В нашей нынешней ситуации мы не можем позволить себе войну, друг мой, никак не можем.

Консул Дилз остановился, перевёл дыхание и обернулся.

За каскадом ступеней, внизу, просыпалась и шумела столица, наполняя улицы и мосты ещё сонными людьми.

– Ваше обращение принято, – уведомил Йоллу, в знак почтения задерживаясь рядом с приятным мужчиной.

Оба служителя Претория уже преодолели лестницу и теперь стояли на самом верху, у ног статуи первого короля Квертинда. Менее важные верноподданные мельтешили у подножия ступенчатого пьедестала, прибавляя рудвику ещё большего самодовольства.

– Мы стоим на последней ступени, – мудро заключил консул и взгляделся в белокаменные резные здания таким взглядом, каким, бывало, хозяин смотрел в будущее. Но быстро отвлёкся, чтобы потрепать Йоллу за ухо. От зависти, конечно.

– Да, – снисходительно согласился пушистый секретарь.

– А ты знаешь, почему их сто двенадцать, Йоллу? – уже весело спросил Гвелейд Дилз.

– Так построили строители, лу-лу.

Консул улыбнулся.

– Сто двенадцать ступеней – ровно по числу страшных лет грабежей, бесчинств и увядания нашего королевства. Мы

проделали долгий путь. Долгий путь – к Тибру, закону и справедливости, – его милость указал на статую, утопленную в здании Претория. – Боюсь, всё это может повториться. Тёмные времена нынче настали, Йоллу, снова тёмные. Без правителя Квертинд идёт прямо в пекло Толмунда.

Йоллу знал Толмунда. Кровавый бог, покровитель страшной магии и мучитель душ. К нему в пекло не хотелось, лулу. Даже упоминать его было страшно. Перед глазами сразу же возникали реки огня, стоны грешников и кровавые моря. Немедленно потянуло спрятаться за высокими мраморными стенами Претория, в которых никогда не бывало жарко.

– Я передам всё важное! – брякнул рудвик и трусливо посеменил к входу, ныряя под светлую арку.

Гвелейд Дилз только и успел бросить вслед короткое прощание.

Преторий успокоил Йоллу привычной прохладой и мягким светом. Внутри суетливо сновали служащие в бордовой одежде с непременной булавкой в виде весов, толпились посетители, шелестели пергаменты. От утренней возни рудвик расслабился и легко забыл о пекле.

Важный маленький служитель миновал приёмный зал ожидания, подошёл к охранной арке и проверил свой отличительный знак консульства. Брошка-весы оказалась на месте, и рудвик смело шагнул под магический свод. Позолоченная булавка нагрелась и на миг вспыхнула оранжевым светом. Крохотный отблеск от брошки стал резко расти и рас-

ширяться, окутывая приземистое пушистое тело. Как только световая оболочка замкнулась, она мгновенно исчезла. Йоллу при этом ничего не почувствовал, лу-лу. Это была охранная магия, позволяющая зайти в Преторий без приглашения только его служащим. Весьма значительным представителям правительства, каким был и сам Йоллу. Лу-лу.

– Добро пожаловать в Преторий! – с белозубой улыбкой отчеканила девушка в таком же бордовом камзоле, какой был на самом Йоллу. – До совета консульства осталось сто семь дней, пять часов и три минуты.

«Странная у неё работа», – в очередной раз подумалось Йоллу. Некоторые посмеивались над рудвиком из-за того, что он всего лишь посыльный, выполняющий мелкие поручения. Но это работа, которую должен был кто-то выполнять. А улыбчивая барышня просто стоит у входа и говорит то, что и так знает каждый служащий Претория. Не работа, а белиберда на пустом бульоне, лу-лу.

С этими мыслями рудвик бойко миновал большой и шумный внутренний холл, прошёл мимо Зала Верховного Совета Претория, прошлёпал вдоль колонной аркады и устремился вглубь консульства – туда, где обитал главный здесь человек.

У высокой двери Йоллу огляделся, поглаживая свёрток с лекарствами, и привычно дёрнул золочёную ручку. Тихонько юркнул в кабинет Великого консула и молчаливой тенью застыл у входа.

У Камлена был посетитель. Йоллу сначала даже возмутил-

ся, лу-лу, что кто-то посмел войти без его личного ведома, но решил не вмешиваться в беседу.

Гости у хозяина бывали редко. Если не сказать, почти никогда. Для всех бесед существовал Йоллу, рудвик-секретарь Его Милости. Как и для остальных человеческих нужд. Великий консул Камлен Видящий уже давно не выходил из своего кабинета, в котором жил последние несколько лет.

Кабинет служил Камлену и спальней, и умывальной, и цирюльной и даже иногда курительной. Отчего вид имел соответствующий: бордовые портьеры на окнах едва пропускали утренний свет, тяжёлая люстра покрылась слоем пыли, а золоченые короны на высоких карнизах потускнели и облупились. На резных столиках и тумбах возвышались горы канцелярского хлама вперемешку с бытовой утварью, а по углам ютилась паутина.

Те счастливики, которым всё-таки удавалось попасть к Камлену лично, обычно брезгливо морщились и даже позволяли себе отчитывать Йоллу за бесхозяйственность, но рудвик знал, что это всё пустяки на кислой бражке, лу-лу!

Затевая уборку, Йоллу чувствовал, что рождён для большего, поэтому особенно не утруждался. Тем более что хозяин давно ослеп и никогда не попрекал Йоллу беспорядком. Для Великого консула Камлена Видящего было важно только одно: чтение. Престарелый прорицатель нежно любил книги и собирал их в своём жилом уголке Претория с особым рвением. Оттого до самого потолка по всем кабинет-

ным стенам тянулись шкафы, забитые тугими свёртками и древними фолиантами.

С тех пор как Великий Консул перестал различать буквы, чтением ведал Йоллу. Пушистый секретарь декламировал хозяину важные донесения, документальные сведения, великие истории, но в последнее время Камлен всё больше предпочитал сказки.

О, шкаф со сказками был любимым у Йоллу, лу-лу! Во-первых, в детских историях всё всегда непременно заканчивалось хорошо, а рудвик любил, когда всё хорошо. А во-вторых, шкаф со сказками таил секретик.

Рудвик сдавленно чихнул и переступил лапами, царапая коготками и без того повреждённый паркет. Кабинет Великого консула для Йоллу был таким же домом, как и для самого Камлена, оттого рудвик знал здесь каждый уголок как свои четыре подушечки на мохнатой лапе.

Сейчас же привычный порядок вещей нарушал посетитель. Он сидел в потёртом кресле напротив хозяина, обнажённый до пояса, и не сводил со старика жёсткого взгляда. Одежда мужчины лежала рядом на полу. Йоллу сразу смекнул, что это значит: ещё один решил испытать судьбу королевским артефактом.

Мужчина коротко мазнул взглядом по рудвику и отвернулся.

Некрасивый был человек, лу-лу. Совсем не похож на премилого Гвелейда. Некрасивый и страшный. Служитель Тол-

мунда – кровавый маг, один из консулов Верховного Совета королевства. Высокий, с собранными в хвост длинными чёрными волосами. И таким же чёрным взглядом. И чёрными делишками, лу-лу.

Особо устрашающим для Йоллу кровавый маг выглядел из-за его жутких рук с резко выделяющимися тёмными венами. Ладони и предплечья казались почти чёрными, с редкими просветами светлой кожи. Если смотреть издалека, можно подумать, будто мрачные молнии навечно застыли рисунком на теле консула, лу-лу. Поднимаясь от кончиков пальцев, ломано извиваясь вдоль рук, они охватывали запястья и плечи этого опасного человека и заканчивались одинокими узкими змейками на мужской груди и шее. Одна линия тянулась даже по щеке, истончаясь только к виску кошмарного мага.

Чем дальше рудвик рассматривал его, тем страшнее ему становилось: в мрачных лабиринтах вен чудились то змеи, то кинжалы, то пауки, а иногда даже злое лицо покойной бабушки Йоллу, лу-лу. «Ты неряшливый гадкий слизень с маленьким животиком, лу-лу!» – кричала бабушка. Рудвик вздрогнул и быстро отогнал неприятные воспоминания.

Внимание привлёк фамильный пергамент, лежащий на столе перед хозяином. Он переливался мягким золотистым свечением так, как будто в нем проживали немигающие светлячки, лу-лу. Йоллу уже понял, что это всё означает, и надеялся тихонько отсидеться в уголке.

– А вот и мой чудесный помощник. – Камлен хлопнул в ладоши, и рудвик предательски подпрыгнул. – Ну-ка, Йоллу, прочитай мне это. Хотя я и знаю почти наизусть, что написано в этом пергаменте, однако традиция и ритуал должны быть соблюдены.

Уши рудвика нервно задёргались, когда страшный человек остановил свой взгляд на пушистом слуге, но Йоллу взял себя в лапы. Осторожно стянул пергамент со стола хозяина, выпрямился, чтобы казаться выше, посильнее выпятил живот и принялся торжественно зачитывать:

– Кирмос лин де Блайт, урождённый в сто шестьдесят девятый год от коронации Тибра Иверийского. Консул Верховного Совета королевства Квертинд, наместник полуострова Змеи. Признанный сын Монреда лин де Блайта и Мелинды Блайт, единственный наследник...

Великий консул прервал чтение, выхватив из его лап сверкающий пергамент.

Йоллу, лу-лу, с облегчением вздохнул, потому что читать пришлось бы долго.

– А также бывший экзарх ложи Стязателей, самый могущественный маг королевства, великий воин и весьма амбициозный человек. Что ж, ваши титулы и достижения превосходят самые длинные списки, консул лин де Блайт. Но совсем не таким мне представляется король, – добавил Камлен и задумчиво почесал седую щетину на щеке. – Вы, должно быть, более чем полностью состоите из войны и магии Тол-

мунда. Ваша сила питается свежей кровью. Что вы видели в своей жизни, кроме битв и смерти? Отец обучал вас военному делу. Наставник – наш погибший король Мирасполь – обучал вас кровавой магии. Жизнь и опыт обучали вас строгой дисциплине и непрерывному сражению. Но мир – это не только лишения и преодоления. У него есть и другая сторона. Может ли сделать народ счастливым король, который сам никогда не был счастлив? Любили ли вы когда-нибудь, Кирмос?

Кирмос лин де Блайт поднял одну бровь. Он смотрел в белые, подёрнутые мутной пеленой глаза слепого Камлена с насмешкой. Йоллу забеспокоился, лу-лу.

– При всём уважении, Великий консул, вы способны видеть прошлое, будущее и предсказывать события. Ваша мудрость – это множество книг, наполняющих вашу библиотеку, – чёрный консул обвёл руками кабинет. – Но вы слепы. И не только глазами. Возраст и годы заточения делают вас чувствительным, – мужчина сделал снисходительную паузу, но быстро продолжил: – Мир всегда полон войн и страданий. Это его суть. Счастье – погремушка для народа, развлекательная его, как наполненный семенами короб увеселяет младенца. Чувства – это то, что могут позволить себе благородные девы из Мелироанской академии, но никак не правители. Они лишают их силы и даже жизни. Именно чувства стали причиной гибели Иверийской династии. В ту ночь Лауна и Мирасполь поддались сентиментальности и попроси-

ли оставить их наедине – им так хотелось пережить момент простого супружеского счастья. Этим они погубили себя и своего нерождённого сына. Оставшись без охраны, они стали слишком уязвимы, чем и воспользовались мятежники. Великую правящую династию, которая годами справлялась с врагами и невзгодами, победила простая эмоция, их же собственная. Что это за счастье такое, которое толкает на неотвратимое безрассудство? Вы обвиняете меня в том, что моя сила питается кровью и требует жертв, но ни одна сила в мире не способна соперничать с жестокими условиями любви. Это самый кровавый и беспощадный монстр из всех мне известных. А я повидал немало тварей и, поймите меня правильно, немало женщин, чтобы выработать в себе устойчивость к этому коварному виду душевного яда. Думаю, только очистив себя от привязанностей, можно сделаться неуязвимым. И сейчас у меня нет слабостей.

В кабинете повисла тишина. Йоллу слышал, как сопит хозяин, застывший, словно вековая статуя. Через мгновение Камлен Видящий резко выдохнул и стал издавать гаркающие звуки, обнажив редкие плохие зубы. Морщины на его щеках стали ещё глубже, подчёркивая непривычную глазу мимику хозяина.

– Ему плохо? – Кирмос лин де Блайт мгновенно растерял насмешливость, насторожился и недоумённо перевёл взгляд на рудвика: – Может, вызвать целителя?

– Нет, лу-лу, – важно ответил Йоллу. – Хозяину сейчас

определённо хорошо.

– Это видение? Прорицание? – мужчина развернулся к Камлену и стал его внимательно рассматривать.

– Великий консул смеётся, Ваша Милость, – пояснил рудвик.

– Смеётся?!

Громкий стук резко оборвал странный смех. Йоллу подпрыгнул от неожиданности, Кирмос лин де Блайт напрягся, готовый к нападению. Камлен ударил ладонью по столу и моментально стал сосредоточенным.

– Что ж, консул лин де Блайт, я принимаю ваше прошение стать правителем нашего королевства. По закону Квертинда вы должны пройти три испытания: испытание войной, испытание династией и испытание изгнанием. Первое вы уже прошли, приняв участие в подавлении восстания Ордена Крона после смерти последних королей Иверийской династии. Порой междоусобные войны, сотрясающие королевство изнутри, самые губительные. То, что вам удалось с этим справиться пятнадцать лет назад, – невероятное достижение, учитывая ваш возраст на тот момент. Вы оказались очень способным молодым человеком.

– Пожалуй, тогда я и был счастлив, – кивнул Кирмос лин де Блайт. – Война делала меня счастливым.

– Да-да, наверняка, как и всех юнцов. – Камлен Видящий пожевал губами. – Война, вино и женщины. Но теперь вы уже не так молоды и пришли за вторым испытанием. Испытани-

ем династией, которое станет вторым шагом на пути к трону Квертинда. Самым быстрым и однозначным.

– Признаюсь, мне непросто далось это решение, – нехотя поделился чёрный консул. – Как бы то ни было, я подвёл великих правителей. Я был единственным человеком, который мог уговорить Мирасполя оставить стяжателей для охраны или вовсе послушаться его приказа. Я этого не сделал. Не могу сказать, что не справляюсь с чувством вины, скорее, считаю своим долгом уберечь хотя бы наследие Иверийской династии. Квертинд и есть их наследие. Но меня не привлекает высшая власть, как вы могли подумать. Напрасно вы обвинили меня в амбициях.

– Я вас этим похвалил! – возразил Камлен.

– Всё равно – напрасно. Пятнадцать лет королевство лежит на разделённой власти консулов и ваших плечах, Камлен. Но с вашей смертью, Великий консул, начнутся распри и разногласия среди Верховного Совета. Мы оба знаем, что это неотвратимо приведёт к краху. Без правителя Квертинд превратится в груды исторических развалин или станет частью другой империи. Меня не устраивает ни один из вариантов. Я предлагал вам использовать магию крови, чтобы поправить здоровье и продлить жизнь, но вы отказались. Это значит, что ваша скорая кончина неизбежна.

– Ох, Кирмос, я достаточно пожил на этом свете, чтобы уйти. В конце концов, надеюсь, Сады Девейны уже ждут меня. – Великий Консул тяжело поднялся. – Но не сегодня.

Несколько секунд Камлен стоял, опираясь ладонями о стол, и, казалось, вглядывался в собеседника. Потом улыбнулся своим мыслям и снова хлопнул в ладоши:

– Йоллу, друг мой, настало время открыть хранилище реликвий.

Рудвик затрепетал. Хранилище реликвий – это самое сердце королевства Квертинд. Входить туда позволялось только Великому консулу и ему, рудвику-секретарю. В такие моменты Йоллу чувствовал себя особенно важным, лу-лу. Видела бы его сейчас бабушка!

Раньше реликвии королевства хранились в Иверийском замке в центре Лангсорда. Но с той самой роковой ночи Красной Луны, когда погибли Лауна и Мирасполь Иверийские, замок закрыли навсегда. Великий консул приказал перенести реликвии в кабинет Претория. С тех пор они покоятся в хранилище, открыть которое можно только брошью Великого консула. Хозяин всегда носил её на груди, не снимая даже во сне. Сама брошь была похожа на брошь Йоллу – золочёные весы, только немного крупнее и украшенные двумя драгоценными камнями. На одной чаше лежал синий сапфир, добытый из рудников Галиофских Утёсов в период их завоевания, на другой – красный рубин, подаренный Мелире Иверийской в день её коронации неким амиром Тахари-Хан. «Что бы ты выбрал, Йоллу: красный или синий?» – иногда в шутку спрашивал хозяин, когда они раскуривали баторские благовония. Йоллу выбирал красный, потому что

глубоко почитал Мелиру Иверийскую, лу-лу, благодетельницу рудвиков. Хозяин только посмеивался и говорил что-то о выборе между мучительной правдой реальности и блаженной неизвестностью иллюзии. В этом смысле Йоллу был спокоен, лу-лу: зрение рудвиков не позволяло им видеть иллюзии.

Маленький секретарь гордо встал рядом с хозяином и подождал, пока тот закончит с открытием потайной двери. Ждать пришлось недолго – через минуту книжный шкаф со сказками щёлкнул и покорно отъехал в сторону, освобождая проход в крохотную комнату. Йоллу привычно подставил плечо Великому консулу, чтобы тот мог опереться и следовать за рудвиком, но, как и всегда, не смог сдержать трепета: кисточки на ушах мелко задёргались. Ещё бы! В хранилище таились могущественные артефакты, новые и старые. Некоторые были даже древнее Иверийской династии, и их предназначение до сих пор оставалось загадкой. Но для испытания нужен был только один – корона Тибра Иверийского. Та самая, что венчала статую каменного Тибра у входа в Преторий.

Простой обруч выглядел не слишком царственно, по мнению Йоллу, лу-лу. Он был из серого металла, слегка вытянутый в овальную форму и имел небольшой выступ к переносице. По всему периметру были выгравированы символы, значение которых оставалось тайной для всех. Иверийская магия хранилась только членами династии. Поговари-

вали даже, что иверийцы не обладали никакой особенной магией, но Йоллу точно знал, что это не так, лу-лу. Несмотря на то, что самые сильные маги исследовали обруч и заключили, что он лишён магии, корона Тибра Иверийского работала. И сейчас это предстояло проверить в очередной раз.

– Это корона Тибра Иверийского, основателя династии и мира в королевстве Квертинд! – торжественно объявил Великий консул Камлен и поднял обруч высоко перед собой.

Кирмос лин де Блайт быстро уловил суть и опустился перед Камленом на одно колено. Йоллу приготовился к любимому зрелищу, лу-лу.

– Я, Великий консул Камлен Видящий, возлагаю на тебя, Кирмос лин де Блайт, бремя власти и могущество правления. Во имя величия и свободы королевства Квертинд, во благо народа его и процветания. Да примет тебя Иверийская династия! – с этими словами Камлен опустил корону на черноволосую голову мужчины.

Йоллу ждал, но ничего не происходило. От удивления у него расширились глаза, лу-лу. Чёрный человек неподвижно застыл перед хозяином, и на лбу его красовалась корона Тибра Иверийского. Так они стояли какое-то время, пока тишину не нарушил Камлен.

– Хм... что ж, я вас поздравляю, вы прошли испытание, – деловито отвернулся старик, словно подобное происходило каждый день.

– И это всё? – Кирмос лин де Блайт поднялся, снял венец

власти и внимательно его изучил. – Вы надели на меня пустой круг из стали и говорите, что я прошёл испытание? А как же смертельная опасность? Меня предупреждали, что во время ритуала я могу погибнуть.

– Это не совсем так. И вы не правы по поводу «пустого круга». Иверийская магия – совершенно особенный вид работы с материями. Ни одному магу так и не удалось её почувствовать. Самые разные и могущественные магистры пытались найти в ней хоть каплю принадлежности к какой-то склонности. Стихийной, ментальной, творческой, кровавой. Даже проводились эксперименты над несчастными, которых заставляли насильно пройти ритуал, чтобы почувствовать присутствие смерти. И – ничего.

– А что стало с теми, кто не проходил ритуал? – Кирмос лин де Блайт начал надевать свою чёрную одежду.

– Они просто исчезали, – слепой старик взмахнул руками. – Растворялись в пространстве, как растворяется дым от свечи. И куда они девались, сами понимаете, никто не знает. Но есть подозрение, что их нет ни в пекле Толмунда, ни в садах Девейны.

– То есть, они не мертвы? – консул лин де Блайт накинул камзол.

– Кто знает, Кирмос, кто знает. Но, поскольку вы всё ещё стоите передо мной, вам это выяснить не удалось. – Великий консул вернулся к своему столу и, кряхтя, опустился в кресло. – Йоллу, принеси-ка мне титульные чернила, я дол-

жен сделать пометку в фамильном пергаменте нашего гостя о том, что он прошёл испытание династией.

Йоллу только сейчас понял, что практически не двигался и не дышал. Это было удивительно – видеть, как обруч не развеял очередного претендента на престол, лу-лу. На деревянных лапах он прошёл к дальнему шкафчику с чернилами и принёс их хозяину.

Заскрипело перо по фамильному пергаменту Кирмоса лин де Блайта. Тот уже полностью оделся и закрепил высокий ворот серебряной брошью в виде трёх сплетенных хвостами змей. Кровавого мага в нём теперь выдавала только одна тонкая линия на лице, чёрные руки и чёрные же глаза, в которых полностью терялся зрачок. Когда наводящие страх вены-молнии скрылись под камзолом, Йоллу почувствовал облегчение и начал размышлять дальновидно. Вероятно, этот консул-наместник полуострова Змеи – его будущий новый король, рассудил рудвик. Новый король Квертинда. А значит – хозяин его хозяина. Надо бы наладить дружеские связи с этим жутким мрачным магом. Во имя всех рудвиков мира, лу-лу!

Великий консул подул на вензельные строчки, чтобы чернила застыли, свернул листок в трубочку и достал печатный пломбир с весами консульства. Губы старика зашептали заклинание затворения. Когда, наконец, фамильный пергамент был запечатан сургучом и магией, Камлен привычным жестом протянул его рудвику. Йоллу выпятил живот,

выставил руки перед собой и с глубоким поклоном принял сверкающий сверток, чем изрядно удивил хозяина. Но Йоллу знал, что делал. Он уже занимался дипломатией, лу-лу: налаживал отношения с будущим королём. Мудрый маленький секретарь неспешно прошагал своими мохнатыми ступнями по истёртому ковру и с таким же глубоким поклоном вручил пергамент Кирмосу лин де Блайту.

– Теперь вы наш новый король, ваша милость, – елейным голосом произнёс Йоллу. – От имени всех рудвиков Квертинда я вас поздравляю, лу-лу!

Консул с сомнением посмотрел на Йоллу и взял пергамент.

– Мне осталось ещё одно испытание, – заметил он.

– О, самое простое, лу-лу! – встрепенулся Йоллу. – Для такого мудрого и смелого человека, как вы, прожить два года в удалении, не называя своего имени, – сущий пустяк! Ерунда на жидких сливках!

– Пожалуй, ты прав, рудвик, – согласился кровавый маг. – Я и не думал, что путь к престолу будет таким... лёгким.

На этот раз от гаркающего вороньего смеха Камлена Видящего вздрогнули оба – и Йоллу и Кирмос лин де Блайт.

Глава 1. Хороший был Кем

По гладкой поверхности горного озера тянулась розоватая дорожка – предрассветная луна отбрасывала тусклый свет на спящую воду.

Я подняла глаза и посмотрела на неё, на несколько минут замороженная этим зрелищем. Круглый красный диск был похож на небесную рану, зияющую в небесах и окрашивающую звезды вокруг в причудливые цвета – багряные, пунцовые, пурпурные. Редкое зрелище. Редкое и по-настоящему прекрасное, которое можно увидеть только раз в год.

Сегодня – Ночь Красной Луны.

Ночь, с которой заканчивается ласковое лето и начинается долгая осень.

Отец рассказывал: старики верили, будто эта ночь особенная, мистическая и опасная. Раньше в такие ночи люди запирались у себя дома, закрывали ставнями окна, чтобы кровавый свет не вторгался в их жизни. Но со временем находилось всё больше смельчаков и романтиков, которые осмеливались выйти, и, в конце концов, стало ясно: Ночь Красной Луны ничем не отличается от других ночей, белолунных или тёмных.

Ничем, кроме одного: пятнадцать лет назад в такую ночь были убиты наши правители, последние из великой Иверий-

ской династии – Мирасполь и Лауна. Это был конец эпохи славных королей и королев, превративших маленький Квертинд в настоящее государство, могущественное и процветающее.

Иверийцы были всемогущими магами, их жизнь была наполнена волшебством и чудесами. В ту ночь, когда их убили, я была ещё совсем малышкой, распугивающей своими криками рыбу и окрестных животных. Отцу со мной приходилось нелегко...

Я передёрнула плечами от неприятных мыслей. Моего отца, как и знаменитых правителей прошлого, уже не существовало на этом свете.

Красная Луна продолжала опускаться всё ниже и ниже, и теперь своим краем почти касалась верхушек деревьев на горизонте. Повинуясь древним традициям, отец обычно запирали меня дома в эту ночь. В то время как все выходили из своих жилищ, зажигали свечи, отдавая дань памяти мёртвым королям, и шествовали по улицам городов и сёл, маленькая обиженная я лежала в постели, пытаюсь сквозь закрытые ставни уловить мягкий, необычный свет. Но отец был непреклонен. Молчаливый и застенчивый Кем Горст не любил пышных торжеств и народных гуляний. Он так и прожил всю жизнь в нашем маленьком домике на берегу горного озера под названием Фарелби.

«Люди, Юна, – любил говорить отец, – могут сделать из нас монстров. Они меняют наши решения, наши взгляды и

наши мнения. Иногда бывает сложно противостоять их влиянию. И ты неизменно столкнёшься со страшным выбором – между добром и злом, предательством и верностью или даже жизнью и смертью. Но, какой бы выбор ни стоял перед тобой, всегда береги в себе человечность. Она – величайшая из всех магий».

Отец часто рассуждал о людях, которые под влиянием страсти отказывались от своих идей и принципов. Они переставали быть самими собой, совершали чудовищные поступки и падали прямо в бездну Толмунда. Иногда – буквально, то есть умирали и попадали в пекло.

Свою мать я никогда не знала. Отец говорил только, что она была таххарийкой и что он её безумно любил. От неё мне не досталось ни смуглой кожи, ни тёмных вьющихся волос, ни раскосых глаз, свойственных всем выходцам из Таххарии-Хан. Конечно, мне хотелось узнать о ней больше, но разговоры о матери были в нашей семье под запретом.

Да и беседы мы вели редко, больше предпочитая труд на свежем воздухе. Отец научил меня стрелять из лука и охотиться на кроликов и уток. А на нашем обожаемом озере мы выстроили целую рыболовную империю: сплели ловушки из ивового луба и установили их в излюбленных рыбой местах. Каждое утро я навещала их, доставала форель, гольцов, тритонов и желтопузиков, чистила и вновь заправляла ловушки приманкой. А потом садилась в дилижанс, который ходил мимо нашего дома, и отвозила улов в городок, тоже

носящий имя Фарелби. Крохотное поселение среди таких же крохотных гор, которые и горами-то назвать нельзя. Хребет Галиофских утёсов заканчивался на Фарелби, поэтому местность здесь была, скорее, холмистая. До Большого Квертиндского тракта – главной торговой дороги королевства – было несколько миль пути, а знаменитые шахты располагались севернее, там, где горные пики доставали до самых облаков. Так что наш маленький городишко не привлекал ни путешественников, ни торговцев, ни даже преступников.

Свою озёрную добычу я сдавала торговцам на городском рынке. Платили они хорошо, и нам хватало на жизнь. Там же я покупала всю необходимую утварь и одежду.

В отличие от отца, я не видела в людях ничего опасного и пугающего. Иногда задерживалась на городских праздниках и с удовольствием общалась с жителями. Большинство из них были добрыми и приветливыми, часто угощали меня сладостями и называли «маленькая Юна».

С одним я даже сдружилась. С Лонимом Рилексом – озорным и бойким мальчуганом, вечным затейником приключений. Он тоже рос без матери, и это нас объединило. Отец поначалу ворчал, но быстро махнул рукой и только посмеивался в пушистые усы каждый раз, когда мы влипали в неприятности.

А в неприятности мы влипали часто. Наша с Лонимом маленькая банда славилась в Фарелби хулиганскими выходками. Мы были просто напастью для жителей маленького го-

родка: пугали ночных прохожих, бегая в простынях, обливали водой молоденьких девиц и с дикими криками гоняли гусей вдоль единственной улицы. В те времена нас невозможно было разлучить, и если бы кто-то сказал нам, что однажды это изменится, мы бы закидали его грязью из непросыхающей рыночной лужи. Но время нещадно шло вперёд, заставляя наши тела расти и изменяться. И, хоть в душе мы всё ещё оставались детьми, неизбежное взросление пришло незаметно, как на Галиофские утёсы приходит осень.

В один из вечеров, ровно год назад, мой вихрастый и самый преданный друг объявил мне, что уезжает учиться в северный Кроуниц. Так я впервые узнала всю горечь расставания.

Помню, как провожала его на транспортном перекрёстке. Как крепко сжимала кулаки, чтобы не разреветься. Как хлопала носом, скрывая в сердце тайную обиду на то, что единственный друг бросает меня. Каким взрослым и чужим тогда казался мне Лоним! Настоящим студентом.

Наверное, я бы умерла от скуки и тоски по лучшему другу, но он вернулся – приехал на каникулы через два месяца. И, конечно, заглянул на озеро. Я визжала от радости, а отец угостил дорогого гостя калиновой настойкой. С тех пор первокурсник Рилекс приезжал регулярно и всегда рассказывал забавные истории о жизни и учёбе в Кроуницкой Королевской академии.

Я зажмурилась от воспоминаний и покрутила в руках но-

вёхонький листок пергамента. Такой же, какой показывал Лоним в день прощания. Приглашение в академию. Только теперь уже для меня.

В начале этого лета рудвик Миллу привёз упругий свиток, скреплённый печатью с крылатым львом. Это меня позабавило – львы не имели крыльев, а этот явно претендовал на полёты. Внутри ровный витиеватый почерк сообщал:

«Уважаемая жительница Великого королевства Квертинд Юна Горст!

Сим документом приглашаем Вас на обучение в Кроуницкую Королевскую академию.

Просим Вас прибыть к пятому дню от Ночи Красной Луны для участия в Церемонии определения склонностей. При себе иметь фамильный пергамент, утверждённый консульством.

После подтверждения вашей склонности вы начнёте учёбу на первом курсе академии.

Данное приглашение является зачарованным артефактом: его уничтожение вычеркнет вас из списка студентов.

В случае отказа, пожалуйста, сожгите этот пергамент.

*С уважением,
ректор Кроуницкой Королевской академии
Надалия Аддисад.*

*Кроуницкая Королевская академия, город Кроуниц,
305 день Красной Луны, 208 год от коронации Тибра Иве-
рийского»*

Поначалу я обрадовалась, что встречу с Лонимом, но потом решила, что не собираюсь никуда ехать. И приглашение никому не показала. Даже хотела сжечь пергамент. Студенческих историй мне хватало и в рассказах лучшего друга, а северная столица с её жуткими легендами пугала до коллик.

Я любила свою жизнь, любила свой дом, вечерние посиделки с отцом у очага. Говорили мы мало, но мне нравилось наблюдать, как он набивает трубку сушёными листьями табака, поджигает их и выдыхает горький дым. Мне нравились охота в знакомых пролесках и плеск рыбы в озере. Нравились заботливые горожане, которые так и звали меня маленькой Юной, несмотря на вполне девичий возраст.

Дни складывались в недели, недели – в месяцы, так мы и жили в нашем маленьком мирке.

И жили бы ещё долго, если к нам не наведалься разноглазый господин.

Однажды к озеру Фарелби пришёл человек в плаще. Капюшон он не скинул даже за столом в доме, куда его пригласили хозяева. Я только смогла рассмотреть, что глаза у него чудные, разного цвета: один – фиолетовый, а другой – зелёный.

Странный был посетитель. Вызывал неприятное чувство. Какое именно, мне так и не удалось понять. Отец называл его просто – господином. Этот господин сообщил, что мою мать, Тезарию Горст, пытал и убил Кирмос лин де Блайт. Последние часы она провела в страшной тюрьме Квертинда – Зандагате, что находится на полуострове Змеи. Я сначала удивилась тому, что моя мама, оказывается, существовала и даже жила где-то в Квертинде, а потом сразу же расстроилась от того, что мне так и не удалось с ней познакомиться.

Я спросила незнакомца, в чём её обвиняли. Он повернулся ко мне и посмотрел так, будто впервые заметил, что в комнате есть ещё кто-то, кроме них с отцом.

– Не знал, что вы успели обзавестись потомством, Кем, – проигнорировал мой вопрос незнакомец.

Кем Горст в ответ стушевался. Мне в тот момент показалось, будто он стыдится самого моего существования. Таким я отца еще никогда не видела. От этого неприязнь к незнакомцу только возросла, и я поспешила его проводить, тем более что задерживаться господин не собирался. Прежде, чем дверь за ним закрылась, он успел рассмотреть меня своими жутковатыми глазами.

– Никогда не стоит недооценивать опасность человечности, – кинул мужчина на прощание.

Мне это ужасно не понравилось.

Было ощущение, будто он гадко обозвал меня. К тому же это совершенно противоречило наставлениям отца.

После его ухода отец достал крепкую настойку и долго пил. А потом сильно заболел. Просто лёг на кровать и больше не вставал. От горя. Я поддерживала его, как могла, но унывать мне было некогда – дел на озере всегда хватало.

Мне тоже было жаль маму, до слёз, но моя жизнь осталась прежней и оттого я поначалу легко пережила новость о её смерти. В отличие от отца. Кем Горст практически перестал со мной разговаривать, только молча смотрел в потолок и угасал на глазах. Я понятия не имела, как это исправить, поэтому старалась усерднее трудиться и всячески потакать ему. Но это не помогало.

Уныние и болезнь всё сильнее одолевали отца, а маленькая Юна змейкой вилась вокруг и, кажется, делала только хуже. Отец бессильно лежал на кровати, ничего не ел, а спустя пару недель и вовсе перестал приходить в сознание.

Доктор Колфин только руками развёл в ответ на мои испуганные просьбы о помощи и посоветовал готовиться к худшему.

«Чудес не бывает, Юна. А иначе твоему отцу не помочь», – сказал он у самого порога и зачем-то сунул мне несколько лирн.

Но маленькая Юна на то и была маленькой. Она верила именно в чудеса. И даже не удивилась, когда однажды, вернувшись домой с охоты, услышала голос отца.

– Тезария? – позвал он.

– Я здесь! – кинулась со всех ног к кровати, потрогала

блестящий от пота лоб.

– Воды, – произнёс отец.

Кожа его была горячей от лихорадки, но глаза смотрели осознанно. Он узнал меня. Узнал и, кажется, расстроился, что я – не Тезария.

– Всё хорошо, отец, это Юна, – всё же напомнила я и поднесла край стакана к пересохшим губам.

Он сделал короткий глоток, перевёл взгляд куда-то в потолок, хрипло сказал «Амелия, прости нас» и умер. А я так и осталась стоять со стаканом воды в руках, ещё чувствуя его прерывистое дыхание на своих ладонях.

Помню, как задумчиво присела на край постели и попыталась понять, что же произошло. О чём говорил отец? Я никогда не видела смерть и, несмотря на болезнь, не задумывалась о том, что мой отец когда-то умрёт. И тем более не знала, что говорят в таких случаях.

Я слышала, что перед смертью просят прощения у богов Квертинда. Лежащие в своих постелях молились Девейне, богине мира и благополучия. Странники в пути – Вейну, богу свободы и ветра. Воины в пылу битвы просили о снисхождении Омена. Ещё я могла вспомнить Ревда – бога земли и природы. И Нарцину, богиню творчества и искусства. И Мэндэля, бога разума. И, конечно, Толмунда, кровавого властителя подземелья.

Отец при жизни не почитал никого из них – он никогда не был религиозен, иногда только упоминал какого-то создате-

ля. Но богиню Амелию я абсолютно точно не знала. Может, ей поклонялась моя мать? О таххарийских нравах мне было ничего неизвестно. Странные мысли крутились в моей голове, я была растеряна.

Поставила стакан, развернулась и вышла из дома. На глаза попался мой охотничий лук. Я привычно перекинула его через плечо, прошла на маленький дворик с тренировочной мишенью и выпустила весь колчан стрел, одну за другой.

Пальцы дрожали, глаза были подёрнуты пеленой, поэтому в цель не попала ни одна стрела и холщовая мишень с красным кругом посередине осталась пустой. Я подошла и пнула ее. Мишень пошатнулась, но устояла. И тогда я начала что есть силы молотить её – ногами, руками, пинать, бить и даже царапать, до тех пор, пока она не превратилась в груды полуманых деревяшек и рваного полотна. Руки и ноги покрылись кровью и ссадинами, но я не плакала. Просто медленно опустилась рядом с обломками и закричала.

Гулкое эхо разнеслось над озером. Никто меня не слышал, и никто мне не ответил.

Только теперь я осознала, что осталась совсем одна. Отец был для меня единственным человеком, который всегда находился рядом. Маленькая Юна жила беззаботно, без целей и планов, просто доверяясь течению жизни. Но смерть оказалась ещё более злым вестником, чем взросление, потому что несла с собой не расставание, а потерю.

Не знаю, как долго я просидела над грудой обломков. Мне

казалось, что время остановилось, но, когда темнота опустилась на Фарелби, я поняла, что оно всё ещё бежит вперёд и меня ждут перемены.

Отец Лонима, господин Рилекс, помог мне похоронить отца недалеко от дома, под старой ивой, ветви которой доставали до самой земли. Думаю, ему бы понравилось это место – укрытое, безлюдное, окутанное еле слышным плеском нашего озера.

И вот теперь я, Юна Горст, впервые в своей жизни вышла из дома в Ночь Красной Луны и во все глаза смотрела на небо. Впервые держала в руке одинокую свечу, отдавая дань памяти не только великим правителям, но и своему отцу.

Пламя слегка потрескивало, будто переговариваясь с шелестящими волнами. Я сидела, свесив ноги с бревенчатого пирса, а за спиной у меня были мой дом и вся моя жизнь.

Красная Луна уже кинула последний отблеск на гладь озера и теперь исчезала за горизонтом.

Над Фарелби занимался рассвет.

Когда первые лучи солнца коснулись моего лица, я задула свечу. Сегодня мне предстояло покинуть это место и отправиться в большой мир, о котором я почти ничего не знала. Перемены пугали меня, но я должна была посмотреть в лицо опасности.

Этой ночью маленькая Юна, дочь рыбака и милая девчушка исчезла. Течение жизни, по которому она плыла, потопило её, затянуло под воду вместе с наивным жизнелюбием, за-

полнило её тоненькое тело одиночеством и отчаянием. Пока я не понимала, кем стала на самом деле, да и жива ли по-настоящему, но одно можно было сказать наверняка: я всё ещё дышала. И теперь даже знала, зачем.

За эту ночь моя растерянность сменилась гневом и жадой мести. Я твёрдо решила отомстить за свою семью, за то, что мой мир неотвратимо рухнул. Долгие годы каждый день я занималась привычными делами, не думая о том, что меня ждёт впереди. Оказалось, что в моих трудах не было никакого смысла.

Если подумать, мир мой начал рушиться уже давно, по камешкам, по кирпичикам, пока, наконец, полностью не накрыл своим последним оплотом. Я вспомнила того господина, который приходил к нам однажды и озвучил имя, несущее смерть и болезнь. Его визит стал отсчетной точкой кошмара, который сейчас сгустился вокруг меня.

Я запомнила это имя. Оно проникло в сердце, въелось под кожу, засело внутри, как заноза, которая будет ныть, пока её не вытащишь.

Кирмос лин де Блайт.

Человек, который убил мою мать. И которого теперь хотела убить я.

«Чух. Чух. Чух» – послышался знакомый звук.

Приближался дилижанс.

Я перекинула через плечо лук, потуже затянула ремень с

колчаном стрел, подняла небольшую сумку. Проверила монеты в кармане плаща – их должно было хватить, чтобы добраться до Кроуницкой Королевской академии. Именно отсюда я решила начать свой путь. Для воплощения плана мне необходимо было выучиться магии и военному ремеслу. К тому же, в академии жил единственный человек, который был мне дорог.

Я надеялась, что Лоним ждёт меня. Как ждал таинственный Кроуниц – жуткий и чужой северный город среди громадных ледяных скал.

«Чух. Чух. Чух»

Дилижанс подъезжал всё ближе, выплёвывая белый дым в кристально чистый утренний воздух.

Пробираясь сквозь малинник, отделявший мой дом от дороги, я на секунду засомневалась. Какая глупость – мстить человеку, который никогда о тебе даже не слышал! Особенно, если ты одинокая, несчастная сиротка, никогда не видевшая большой мир. Захотелось кинуться обратно – к ласковому плеску Фарелби, к привычной жизни, к отцу... Или хотя бы к его могиле.

Паровая телега в очередной раз пыхнула белёсым облачком и со скрипом остановилась. Я сорвала напоследок яркую ягоду, закинула в рот и рванула к дилижансу с яростной решимостью. Схватила за покатые бортики и с наскока запрыгнула.

Транспорт недовольно покачнулся, но быстро выровнял-

ся.

– А, маленькая Юна, – кивнул рудвик Миллу, вечный водитель дилижанса. – А где рыбы Юны, лу-лу?

На нём была старая грязная шляпа, в которой он прорезал дырки для ушей. Когда-то она была голубой фуражкой транспортной компании, но теперь её изначальный цвет было трудно угадать наверняка.

– Они остались в озере, Миллу, – вздохнула я с сожалением. – Думаю, теперь их долго никто не будет тревожить.

– Это хорошо, – одобрил рудвик и с серьёзным видом добавил: – Место рыбы – в озере.

Он крутанул руль, и дилижанс кособоко тронулся.

Я плюхнулась на свободную лавку, примостила под ноги сумку. Поздоровалась с четой Полн, фермерами с плантации недалеко от нашего озера. Они суетились над мешками с корнеплодами – завязывали потуже шнурки, запихивали поглубже морковь и собирали рассыпанные по дилижансу картофелины.

– Всё-таки решилась? – начала женщина, устало усаживаясь напротив. Она пыхла, на щекастом лице разлился румянец. – А и правильно, Юна! Нечего одной пропадать, давно пора перебраться поближе к людям.

– Ладна девка в людях не пропадёт, – подмигнул господин Полн.

Его супруге мысль почему-то не понравилась, и она ткнула мужа локтем в бок, из-за чего тот подобрался и посуровел.

– Жалко Кема, – продолжила госпожа Полн. – Хороший был мужик, хоть и нелюдимый. Иной раз, помню, и рыбки нам подкидывал, когда мы с базара возвращались. Возле нашей-то фермы, сама понимаешь, только земля да бурьян. А рыбки хочется, у вас она вона какая вкусная!

– Хороший был Кем, – опять подал голос крепкий господин Полн, опасливо поглядывая на жену.

– Очень хороший, – одобрила женщина.

На этот раз тычок локтем её супруг не получил и остался собой доволен.

– Да, мой отец был хорошим, – ответила я из вежливости, хотя вступать в диалог совсем не хотелось.

Дорога была плохая – в ухабах и колдобинах, отчего дилижанс постоянно подскакивал и норовил вытряхнуть нас на пыльную обочину. Хорошо, что высокие деревянные бортики препятствовали этому. Встречный ветер трепал мои косы, забирался под плащ и раздражал глаза. Или они покраснели от напоминаний об отце?

Ехать до городка Фарелби предстояло около часа. Чтобы отвлечься от грустных мыслей и заодно уйти от разговоров, я решила перекусить. Достала из сумки завернутые в холщовую салфетку хлебцы и едва хрустнула первым кусочком, как меня остановил громкий окрик рудвика:

– Никакой еды! От хлебцев будут мусорные крошки, лулу! Только не в дилижансе Миллу!

Я огляделась. Паровой транспорт был весь в дорожной

пыли. Пол дилижанса облепили куски грязи, кое-где присохла трава. В одном углу даже был замечен козий помёт.

– Но тут и так ужасно грязно, – попыталась я отвоевать своё право на завтрак. – Вон даже козы какашки лежат.

– Козьи какашки – собственность дилижанса Миллу, – деловито ответил рудвик. – А крошки Юны – это крошки Юны. Никаких крошек маленькой Юны в дилижансе Миллу, лулу!

Спорить с такими весомыми аргументами не хотелось, да и наверняка было попросту невозможно, поэтому я вздохнула и покорно убрала хлебцы обратно в сумку.

– Ишь, раскомандовался тут! – возмутилась госпожа Полн. – Это не твой дилижанс, а собственность королевства Квертинд, вверенная тебе транспортной компанией на благо его жителей. Благо, понимаешь?

С этими словами она вытащила из мешка большую морковку, резво обтёрла её о свой клетчатый передник и протянула мне. Я поблагодарила женщину и с улыбкой приняла угощение.

– Никакой еды в дили...

– Замолчи! – прикрикнула на рудвика госпожа Полн. – У девочки отец умер, а ты лезешь со своими запретами! Крути баранку и не лулукай там, понял? От морковки крошек не бывает.

Я скривилась от упоминания о смерти отца, но снова прошептала тихое «спасибо». С громким хрустом откусила

сладкий корнеплод и взглянула назад.

Мой маленький дом был ещё виден, но всё быстрее удалялся, скрываясь за придорожными деревьями. Вспомнилось, как мы с отцом строили вокруг него дощатый забор, как ходили за грибами и ягодами в лес. Как он учил меня плести рыбные ловушки и стрелять из лука. Как вечерами, лёжа на берегу, я смотрела на звезды и загадывала простые желания. Всё это сейчас отдалялось от меня вместе с моим домом. Неужели я никогда не вернусь сюда? А может, прямо сейчас, пока ещё заметен забор и малинник за ним? Я даже привстала со скамейки и оценила возможность прыжка – не сломаю ли ноги, если сигану из телеги в куст попушистее?

– Хороший был Кем, – от голоса господина Полна я всё же подпрыгнула, но осталась в дилижансе.

К счастью, ответа от меня никто не требовал. Вместо него я вгрызлась в крепкий оранжевый бок морковки, глотая крупные куски вместе с солёными слезами.

Глава 2. Поэзия времени

Городок Фарелби встретил нас утренней прохладой и непривычной тишиной. Покосившиеся лачуги ближе к центру сменились добротными бревенчатыми избами, а кое-где и настоящими каменными домами. Обычно в это время на улицах уже появлялись сонные жители, спешащие по своим делам, но сейчас было тихо. После Ночи Красной Луны горожане ещё спали, и только редкие дворники с мётлами сгребали в мелкие кучки огарки свечей.

Я ловко спрыгнула с телеги и огляделась. Коричневые низенькие дома ютились, прижавшись друг к другу и чередуясь с мелкими лавочками. На главной улице находились все достопримечательности маленького поселения: булочная, аптекарская, дом главы городка и таверна. Они соседствовали с дощатыми заборами жилых домов, на которых висели горшки и сушилось бельё.

Первым желанием было сразу пойти знакомым маршрутом – на местный базар, куда я сдавала рыбу. Но сейчас, как правильно заметил Миллу, рыбы у меня с собой не было, поэтому я немного растерялась.

Чтобы добраться до Кроуница, предстояло ещё посетить Нуотолинис – большой портовый город на Галиофских Утёсах. Там было ближайшее консульство, в котором я могла

получить фамильный пергамент. Но дилижанс до Нуотолониса ходил по строгому расписанию и отправлялся нескоро, так что времени у меня оставалось предостаточно.

Тогда я решила навестить дом своего друга Лонима. Его отец всегда тепло меня принимал, несмотря на наши с Лонимом хулиганские выходки.

Однажды мы высыпали целое ведро желтопузиков, выловленных мной в озере, прямо в сад старосты Фарелби. Внешне желтопузики напоминают змей, хотя, на самом деле, это обычные ящерицы. Беззубые, безвредные, даже полезные: уничтожают насекомых, которые портят посевы и урожай. Но жена старосты этого не знала, поэтому её визг слышал весь Фарелби. Она кричала, что завистники наполнили её сад ядовитыми змеями, и выбежала на улицу в одних панталонах. Староста потом приходил к отцу Лонима и требовал строгого наказания для нас обоих. Даже угрожал жалобами в Преторий, но вкрадчивый и любезный господин Рилекс заверил его, что наша расплата будет жестокой и поучительной. Немного остывший староста ушёл, гневно сверкая прищуренными глазами. А отец Лонима мягко пожурил нас, предупредив, что в следующий раз нам стоит подумать о маскировке.

Поэтому, когда в следующий раз мы решили проучить торговца фруктами, который недоплачивал фермерам и требовал огромные деньги с покупателей, нам пришлось приобрести у местной портнихи пару женских чулок и сделать в

них прорези для глаз и рта. Мы едва сдерживали смех, но маскировка – дело серьёзное.

Лоним к тому времени уже выбрал свою стихийную магию – природную магию огня, и заколдовал наконечники своих стрел маленькой искрой. Когда я попадала в какой-нибудь фрукт на прилавке жадного торговца, он разлетался вдребезги, забрызгивая соком всё вокруг. О том, что это могло быть опасно, мы в тот момент не думали. Нас вдохновлял неизменный девиз: «Опасности нужно смеяться в лицо!»

К сожалению, маскировка не помогла. Всё же в Фарелби было очень мало подростков, занимавшихся мелким вредительством. И ещё меньше – хороших лучников, способных попасть хотя бы в дыню, не говоря уже о более мелких фруктах. Как только торговца в очередной раз окропляли брызги сока, он выдавал порцию крепких ругательств в адрес Лони-ма Рилекса и Юны Горст. И «мелкие засранцы» было самым благопристойным. Помню, я даже заслушалась.

С этими приятными воспоминаниями я и подошла к дому с ржавой вывеской в виде циферблата. Надпись гласила: «Часовая мастерская Ганса Рилекса».

Дом был приземистый, сложенный из камня, с тяжёлой массивной дверью. Я взялась за ручку-кольцо и постучала. Внутри зашумели, затем послышались привычные шаркающие шаги господина Рилекса.

– О, малышка Юна! – обрадовался часовщик. – А я тебя ждал. Всё надеялся, что ты заглянешь ко мне перед отбыти-

ем. И ты не подвела.

– Здравствуйте, господин Рилекс.

Я зашла в знакомое прохладное помещение – настоящее царство времени. Часы здесь были повсюду: на стенах, столах, тумбочках и стульях. Самые разные, большие и маленькие, разноцветные, с надписями и без них, с ажурными стрелками и причудливыми корпусами. Объединяло их только то, что все они стройным хором издавали один и тот же звук: тик-так.

Впервые попав в эту мастерскую, я долго не могла оторваться от изучения тикающей коллекции. Я и представить не могла, что такое сокровище может храниться в Фарелби. Ганс Рилекс был увлечённым коллекционером и знатоком своего дела. Когда-то он много путешествовал, охотясь за редкими экземплярами часов или их механизмов, теперь же ему больше нравилось создавать часы самому. У него были седые, но ещё вполне густые волосы и тонкие, длинные пальцы, которые казались непропорциональными относительно его небольших рук. Одет господин Рилекс был в клетчатый камзол, застёгнутый только на одну пуговицу, и серые штаны. В кармане камзола он всегда носил пенсне на длинной цепочке и имел привычку пользоваться им, даже когда это было совершенно не нужно. Иногда он смущал собеседников, пристально рассматривая их через свой окуляр, но, казалось, этого не замечал. Вот и сейчас он поднёс пенсне к глазу, словно хотел убедиться, что перед ним действительно

Юна.

– Когда в свою восемнадцатую Красную Луну Лоним уехал в академию, я сказал ему, что он выглядит совсем взрослым. И это правда было так. Я бы хотел сказать тебе, что теперь ты тоже взрослая, но передо мной стоит всё та же маленькая Юна с двумя каштановыми косичками и смелым взглядом. Эх-хе, – вздохнул Ганс и сменил тему: – Я хочу передать Лониму кое-какие детали. Кажется, он всерьёз увлётся магией механизмов, хотя сам настойчиво называет это «наукой». Нахватался в своей академии. Не откажешь старику в небольшой услуге?

– Конечно! Представляю, как Лоним обрадуется. Его действительно интересуют все эти металлические штуковины.

– Тогда подожди, я соберу небольшую посылку. И для тебя у меня тоже будет подарок.

– О, не нужно! Все и так носятся со мной, будто с маленькой, – посетовала я. – Но я в самом деле выросла. По крайней мере, мне уже точно пора вырасти.

– Эх-хе, – опять вздохнул Ганс. – К сожалению, некоторые люди взрослеют не по возрасту, а по обстоятельствам. Такова судьба. Но кто твёрдо знает, что делать, тот приручает судьбу.

– Думаете, судьбу можно приручить, господин Рилекс? – удивилась я.

– Нельзя приручить только время, – часовщик очертил круг руками, указывая на все часы одновременно. – У него

совершенно особая, неподвластная нам поэзия. А судьбу – судьбу, пожалуй, можно. Кстати, в эту Ночь Красной Луны к нам приезжал странствующий бард. Очень талантливый молодой человек. И такой обходительный. Особый отклик в таверне вызвала его баллада о Мирасполе и Лауне Иверийских. Сейчас я тебе процитирую.

Старик подобрался, поднял подбородок и запел высоким голосом, вероятно, подражая заезжему барду:

*«Кто вертит кем – ещё вопрос большой:
Судьба любовью иль любовь судьбой?»*

Петь у господина Рилекса получалось явно хуже, чем чинить часы. Но я улыбнулась и захлопала в ладоши, как делают зрители. Мне доводилось несколько раз бывать на выступлениях бардов в нашей таверне. В основном, это были сильно пьяные люди, которые, перебирая струны лютни, громко выкрикивали непристойные стихотворения, чем вызывали отклик у таких же пьяных фарелбийцев.

– Кажется, я тебя задерживаю, – засуетился отец Лони-ма. – Сейчас вернусь!

С этими словами он скрылся за дверью кладовой и чем-то загремел.

Я же обошла комнату по кругу, потом ещё раз, и ещё. Все выставленные часы были изучены мною десятки раз, и новых, увы, давно не появлялось. Я заскучала и подошла к зеркалу. Надо отметить, что это было единственное зеркало, в которое я могла себя рассмотреть, не считая треснутого

кругляша для бритвы в нашем рыбацком домике и гладкой поверхности озера.

Маленькая Юна? Хм... Из узорной овальной рамы на меня смотрела вполне взрослая темноволосая девушка. Ничем особенным моя внешность не отличалась – телосложения я была тонкого, без выдающихся форм. Плоский живот, узкие плечи. Единственным ярким пятном была светлая, почти белая прядь волос с правой стороны от пробора. Эта своеобразная примета была у меня с рождения. Волосы я привыкла заплетать в две косы, так было аккуратнее и проще. Как там сказал господин Рилекс? Смелые глаза? По-моему, они просто слишком большие для моего лица и оттого кажется, что смотрят с некоторым вызовом. Я попыталась их прищурить, чтобы сделать взгляд более загадочным. Почему-то от этого напрягся подбородок и лицо стало совсем глупым. Я вытянула шею и высунула язык. Глаза стали ещё больше. Два огромных зелёно-голубых глаза.

– Всё готово, Юна. – Отец Лонима вышел, держа в руках перетянутый бечёвкой свёрток. – Я положил только самое необходимое, чтобы тебе не было тяжело.

– И не будет, я привыкла к тяжестим.

Я взяла свёрток и засунула его в свою сумку. Надо сказать, для своих размеров вес он имел весьма внушительный. Но озвучивать это я, конечно, не стала.

– Теперь подарок! – часовщик сделал приглашающий жест к столу, где лежали часы, которые обычно надевали на

руку. – Хочу подарить тебе что-нибудь из своей коллекции. Время нельзя подчинить, но его можно наблюдать. И рассчитывать. А это всегда полезно. Подойди, Юна.

Я подошла и взглянула на часы. Внимание привлек ярко-красный циферблат в виде сердца. Ганс Рилекс проследил за моим взглядом. Разумеется, почти все его часы были артефактами и имели какой-то магический эффект.

– О, отличный выбор, очень популярная модель! Среди часовщиков носит название «Золушка». Истинно женская, но есть и мужчины, которым такие часы по вкусу. Сильная ментальная магия. При активации воздействует на восприятие существ вокруг владельца этого образчика аурой очарования. Абсолютно все, кто будет рядом, буду считать тебя самой привлекательной и пленительной девушкой на свете. Магия действует, пока часы не отсчитают двенадцать минут с момента активации. Потом аура пропадает. К сожалению, долгий эффект накопления заклинания. Активировать можно только раз в восемь лет.

– За двенадцать минут замуж не выйти, – решила я, вспомнив главную мечту всех фэрелбийских девушек.

– Эх-хе-хе. Не все хотят выйти замуж, иногда некоторым нужно просто хорошенько... э... – он осёкся, взглянув мне в глаза. – Хорошо выглядеть какое-то время, да!

– А это что за часы? – спросила я, указывая на циферблат, обрамлённый зелёно-голубыми блестящими камешками. Как раз под цвет моих глаз.

– О, это «Музыкальный аквамарин». Играют музыку в тот час, который тебе нужен. Ты сама можешь выбирать, когда именно они заиграют.

– Тоже ментальная магия?

– Магия механизмов, – скривился часовщик. – Как бы сказал мой сын, «наука».

– Вообще-то очень удобные часы. Для студентки. Можно просыпаться с музыкой каждое утро.

– О да, и недешёвые. Это – натуральные аквамарины, так что часы сами по себе являются прекрасным и вполне респектабельным украшением.

– А вот эти, господин Рилекс? – я указала на тонкие часы с иверийским символом, как на наших монетах. – Они музыку не играют?

– Увы, это просто красивая безделушка. Много лет назад мне её подарила одна юная особа. Она испытывала живой интерес к моей коллекции, и мы охотно беседовали ночи напролёт о течении и необратимости времени. Когда пришла пора расставания, она сняла с руки эти часики и вручила мне. Тогда был подъём величия Иверийской династии и носить их герб хотели все, кто хоть немного был сведущ в политике. Моя знакомая не была исключением. Жаль, но это единственная особенность этих часов. Ты даже продать их не сможешь, если вдруг у тебя возникнет потребность в деньгах. Из-за отсутствия в них магии и драгоценностей их никто не купит.

– Я никогда не продам ваш подарок! – воскликнула я.

– Маленькая Юна, – усмехнулся он, – ты ещё так категорична.

– Господин Рилекс, а можно мне именно эти часы? Это даже хорошо, что я не смогу их продать. К тому же ремешок у них тонкий, гибкий, не будет мешать мне заниматься стрельбой и фехтованием.

– Ты уверена? У них есть изъян: они спешат ровно на пять минут. Как бы я ни старался их подвести или починить, они неизменно показывают время, на пять минут больше реального. Может, посмотришь ещё какие-нибудь? Есть природные артефакты, из других королевств...

– Я уверена. Если, конечно, вы не хотите сберечь их, как память о той особе.

– Однозначно хочу, – отрезал часовщик. – Но ещё больше хочу, чтобы эти часы перестали быть реликвией старого ворчуна и вновь обрели хозяйку.

Он аккуратно обвил браслет вокруг моего левого запястья. Гладкий корпус часов приятно охлаждал руку. Тонкий кожаный ремешок идеально прилегал к коже. Символ Иверийской династии – корона с семью шпильями, слегка отражала свет. Мне нравилось. Я посмотрела на стрелки. Почти половина двенадцатого. Это означало, что мне стоило поспешить на дилижанс, который увезёт меня совсем далеко от дома.

– Спасибо за подарок. Часы очень красивые. Я обязатель-

но передам всё Лониму, а ещё – ваши отцовские объятия! – с этими словами я раскинула руки и крепко прижала к себе старика.

– Эх-хе, – растрогался господин Рилекс, тыльной стороной ладони утирая глаза. – Кажется, только вчера мы с Кемом пили эль на берегу озера, а вы распугивали рыбу детскими криками. И вот, посмотрите: вы оба уехали, а Кем...

Часовщик ненадолго отвернулся, засмутившись. Потом подобрался, встряхнул седой копной волос и повёл меня к выходу.

– Что ж, тебе нельзя опаздывать, маленькая Юна. Дилижанс в Нуотолинис – это не наш Миллу, который может подождать пассажира минуту-другую. Пора тебе на транспортный перекрёсток, занимать лучшие места на пути к своему славному будущему!

Когда я подошла к перекрёстку, голубой дилижанс уже принимал пассажиров. Краска на его корпусе потрескалась и кое-где отошла, колёса местами проржавели, но всё равно он не шёл ни в какое сравнение с телегой, на которой ездил рудвик Миллу. Это была полноценная карета, с крышей и даже с дверцами. Для удобства пассажиров имелась ступенька, которая помогала забираться в дилижанс даже дамам в широких платьях.

– Три лирны, три лирны! – кричал машинист в голубой

и, надо отметить, чистой фуражке, стоя на подножке своего транспорта. – Бархатный сезон в Нуотолинисе, всего за три лирны!

Уже проснувшиеся и неторопливые фарелбийцы почти не обращали на него внимания. Некоторые прохожие желали ему счастливого пути, но ехать никто не хотел. Три лирны – не такая уж маленькая сумма за поездку. На эти деньги можно купить пять бочек рыбы. Я подошла к представителю транспортной компании, достала маленький мешочек с монетами и отсчитала ровно три лирны.

– Долго ехать до Нуотолиниса? – протянула я плату мужчине.

– Около четырёх часов, если по хорошей погоде. Сейчас небо чистое, дороги сухие. Я сюда доехал за три с половиной. Добрался с ветерком! – ответил машинист.

Я кинула взгляд на его обветренное лицо. Пожалуй, в каждой профессии есть свои особенности.

В дилижансе обнаружилось двое пассажиров. Один был рудвик в нарядном кафтане. Он сидел, окружённый большими мешками, которые были подозрительно похожи на те, что привезла утром в Фарелби чета Полн. Другой – мужчина с козлиной бородкой и в длинном странном плаще, сделанном как будто из коричневой кожи. Весьма необычно. Из его круглой торбы торчали свёртки пергаментов.

Я села на истёртую деревянную скамью, запихнула сумку под ноги и пристроила лук в углу. Вежливо улыбнулась

обоим попутчикам и тихонько поздоровалась. Мне ответили таким же тихим приветствием. Со стороны рулевого устройства послышался стук.

– Отправляемся через минуту, – информировал нас машинист.

Вдруг дверцы дилижанса снова распахнулись и внутрь царственно вплыла зелёная лютня с жёлтыми вензелями. Она ненадолго замерла перед нашими глазами, давая возможность хорошенько её рассмотреть, затем втянула за собой хозяина, одетого в цвет своего инструмента. Хозяин лютни внимательно оглядел всех троих пассажиров, отвесил поклон и представился:

– Виртуоз Мелироанский, странствующий бард, стихотворец и ретивый почитатель красоты и искусства.

Пассажиры кивнули ему и отвернулись. Только я продолжала рассматривать Виртуоза Мелироанского, похожего на радужную птичку. У него был большой, цыплячьего цвета берет, свисающий с одной стороны, и жёлтые сапоги, подвёрнутые у голенища. Поверх зелёного бархатного сюртука висела маленькая бутылочка с золочёной арфой внутри. Струны её вибрировали. Возможно, если бы я разбила этот сосуд, то услышала бы музыку.

Недовольный произведённым на попутчиков эффектом, бард приподнял свою лютню и запел:

*«Отправились прочь они в синей карете,
Скрывая в душе путешествий азарт.»*

Нет лучше друзей на всём белом свете:

Лу-лу и красотка, учёный и бард!»

– Меня зовут Роллу, – возмущился рудвик. – Попрошу ко мне не обращаться лу-лу, лу-лу.

– Я знал! – обрадовался бард. – Знал, что моё творчество объединяет людей! Как здорово, что мы уже начали знакомство! Вот вы, как вас, эээ... лу-лу? Чем вы занимаетесь?

– Я Роллу, лу-лу, – насупился ушастый пассажир. – Я купец. Везу корнеплоды.

– Чрезвычайно увлекательная профессия, мой пузатый друг! Сколько невероятных приключений, должно быть, случалось с вами! Вам никогда не подкладывали в мешки баторских жуков? О, можете не говорить, я знаю, что такое тайна торговой сделки!

Рудвик с подозрением покосился на свои мешки. Человек в кожаном плаще надел на кончик носа очки и посмотрел сквозь них на нового пассажира. Тем временем дилижанс уже тронулся и набирал скорость. Барду пришлось сесть, потому что при выезде из города паровая карета подскакивала на каждой ухабине.

– А вы, должно быть, любитель поэзии? – обратился Virtuoz к другому попутчику, указывая на его пергаменты. – Я могу надиктовать вам по памяти все свои баллады, пока мы путешествуем в этой славной голубой буханке!

– Я исследователь, – отозвался мужчина с явным акцентом. – Квибрл из Тимберии. Пишу летопись про ваша стра-

на. Как это вы называть – королефство. Очень большая королефство, много людей и рудфики. Много фолшебство.

– Вы имеете в виду магию, наверное? – уточнила я.

– Да-да, магия, – подтвердил исследователь.

– О изящная Нарцина, сегодня ты одарила меня аквама-рином! – музыкант взял мою руку и зачем-то облизнул её губами. – Даже двумя! Бирюза и лазурь, невинность и порок, наивность и искушение! Как зовут тебя, дар богов?

Я не знала, что делать с влажной от его слюны рукой, и решила вытереть её об дорожный плащ.

– Юна, – не сразу сообразив, кого он имеет в виду, ответила я. – Жила в Фарелби с отцом в домике у озера, ловила рыбу. Теперь еду поступать в академию Кроуница. Только получу фамильный пергамент в Нуотолинисе – и сразу отправлюсь. А то без него не принимают, мне мой друг Лоним рассказывал.

– Прелестное создание, если бы вы знали, как я завидую вашей истории! Невероятная, увлекательная, завораживающая!

– Вообще-то, рыбалка и правда увлекательное занятие. Мы с отцом ставили ловушки по...

– О нет, не той истории, лин де шер. А той, которая только начинается, – пояснил Virtuoz Мелироанский.

– Откуда вы знаете, что у меня начинается какая-то история? – захлопала я глазами.

– Потому что я бард, – отчеканил музыкант. – Я всегда

чувствую, когда начинается великая история. Иначе я бы не добился такого ошеломительного успеха у моих почитателей!

Я слышала о многих знаменитых бардах, но имя Virtuоза Мелироанского было мне незнакомо. К тому же, я сомневалась, что настолько успешный бард приехал бы на выступление в таверну Фарелби.

Мой пёстрый спутник прислонился к стенке дилижанса и вновь тихо завёл своё творчество. Пальцы его засветились, по струнам забегали яркие жёлтые искры. Это зрелище заинтересовало меня даже больше, чем сама музыка.

«Историй занятных большой я охотник,

Коль сердце нагое трепещет в груди.

И вот начинается сказка сегодня,

Что ждёт синеглазку на длинном пути»

Нагое сердце?!

Да уж, если бы бард знал, какая страшная и кровавая сказка ждёт меня впереди, то, возможно, спел бы совсем другую балладу. Но рассказывать об этом кому-либо было нельзя, так что я, следуя его примеру, облокотилась о ближайшую дощатую поверхность и попыталась уснуть.

Глава 3. Детерминанты и персонагвиры

Много лет я засыпала и просыпалась под плеск воды. Тихий шелест озера Фарелби убаюкивал меня на ночь и нежно будил по утрам. Я так привыкла спать под шум воды, что не представляла себе отдых без этого мерного звука. И прямо сейчас, прижавшись ухом к стенке дилижанса, я слышала, как знакомый плеск приятно ласкает слух.

Открывать глаза не хотелось: я боялась, что моё наваждение, моя маленькая связь с дорогим сердцу прошлым пропадёт, как только развеются остатки сна. Но выбора не было – скоро мы прибывали в Нуотолинис, и оставаться в дилижансе я точно не собиралась.

Двое моих попутчиков бодрствовали. Предприимчивый рудвик плотнее завязывал мешки, мужчина в очках вчитывался в пергамент и делал какие-то пометки с помощью длинной тонкой палочки. Судя по тому, что в ней не было чернил, она являлась магическим артефактом. Бродячий бард сладко спал, прижимая к груди лютню. Его берет съехал на бок, за расстёгнутым воротом камзола виднелась мятая нижняя рубашка из тонкого батиста.

Сонно потягиваясь, я выглянула из окна дилижанса... и

обмерла.

Ласковый шелест мне не почудился. За окном плескалась вода!

Казалось, горизонта не было и небо не заканчивалось, а сине-голубой бездной продолжало стелиться по земле. Причудливое отражение солнечных лучей от водной ряби создавало иллюзию пляшущего белого пламени. Ближе к берегу вода была тёмно-синей, почти чёрной, с белыми гребешками, напоминавшими сахарную пенку на ежевичном варенье. И эта громада все время двигалась, то приливая к берегу, то отступая от него. Плавно, как полог леса, потревоженный ветром.

Я припала носом к стеклу, не смея даже вдохнуть от восторга.

Главное очарование заключалось в какой-то тайне, которую эта бездна хранила в себе.

Наше озеро всегда казалось мне большим и прекрасным, но, по сравнению с тем, что я видела сейчас, Фарелби было ничтожной лужей. Я знала, что море – просто большой водоём, но не могла представить себе его силу и могущество. Это завораживало и... пугало.

Я вспомнила свое обещание убить Кирмоса лин де Блайта. Это выглядело так, будто маленькое озеро из далёкой тихой провинции собиралось утопить в своих водах море. О нынешнем наместнике полуострова Змеи мне было известно не так много, но даже в нашей глуши знали, что он – вели-

кий воин, подчинивший себе несколько видов магии. Могу- щественный и жестокий, сметающий всё на своём пути.

«Что ж, в академии нужно будет выяснить о нём как мож- но больше. Уверена, у него тоже есть свои слабости», – при- ободрила я саму себя и чуть не слетела с лавки от резкой остановки.

Дилижанс замер возле белокаменного строения.

Здание было длинным, с большими полукруглыми арками окон, выкрашенными голубой краской. Оконные рамы гар- монировали с такими же голубыми лавочками, расставлен- ными вдоль всего побережья.

Наша маленькая компания покинула транспорт. Я с удо- вольствием размяла затёкшие ноги и подставила лицо уже по- осеннему прохладному солнцу.

Воздух здесь можно было пить, таким густым он казался. Во рту появился привкус соли и горьких трав, подсохших за жаркое лето. За разноцветными крышами выбеленных до- миков, что тянулись вдоль кромки моря, можно было рас- смотреть уже пожелтевшие верхушки гор, плотно укрытых ковром растительности.

Люди вокруг спешили, налетали друг на друга, тащили свою поклажу и придерживали за локти спутников. Я верте- ла головой, пытаясь рассмотреть всех сразу. Исследователь из Тимберии скрылся в толпе, махнув на прощание широ- кими полами своего плаща. Купец Роллу принялся вытаски- вать мешки, за которыми его едва было видно.

– Это и есть консульство Нуотолиниса? – заворуженно спросила я у сонного барда, боком вываливающегося из дилижанса.

На щеке музыканта остался красный отпечаток рельефа доски. Прохожий задел его тяжёлым чемоданом, и Виртуоз недовольно поморщился:

– О нет, Юна, это только вокзал.

– Вокзал? – переспросила я.

Мужчина посмотрел на меня строгим помятым взглядом.

– Непросто тебе придётся, если ты даже о вокзалах никогда не слышала, – заключил музыкант. – У вас в Фарелби это называют «транспортным перекрёстком». Но только вокзал – ах! – совершенно особое место. Здесь витает волнующая атмосфера прощаний и встреч! Здесь души горят в предвкушении дорожных приключений! Здесь сердца бьются в такт под стук колёс дилижансов, которые сводят вместе и навсегда разлучают любимых, родственников и друзей!

Рядом упал очередной набитый мешок, взметнув небольшое облачко пыли и шелухи.

– Здесь витают воробьи и карманные воришки, лу-лу, – рудвик устало вытер пот со лба и смачно сплюнул.

Виртуоза Мелироанского это не смутило, но пробегающие мимо пассажиры брезгливо обошли нас стороной.

– О муза, у меня наклёвывается баллада! Послушай, ты станешь свидетельницей рождения шедевра! – по ладоням стихоплёта снова забегали солнечные струйки, перетекаю-

щие на его инструмент.

– Мне пора бы идти в консульство... – попятилась я.

Но бард, игнорируя мои протесты и скептический взгляд пузатого рудвика, продолжавшего разгружать мешки, запел:

– Покинь свои холмы, умчавшись в даль чужую,

И юность догорит с последним летним днём.

Ведь Красная Луна тебя теперь целует,

Ведёт сквозь страх и боль своим ночным путём.

Звучало и правда очень здорово, я заслушалась. Мелодия показалась мне смутно знакомой: было в мотиве что-то близкое, задевающее сокровенные мысли. Длинные мужские пальцы ловко перебирали струны лютни и щедро освещали их магией, будто смазывали золотистым маслом.

Весёлая компания молодых людей остановилась возле нас и нестройно захлопала в ладоши.

– Это самые отвратительные стихи, которые я слышал, лулу, – снова сплюнул рудвик, чем отпугнул случайных слушателей. – Ваше консульство, девушка, вон там.

Он махнул в сторону самого высокого светлого дома, которое, как почти весь Нуотолинис, возвышалось над морем вдоль берега.

– Спасибо, – поблагодарила я и двинулась в указанном направлении.

Идти в толпе оказалось не так просто. Мне приходилось всё время быть настороже, чтобы ни в кого не врезаться, и это здорово нервировало. К тому же Роллу предупреждал о

карманниках, поэтому свою сумку я крепко прижала к себе. Красть у меня было особо нечего, но всё же не хотелось давать возможность воришкам это проверить.

Виртуоз Мелироанский последовал за мной. Он никак не умолкал.

*– Вокзал в лучах горит, как белый отблеск солнца,
Но ярче белизны сияешь светом ты.*

*Судьбою сплетена та нить, что не порвётся,
Что проведёт тебя сквозь ужас темноты.*

– Ужас темноты? – скривилась я.

– Ты тоже не уверена в последней строчке? – обрадовался музыкант.

Он снова привлёк внимание, на этот раз – пушистой семейки рудвиков, обвешанных коробками. Судя по взглядам, их, как и меня, интересовала не столько мелодия, сколько магия, переливающаяся в пальцах музыканта.

– Как и во всей балладе, если честно. – Я обошла рудвиков, преградивших нам дорогу.

– Это потому, что ты не чувствуешь музыку! – Бард ловко двигался за мной, тренькая уже приевшийся мотивчик.

Пара скучающих зевак увязались за нами, надеясь услышать продолжение баллады, так что со стороны компания выглядела настоящей процессией со мной во главе. Мы шли вдоль берега, и нам навстречу попадались самые разные прохожие. Я с удивлением рассматривала всех, стараясь оторваться от поющего преследователя или хотя бы держаться

в стороне.

Дорога здесь была покрыта каменными плитками, уложенными плотно друг к другу. По ней бесконечным потоком шла толпа. Яркие и дорогие ткани перемешивались с грязными лохмотьями. Кто-то нёс под мышкой связку пергаментов, кто-то катил тележку, кто-то просто шёл, устремив взгляд себе под ноги.

Удивительно, но люди практически не смотрели друг на друга. В Фарелби все стремились встретиться взглядом с идущим навстречу, улыбнуться другу или нахмуриться недругу, а тут все прятали глаза, желая раствориться среди толпы. Они как будто хотели сказать: «Нет-нет, я не с вами, меня здесь нет, я совсем в другом месте». Лишь редкие влюблённые парочки нарушали это правило одиночества, обмениваясь взглядами. Остальные были невероятно заняты собой: моряки в голубых фуражках транспортных компаний, богато одетые купцы, престарелые леди с искусно уложенными волосами, деловые рудвики в смешных шапках – все находились в непрерывной суете, но как бы отдельно друг от друга.

Море шумело за низенькой деревянной оградой, выкрашенной в ярко-голубой цвет. Запах его переплетался с ароматами еды, доносящимися от лотков с выпечкой и рыбой. Я такую не знала: рыбы тушки были совсем мелкие, обжаренные до золотистой корочки. Должно быть, морской улов.

Бард, заметив мою заинтересованность, достал чёрный

бархатный мешочек, с виду весьма увесистый, и отсыпал пару монет загорелой белозубой женщине с лотком. Подхватил несколько рыбёшек и протянул мне. Желудок радостно заурчал, напомнив о том, что, кроме морковки, у меня с утра во рту ничего не было. Но я отказалась. Не хотелось второй раз за день питаться за чужой счёт.

– Балабулька, – самодовольно пояснил музыкант. – Местный деликатес. Ты обязана её попробовать, я угощаю!

Я молча шла дальше, стараясь игнорировать его настойчивость.

– О, милая леди, молю вас, не откажите принять скромный дар простого барда! – Virtuоз молитвенно сложил руки. – Ваш отказ погубит меня! К тому же, я неплохо заработал на пьянчужках вашего Фарелби. Удивительно щедрые люди!

Он снова поднял лютню и продолжил балладу:

*– Прими же дар небес и сделай шаг тревожный
К тому, что ждёт тебя на сумрачном пути.*

*Там сказка станет былью, а правда – сладкой ложью,
Позволь с тобою вместе отныне мне идти.*

– Если не позволю, ты ведь всё равно не отстанешь? – вздохнула я.

– Не отстану! – Бард снова протянул мне рыбу. – Но замолчу, если согласишься принять балабульку. Наслаждайся жизнью, Юна, когда она сама протягивает тебе угощения!

Я засмеялась и взяла еду. Тем более что есть мне и правда

хотелось.

Рыбка оказалось вкусной, с мелкими мягкими костями. Поначалу я пыталась вытаскивать их, но заниматься этим на ходу было неудобно, и я оставила эту затею.

Ближе к консульству ограда закончилась и дорога прильнула к открытому берегу, покрытому мелким серым песком. Прямо на песке сидели и лежали полуголые люди. Несмотря на довольно прохладную погоду, некоторые купались в море. Женщины заходили в воду в тонких нижних рубашках, не прикрывающих даже колени, а мужчины... мужчины плавали в странных коротких панталонах. И всё. Я старалась рассматривать их боковым зрением, не поворачивая головы.

– О, утончённая Нарцина! – вскрикнул Virtuoz, сворачивая с дороги в сторону моря.

Его жёлтые сапоги по щиколотку утопали в песке, оттого походка барда казалась нетвёрдой. Он направился к выходившей из моря молодой девушке, очень красивой, с пышными формами, округлыми бёдрами и тонкой талией. Её белые пухлые руки украшали браслеты из мелких ракушек. Мокрые светлые волосы прилипли к плечам и блестели на солнце.

– Мелира Иверийская, вы живы! – почти пропел Virtuoz, приближаясь к девушке. – Как долго я вас искал!

Девушка довольно улыбнулась и расправила плечи, охотно демонстрируя выдающийся бюст. Мокрая ткань прилипла

к телу, отчего оно выглядело обнажённым. Мне показалось это ужасно неприличным, но Virtuoz остался доволен.

– О лин де шер, настоящая Арфандита! – воскликнул бард.

– Кто така Арфандита? – не поняла девушка.

Я тоже не поняла и даже немного притормозила, желая услышать ответ.

– Хороший вопрос! Я уже чувствую, что вы находите во мне гений! – обрадовался Virtuoz. – Я создаю новую мифологию мира, это необычайно смелое решение. Позвольте проводить вас и поведать о богах и смертных, любви и ревности, предательстве и страсти! И о падении нравов... возможно, я сам это вам красноречиво проиллюстрирую.

Virtuoz Мелироанский изящно поклонился, вынул из кармана красное яблоко и протянул своей новой музе. Я заметила, что музыкант подкармливает всех барышень, к которым проявляет интерес. Надо сказать, такой способ оболыщения был довольно действенным.

– Кто така мифология? – спросила девушка, вгрызаясь в яблоко.

Сок спелого фрукта потёк по её подбородку. Virtuoz пришёл от этого в совершенный восторг.

– Нет, ну точно Арфандита! – не унимался он, игнорируя вопрос.

«Кто такая» мифология, я знала, поэтому ускорила шаг, пока внимание моего поэтического спутника привлёк кто-то

другой. Тем более что идти оставалось немного. Я уже видела деревянную дверь входа, что выделялась среди высоких стен консульства, словно кусочек летнего неба среди облаков.

Вблизи дверь оказалась не такой привлекательной: краска вокруг ручки засалилась и потемнела, а книзу и вовсе потрескалась. Кто-то повесил ниточку рябиновых бус прямо на ручку, по древней осенней традиции привлекая милость богов к обитателям и посетителям. Я толкнула скрипучую створку и очутилась в небольшом пустом помещении, напоминающем каменный коридор.

Здесь было гораздо прохладнее, чем снаружи. И гораздо тише. Шум толпы и плеск моря остались за дверью, не проникая внутрь сквозь плотные стены. На другом конце коридора возвышалась странная арка, исписанная незнакомыми мне символами, вдоль которых пробежал фиолетовый огонёк. Несколько минут я не двигалась, замороженная этим зрелищем, а потом начала оглядываться.

Рядом с аркой на мраморной тумбе я заметила небольшой прозрачный шар. В строгом бежевом убранстве здания он казался лишним, словно какая-то заезжая шарлатанка-гадалка забыла тут свой «магический» артефакт. Особую напыщенность стеклянной сфере придавало то, что тумба под ним была покрыта бархатным полотном с золотыми кистями по углам и вышитой в центре иверийской короной. Я осторожно приблизилась и потрогала стекло пальцем. Ничего не

произошло. Тогда я осмелела и уложила на прозрачную поверхность всю ладонь. Шар не издавал звуков, не светился, не нагревался, не звал на помощь. Для верности я взяла его в руки – он оказался ужасно тяжёлым – и потрясла. Если эта штука и работала, то явно не так.

Я поставила шар на место и заглянула в арку, надеясь спросить у кого-нибудь, что нужно делать. Вдоль гладких бежевых стен стояло несколько письменных столов, за которыми сидели работники в бордовых одеждах, к которым были приколоты броши в виде весов. Весы различались размером и цветом: одни блестели, отражая мягкий рассеянный свет, другие были тусклые и серые. У столов в задумчивости и растерянности бродили посетители, полушёпотом переговариваясь с работниками.

Я ещё немного помялась, рассматривая людей по ту сторону арки, но меня никто так и не заметил. Набравшись смелости, чтобы зайти без приглашения, я почти шагнула в арку, но сзади скрипнула входная дверь и я замерла.

В пустой прохладный коридор вошёл вооружённый человек. Выглядел он так, как будто прямо сейчас собирался сразиться с целым войском. От удивления я раскрыла рот и только спустя несколько секунд закрыла, разглядывая молодого мужчину.

Помимо меча в ножнах, свисающих с пояса, по всему его телу на кожаных ремешках были закреплены ножи и кинжалы. Длинный плащ был застёгнут на три узких ремня, на от-

вёрнутых алых лацканах красовались символы Иверийской династии, точь-в-точь такие же, как на моих часиках. Золотую корону можно было заметить и на мягких бордовых перчатках, скрывающих его руки. Нижняя половина лица незнакомца была закрыта высоким чёрным воротником, образующим подобие полумаски.

Я боязливо вжалась в стену, пропуская опасного посетителя. Молодой человек едва мазнул по мне взглядом и уверенным шагом прошёл мимо, прямо под мигающие огоньки. На миг его тело вспыхнуло оранжевой искрящейся оболочкой, которая тут же впиталась. Выглядело это по-настоящему магически. Здравомысленно рассудив, что никакого приглашения мне не нужно, я отлепилась от стены и попыталась войти в арку следом, но меня с силой вытолкнули оттуда. Я отлетела на несколько метров, едва устояв на ногах.

– Ты с ума сошла?! – гневно закричал незнакомец, проворно выныривая из арки.

Я потрясла головой, приходя в чувства, и отступила к выходу. Разговаривать с ним не хотелось, тем более я не знала, что ответить.

– Если хочешь покончить с собой, есть ещё сотня способов! Не обязательно делать из своей смерти представление! – он нервно взъерошил волосы и выдохнул сквозь зубы.

В животе неприятно заурчало от страха. «Чёрная маска» смотрел тёмным вороньим взглядом так, будто я уже была трупом, а он – голодным падальщиком. Чудилось, что передо

мною не человек вовсе, а порождение бездны, ожившее воплощение кошмара. Ужас скользнул ледяной змеёй по спине и скрутился комом в груди.

Я отступила ещё на шаг и сжала кулаки.

– Ты вообще понимаешь, что я говорю? – спросил он, окидывая меня скептическим взглядом.

– Понимаю, – осторожно ответила я, готовая бежать.

«Чёрная маска» облегчённо выдохнул. Он больше не наступал, не кричал, лишь недовольно фыркнул. Совсем по-человечески, как живой молодой парень. Должно быть, какой-то военный служащий, судя по бесконечным символам Квертинда на одежде.

– Если ты местная, зачем полезла в охранную арку без пропуска? – поинтересовался мой новый собеседник.

– Я не знала, что она охранная. То есть подозревала, что арка магическая, но как попасть внутрь, нигде не написано...

– Ты с Красной Луны свалилась?!

Рыжие, как осенняя листва, волосы упали ему на глаза, и он откинул их затянутой в перчатку рукой.

– Я никогда не выезжала из своего городка.

Мне стало неловко, и я опустила взгляд. Вспомнились слова барда о том, что будет непросто. Первое испытание взрослой жизни я едва с треском не провалила и теперь боролась с искушением сбежать обратно к своему озеру.

– Зачем же тогда выехала? – незнакомец прищурился, внимательно меня рассматривая.

Маску он так и не опустил, но подошёл ближе. От него повеяло табаком, но не таким, который курил мой отец, а с примесью острого аромата сушёных фруктов. Запах сделал этого увешанного сталью молодого мужчину более реальным для меня. И менее опасным.

– Кирмоса лин де Блайта убить! – неожиданно для себя выпалила я.

И тут же осеклась. Возможно, не стоило рассчитывать на наличие у военнослужащего чувства юмора. Выглядел он очень серьёзно, в тёмных глазах не было ни капли смеха. Меня всё ещё потряхивало, но я расправила плечи, намереваясь посмеяться в лицо опасности.

– Ха-ха, – без капли веселья произнёс он. – И в качестве первого шага решила устроить самосожжение в консульстве Нуотолиниса? В чём заключался твой план?

– У меня нет плана... но всё не так плохо! – приободрила я не то его, не то себя. – Со мной мой лук, отцовские наставления и... внутренний свет, если верить барду, – пришлось улыбнуться как можно любезнее: – Я что-нибудь придумаю!

– Что ж, – насмешливо развёл руками боец, – тогда прости, что помешал самоубийству. Вперёд, выпусти свой внутренний свет, вспыхни факелом на всё консульство, – он отошёл к арке и приглашающе кивнул под охранный свод. – Возможно, Кирмос лин де Блайт даже услышит о тебе, когда уборщица будет сметать пепел с порога.

– Эту часть можно пропустить, – ещё шире улыбнулась я,

стараясь не выдавать боязливого замешательства. – Лучше покажи мне, как попасть внутрь без ущерба для себя и окружающих.

«Чёрная маска», не отрывая от меня взгляда, громко шлёпнул ладонью по прозрачному шару на тумбе. В его центре моментально сошлись крохотные оранжевые и красные молнии, тянущиеся от пальцев молодого человека. Эта яркая смесь напоминала танцующее пламя.

– Детерминант Шарля, – как бы подтверждая очевидное, поведал он. – Только не говори, что ты его не заметила. Возле этой толмундовой арки вообще ничего больше нет.

Должно быть, моя наглость сработала, раз уж этот высокомерный боец снизошел до объяснений. Посмеяться в лицо опасности – хорошая идея!

– Как же, заметила, – кивнула я, ободрённая маленькой победой. – Только на меня ваш капризный пузырь не реагирует.

– Детерминант, – поправил парень. – Он не может не реагировать.

Я подошла к шару и в точности повторила недавний жест этого зазнайки: глядя ему в глаза, с силой шлёпнула ладонью по детерминанту. Но потом всё-таки не выдержала и перевела взгляд – вдруг заработало? Увы, шар по-прежнему оставался пустым и равнодушным к моим прикосновениям.

– Странно, – уже менее надуто заключил мой собеседник. – Вообще-то в Нуотолинисе сильные свирь-артефакт-

ники, они ошибок не допускают.

Несколько секунд мы оба молча смотрели на пустой детерминант, пока из арки не вышла женщина в бордовом платье с консульской брошью в виде весов. В руке она держала небольшой кружочек пергамента.

– Пропуск для посетителя, магия склонности Толмунда третьего порядка и магия склонности Омена четвёртого порядка, – сообщила женщина и с недоумением уставилась на прозрачный шар под моей ладонью.

Я быстро отёрнула руку, как будто пустой детерминант Шарля меня как-то порочил.

– Это для неё, – парень взял пергамент из рук женщины, хлопнул меня им по спине и втолкнул в охранную арку.

Между лопаток что-то нагрелось. Потом меня охватило свечение, подобное тому, которое я недавно видела на входящем сюда консуле. И в один миг аура исчезла, а со спины посыпался пепел от пергамента.

– А мог бы быть и твой пепел, – шепнул над ухом военный маг, входя следом. – Арка работает только на вход, так что выходить можешь смело.

– Спасибо, – так же шёпотом ответила я.

– Добро пожаловать в консульство Нуотолиниса! – раздался откуда-то сбоку громкий голос, от которого я невольно подпрыгнула. – До совета консульства осталось сто пять дней, девятнадцать часов и тридцать девять минут.

Девушка, сообщившая мне эту наверняка важную инфор-

мацию, приветливо улыбалась. Я улыбнулась ей в ответ, но про себя заключила, что это не я тут свалилась с Луны.

Пока мы с говорящими часами обменивались любезностями, мой проводник куда-то исчез. Я поискала парня взглядом, но среди посетителей и работников его не было. Зато на глаза мне попался стол с надписью «Информация», и я приободрилась. Хорошо, хоть здесь были хоть какие-то надписи. Я подошла к очередной бордовой фигуре, чтобы задать вопрос, но женщина по ту сторону стола заговорила первой.

– Жалоба на соседей, прошение Великому консулу, получение лицензии на торговлю, регистрация артефактов из Тимберии, расторжение брака, заявка на запрещённые ритуалы кровавой магии? – монотонно пробубнила она.

– Эм... мне бы фамильный пергамент получить, – обозначила я цель своего визита.

– Миночка! – неожиданно громко вскричала женщина, привлекая всеобщее внимание.

– Простите, но я не Миночка. Меня зовут Юна Горст...

– Миночка! – ещё громче завопила работница.

Мое мнение тут определённо игнорировали. Со всех сторон на меня уставились недовольные взгляды, как будто это я была нарушительницей тишины.

– А-а? – раздалось откуда-то из глубины здания.

Видимо, там обитала Миночка. Сейчас она казалась мне спасительницей.

– Тут к тебе потеряшка! – выкрикнула женщина.

– Пропускай, – разрешил далёкий глухой голос.

– Первая дверь по коридору, – уже спокойно объяснила любительница покричать.

Я буквально отлетела от стола информации и двинулась по направлению к первой двери. Нашлась она сразу, в одном из нешироких светлокаменных коридоров, похожих на тот, который встретил меня при входе. Надпись гласила: «Архив».

Дверь в архив была приоткрыта, и я протиснулась внутрь. Прямо у входа стоял стол, за которым сидела работница консульства в неизменной бордовой мантии. Рядом с ней возвышалась уже изрядно потёкшая свечка – единственный источник освещения, которого явно было недостаточно.

Когда глаза немного привыкли к темноте, я смогла рассмотреть обладательницу глухого голоса, весьма упитанную и довольную жизнью женщину. Блики света играли на золочёной брошке и половинках очков, сквозь которые меня рассматривали крохотные глазки. За спиной у Миночки находились два длинных ряда стеллажей со свитками. В самом конце этого коридора, у дальней стены на подставке стояла громадная книга жутковатого вида.

– Процедуру поиска истинного фамильного пергамента уже проходили когда-нибудь? – как и все остальные работники, без приветствия начала разговор Миночка.

– Не проходила, – призналась я.

– Встаёте за моей спиной и проходите между рядами до стены и обратно, – заученно пояснила женщина. – Увидите свечение – поздравляю, вы нашли свой пергамент.

– А если не увижу? – я привстала на носочки, чтобы лучше разглядеть тугие свёртки.

Все полки были забиты пожелтевшими свитками разной толщины и ветхости. На каждом темнела консульская печать в виде весов.

– А если не увидите – значит, не нашли, – фыркнула хранительница архива. – Вообще-то истинный пергамент светится в десяти шагах от хозяина. Так что в ближайшей половине стеллажей вашего точно нет.

Должно быть, у Миночки открылись глаза на затылке, иначе объяснить её уверенность было невозможно.

Я обошла стол и медленно двинулась между рядов. Истинные фамильные пергаменты стояли в ряд, повёрнутые печатями к проходу. Огромное количество человеческих судеб, которые были просто потеряны. Хозяева так и не пришли за ними. Многие квартиндцы доживали до глубокой старости и умирали, ни разу не столкнувшись с необходимостью подтвердить свою личность.

Я настороженно осматривалась, пытаюсь найти свой свиток, но, к сожалению, меня не признал ни один.

Миночка развернулась на стуле и выжидающе глазела на меня из-под очков.

Вдруг один фамильный пергамент изменился. Моё сердце

упало в пятки: не может быть! Я подошла к свёртку, который не светился, а просто казался алым, будто раскалённым. Неужели это мой истинный фамильный пергамент? Там наверняка есть сведения о моей матери... Я осторожно взяла его – он оказался и вправду горячим. Свиток вспыхнул у меня в руках и мгновенно рассыпался пеплом, оседающим на светлый пол консульства.

– Нет! – прокричала я, опускаясь на колени.

Я пыталась сгрести пепел. Скорее, машинально, потому что пергамент был безвозвратно утерян.

– Ну, не надо так убиваться, детка, – ко мне подошла Миночка с веником и совком. – Люди умирают каждый день.

– Но я же всё ещё дышу! – возразила я.

– Конечно, дышишь. А он, – служащая указала на кучку пепла, – уже точно нет. Да примет Девейна его в свои сады. Ну, или её.

– То есть это был не мой пергамент? – сообразила я.

– Определённо, нет, – цокнула языком Миночка. – Что ж, если процедура поиска истинного фамильного пергамента закончена, предлагаю перейти к созданию обыкновенного.

У нас на глазах, можно сказать, только что умер человек, а эта бесчувственная мина просто сгребаёт его биографию в мусорный совок! Как... бесчеловечно!

Бордовая служащая же, управившись с горкой пепла, уже тащила здоровенную книгу с резной подставки у стены. На обложке, в самой середине замысловатого вензельного кру-

га, возвышалось человеческое лицо. Точнее сказать, маска. Как будто на голову надели дамский чулок, как делали мы с Лонимом, но забыли сделать прорези для глаз и рта. Присмотревшись, я с ужасом заметила, что лицо на книге... дышит! Натянутая ткань слегка подрагивала в такт дыханию.

По коже пробежали мурашки. Неужели это живое существо?

Миночка равнодушно грохнула книгу на стол, подняв в воздух клубы пыли, и принялась вытаскивать из нижних ящиков приспособления для изготовления фамильного пергамента. Главным был, конечно же, сам лист пергамента.

– Откройте персонагвир и достигните телесного контакта с его внутренней поверхностью, – будничным тоном потребовала Миночка.

Моё прикосновение не вызвало у дышащей книги никакой реакции. Видимо, она и была персонагвиром. Судя по тому, что служащая не возмутилась, когда я начала её открывать, догадка была верной.

Достигнуть телесного контакта... Интересно, как? Для начала я сделала, как с детерминантом: просто положила на пустую страницу книги ладонь. И вновь ничего не произошло! У них здесь, Толмунд их раздери, все артефакты сломанные? Или телесный контакт плохо достигнут?

– Мне что, нужно раздеться? – уточнила я.

– Ну, ты ж не в королевы собралась, – грязно хихикнула Миночка. И спросила: – Имя?

– Юна Горст.

О, чудо!

Наконец-то я убедилась, что не все магические предметы меня игнорируют. Страницы книги вдруг наполнились мягким золотистым свечением. Они переливались, вспыхивая и угасая, словно тысячи крохотных светлячков. Впервые за время пребывания в этом ужасном месте я приободрилась. Миночка, кинув равнодушный взгляд на персонагвир, начала заполнять мой будущий фамильный пергамент.

– Возраст?

– Семнадцать краснолунных лет.

– Мелковата ты что-то, – с сомнением покосилась она. –

Нужно подтверждение родителей.

– Они умерли, – я пожала плечами. – Мать уже давно, а отец – совсем недавно.

Миночка сделала недовольное лицо, но вносить данные не прекратила.

– Род занятий? – продолжила допрос служащая.

– Эээ... рыболов.

– Безработная, – перо скрипело по моему фамильному пергаменту, не оставляя шансов на споры. – Родители?

– Отец – Кем Горст, рыболов. Мать – Тезария Горст, она... – я замешкалась, косясь на персонагвир. – В общем, не знаю, кем она была.

Это было почти правдой. Вряд ли в фамильный пергамент стоит вносить то, что моя мать сидела в Зандагате и погибла

от руки одного из нынешних консулов-наместников.

– Безработные, – снова определила Миночка, продолжая ровным почерком выводить текст. – Титулы? Документы на наследство и владения? – Она обмакнула перо в чернила и выжидающе уставилась на меня.

Документов на владение рыбацким домиком у меня, конечно же, не было. За всю мою жизнь меня никто не пытался оттуда выселить. Дом построил отец и вряд ли как-то его регистрировал.

– Не имеется, – с грустью выдохнула я.

– Бездомная, – очередной вывод докучливой работницы был внесён в мой пергамент. – Образование?

– Мне только семнадцать, я еду поступать в академию...

– Необразованная, – отрезала Миночка.

Меня это уже начинало порядком раздражать. Неужели от работников консульства требуют вызывать в людях стойкую неприязнь? Все местные бордовые мантии только этим и занимались, как только я вошла в их обитель. Включая того рыжего нахала, обозвавшего меня сумасшедшей из-за неработающего детерминанта.

– Особых примечаний, как я понимаю, тоже не имеется? – скорее утвердила, чем спросила моя мучительница.

– Не имеется, – согласилась я.

– В таком случае ждите за дверью. – Миночка кивнула мне за спину. – Тайна магии затворения фамильного пергамента, сами понимаете.

Я не понимала, но, в любом случае, мне хотелось поскорее покинуть этот дом равнодушия. Как только я убрала руку с персонагвира, он погас и превратился в обычную книгу, только увесистую. Я повернулась и направилась к выходу.

– А персонагвир за вас кто закрывать будет? – прилетело мне в спину.

Я подошла к книге и с такой силой захлопнула её, что клубы пыли полетели прямо в лицо работнице архива. Маска на поверхности персонагвира никак не отреагировала, продолжая мерно дышать, а вот Миночка подпрыгнула от неожиданности, закашлялась и с возмущением уставилась на меня. Я отвернулась и вышла из помещения, довольная хотя бы тем, что теперь ей придётся протирать очки.

На часах, висящих напротив архива, было почти шесть вечера. Я сравнила их время с тем, что показывали мои маленькие часы с иверийской короной. Как и говорил господин Рилекс, они спешили ровно на пять минут.

Ждать пришлось недолго. Вскоре мне вынесли фамильный пергамент и буквально швырнули в лицо. Кажется, Миночка была недовольна. Я ловко поймала свёрток – благо с ловкостью у меня было получше, чем со знанием консульских требований.

Фамильный пергамент оказался обычным листом скрученной бумаги, без какого-либо свечения, покраснения или других отличительных магических признаков. Скреплён он был, на первый взгляд, обычной сургучной печатью с весами

консульства.

Жаль, я не могла прочесть, что же всё-таки обо мне написала доблестная сотрудница в бордовом. Может, добавила что-то вроде «безумная, бестолковая, безнравственная» и ещё пару сотен всяких «без». Проверить было невозможно: документ запечатывало заклятие, снять которое мог только работник консульства.

Вздохнув с сожалением, я уложила фамильный пергамент на дно своей дорожной сумки, прикрыла вещами и двинулась в сторону выхода.

Глава 4. Ментор серебристой лилии

На такой большой пристани, как Нуотоленис, стояло не менее десятка крупных кораблей и ещё столько же малых парусников. В глаза бросались пара боевых галеонов, заслонявших огромными парусами вечерний свет. Пузатые пушки по обеим сторонам палуб важно темнели начищенными дулами, бордовые стяги с иверийскими коронами реяли на фоне закатного неба. Но большинство кораблей были торговыми шхунами с самыми разными флагами и названиями на бортах. Попадались и длинные пассажирские корабли с голубыми парусами транспортной компании Квертинда. Они прижимались к береговой линии, загруженные товарами и людьми, снующими туда-сюда по деревянным трапам.

Первый день осени выдался по-летнему тёплым, даже жарким. Сегодня начинался новый календарный год, что насчитывал ровно четыреста двенадцать дней вплоть до следующей мистической ночи. Привычная жизнь квертиндцев не менялась, но было в начале нового краснолунного периода что-то волшебное. Вместе с первыми падающими листьями в солёном морском воздухе кружилось обещание новой жизни и новых надежд. Во всяком случае, именно так пах для меня первый день Красной Луны двести девятого года.

Рудвики на пристани лениво ворочали мелкие тюки, боч-

ки и ящики, но больше отдыхали в тени парусов. Моряки и торговцы громко спорили, позвякивая монетами в мешочках и потряхивая кулаками. Крепкая ругань перемешивалась с прощальными всхлипами и радостными возгласами. Маленькая чумазая девчушка прыгала по доскам пристани и громко предлагала самодельные рябиновые бусы морякам и торопливым прохожим.

Я сидела на ещё тёплом после дневного солнца каменном парапете и дожёвывала ароматную ватрушку. Сдобу я купила с булочного лотка, когда возвращалась из консульства. Ещё я успела приобрести билет на пассажирский корабль: эта бумага, хоть и изрядно уменьшила мои запасы лирн, давала мне право на койку в каюте судна, идущего в Кроуниц. Судно называлось «Фаворит Вейна». Вейн – бог ветра и свободы, поэтому название корабля под голубыми парусами должно было внушать пассажирам трепет. Мне же оно внушало трепет по другой причине: это моё первое большое путешествие, которое в итоге приведёт меня в Кроуницкую Королевскую академию. Именно там мне предстояло стать обученным магом.

Я наблюдала, как пассажиры по очереди поднимают по тонким доскам свою поклажу на борт судна. Ветер трепал паруса, подхватывал слегка пожелтевшие листья, кружил их над влажной от брызг пристанью и уносил в море. Я раскрошила остатки сдобы и кинула голодным чайкам. Птицы окружили меня, ожидая продолжения ужина, но я только

рассмеялась в ответ на их громкие требования.

Вдруг мой слух уловил знакомый звук приближающегося дилижанса: чух-чух-чух. Здесь не проходило транспортных путей, вокзал был далеко, поэтому я обернулась. На пристань действительно выехал дилижанс, привлекая всеобщее внимание. Паровая карета сделала круг вдоль берега и остановилась прямо возле пирса. Новенький, идеально белый, украшенный металлическими цветами транспорт казался настоящим творением магов искусства. Возможно, таковым он и являлся. Окна изнутри были завешены кружевной тканью, так что разглядеть пассажиров не представлялось возможным.

Долго оставаться в неведении мне не пришлось: из дилижанса вынырнула тонкая дамская ладошка. Извозчик проворно спрыгнул и подал руку. Вслед за тонкой ладошкой показалась и хозяйка – высокая женщина в красивом платье, с аккуратно уложенными волосами. Она равнодушно окинула взглядом пристань и поправила одежду. На шее женщины виднелась серебристая татуировка в виде лилии. Даже массивное ожерелье не могло отвлечь взгляд от этого рисунка. Дама обернулась и поманила свою спутницу, которая уже высунулась из дилижанса. Это была молодая девушка с пухлыми щёчками, в дорожном платье цвета кондитерского крема, с мелкими пружинками пшеничных волос у лица. У неё была красивая фигура, затянутая в корсет, и точно такая же серебристая татуировка на тонкой шейке, как у её матери.

Они были очень похожи.

Леди чинно прошествовали по берегу, простучали каблучками по мокрым доскам длинного пирса и взошли на корабль. Тот самый, на котором собиралась путешествовать и я. Следом засеменяла пара рудвиков, перетаскивая из белого дилижанса десятки круглых и квадратных коробок. Капитан «Фаворита Вейна» отвесил двум серебристым лилиям неуклюжий приветственный поклон и начал поторапливать остальных пассажиров, застывших с открытыми ртами. Я тоже закрыла рот, спрыгнула с тёплой ограды, разгоняя кричащих птиц, и направилась к трапу.

Едва я успела подняться по деревянной лестнице, как бортовая дверца за мной захлопнулась. Капитан отдал последние распоряжения, и «Фаворит Вейна» тронулся с места под дружное «ах». Пассажиры заулыбались друг другу, прильнули к ограждениям и начали махать тем, кто остался на берегу. Я с удовольствием присоединилась, поддавшись всеобщей радости. Меня никто не провожал, я не знала ни одного человека по ту сторону борта, но громко хохотала и выкрикивала «До свидания!», прощаясь с родным мне краем. Люди на берегу хлопали в ладоши и кидали нам вслед ниточки рябиновых бус – на удачу. Вернусь ли я когда-нибудь? Я не знала. Так же, как и не знала, что ждёт меня впереди.

Нутолинис удалялся сначала быстро, а потом всё медленнее, позволяя нам насладиться видом прибрежного города. Чайки кружили над шпилями мачт, горланя свои противные

песни. Низкие домики утопали в тронутой осенью зелени, загорались редкими огоньками окон. Отсюда ещё различалось высокое здание консульства, остальные же в темноте вечерних сумерек казались просто размытыми светлыми пятнами. За густыми деревьями береговой линии возвышался бурый хребет Галиофских утёсов, покрытых редкой растительностью.

Весёлый переполох прощания схлынул, пассажиры отошли от борта и разбрелись по своим каютам. А я всё ещё всматривалась в удаляющийся маленький город, но теперь уже одна. В моём приподнятом настроении, словно клякса на мокром листе пергамента, растворилась грусть. Тоскливое чувство напомнило о том, насколько я одинока. В мире нет больше ни одного человека, которому была бы небезразлична Юна Горст. В Фарелби остался дом и добрые соседи, а в северном Кроунице меня ждала пугающая неизвестность и безразличный холод. Лирн на обратную дорогу уже не хватало, так что последний шанс вернуться был прямо сейчас. Спрыгнуть с корабля, вплавь добраться до Нуотолиниса, а там вечерним дилижансом отправиться в Фарелби, к уютному покою маленького озера... Я крепче сжала поручни, удерживая себя на этом судне. Назад пути не было.

– Здравствуйте, – звонкий голосок выдернул меня из водоворота мыслей.

Та самая молодая девушка с цветочной татуировкой подошла и взялась за поручень рядом со мной. Я покосилась

на неё с подозрением.

– Вы путешествуете одна? – девушка одарила меня дружелюбной улыбкой.

Мелкие брызги долетали до нас из-за фальшборта, и юная леди сморщила носик, что сделало её ещё более очаровательной.

– Я еду в Кроуницкую Королевскую академию, – осторожно ответила я. – Хочу стать студенткой.

– Надо же! – обрадовалась девушка. – Я тоже еду именно туда! Меня зовут леди Сирена Эстель. Мой отец, Эдмонд Эстель, владеет этими торговыми кораблями.

Она небрежно кивнула в сторону исчезающих на горизонте парусов и протянула руку для знакомства. Тонкое кружево торчало из-под рукава её платья, почти полностью закрывая пальцы. В Фарелби мало познакомились, зная друг друга почти с рождения, поэтому навыком изящного рукопожатия я не владела. Но всё же отодвинула кружево и несильно пожала ладошку своей новой знакомой.

– Юна Горст, – представилась я. – Дочь рыбака из Фарелби.

– О-о-о, – звучно протянула девушка. – Вы не подумайте, что я высокомерна! Моя семья отличается прогрессивными взглядами. Мы не судим людей по их происхождению и одежде.

До этого момента я никогда не думала о том, что на мне надето. Обычно одежда защищала меня от холода, воды и

хлѣстких веток в лесах возле озера. Сейчас же я огляделась и поняла, что мой пыльный дорожный плащ из холщовой ткани действительно придавал мне весьма потрёпанный вид. А на фоне добротного, сшитого по фигуре платья Сирены Эстель – и вовсе выглядел лохмотьями.

– А по чему же тогда судите? – спросила я.

Сирена потупилась и смущѣнно хихикнула.

– Я не имела в виду, что судим, – запнулась девушка. – Просто решила, что вы переживаете из-за своей бедности. Но, несмотря на это, мы с вами можем подружиться!

Я не очень поняла, пыталась ли леди меня оскорбить или поддержать, но решила поверить в её добрые намерения.

– На самом деле, это здорово, – несмело предположила я. – Приобрести друга ещё до приезда в академию.

– И большое везение! – девушка захлопала в ладоши, едва не подпрыгивая от волнения.

– А твоя мама не будет против нашей дружбы? – я кивнула в сторону идущей к нам женщины.

Гордая леди неторопливо шагала по палубе в такт лёгкой качке. Я невольно залюбовалась роскошным платьем и прической этой идеально правильной женщины. Даже стать её говорила о высоком происхождении: прямая осанка, плавная походка и вздѣрнутый подбородок вселили в меня желание согнуться в изящном поклоне. Увы, кланяться я не умела и сейчас очень жалела об этом. Взрослая серебристая лилия настойчиво и неприятно сверлила меня взглядом. Выгляде-

ла она обеспокоенной.

– Дамна? – обернулась Сирена и снова сморщила носик: – Она мне не мать. Дамна – мой ментор. Разве ты не заметила знаки соединения?

– Ты про ваши лилии?

– Ну да, – она коснулась татуировки на шеё и охотно пояснила: – Они означают, что мы связаны родовым заклятием. Их нельзя вывести или замаскировать иллюзией. Эти лилии появились после ритуала кровавой магии и сделали меня зависимой, безвольной пленницей!

Девушка закатила глаза, когда леди приблизилась и недовольно покачала головой, услышав заявление о пленнице.

– Это очень древняя и могущественная магия, – вступила в беседу женщина. – И очень большая ответственность!

Речь её была чёткой и такой же ровной, как она сама. Сирена фыркнула. Кажется, появление взрослой спутницы вызвало у неё недовольство.

– Родители Сирены оказали мне большую честь, попросив стать её ментором. Мы с её матерью были лучшими подругами ещё с Мелироанской академии благородных дев. Теперь я оберегаю её дочь, наставляю, учу всем тонкостям жизненных перипетий, а иногда и манерам поведения. – Дамна строго сверкнула глазами в сторону Сирены. – Все важные решения по её будущему принимаю я. Даже ответственность перед консульством за её проступки лежит на мне.

– Занудство, – сморщила носик девушка.

– Нет, на самом деле это и правда интересно, – заметила я. – А как вы стали ментором?

Я и предположить не могла, что их татуировки – магические, поэтому охотно слушала пояснения женщины. Взгляд Дамны немного потеплел, и она слегка склонила голову набок.

– Обряд принятия менторства достаточно опасный. В основном, из-за того, что требует магии кровавой стихии. Не каждая магическая память выдержит присоединение такой способности и не каждый способен пройти обряд. Некоторые, увы, погибают после начала ритуала. Я несколько дней лежала без сознания, но, в итоге, всё-таки справилась, – с гордостью поведала леди и протянула руку: – Кстати, мы не представлены. Дамна лин де Торн.

– Юна Горст, – я пожала руку женщине так же, как и недавно её ученице. – Хорошо, что вы справились. Наверняка, этот обряд – тайна, что-то вроде затворения фамильного пергамента.

– Вообще-то такой тайны не существует, – удивилась Дамна. – Обычно фамильный пергамент запечатывают в любом месте и при его владельце. Нужен только представитель консульства, обладающий брошью и владеющий необходимым заклинанием.

Я вспомнила Миночку, которая выгнала меня из кабинета, сославшись на тайну затворения. Вот, значит, как... Вряд ли моё присутствие что-либо изменило бы, но мне ста-

ло обидно от того, что работница консульства воспользовалась моей наивностью.

– А что касается обряда принятия менторства, – продолжила Дамна, – то это тоже никакая не тайна. Как только сердце маленького существа начинает биться, родители могут выбрать для него ментора, наложив заклятие родовой магии на любого человека.

– Мама говорит, что любой уважающий себя аристократ должен обеспечить своего наследника кровным наставником, – пояснила Сирена. – Мне выбрали ментора ещё до рождения. Но знак соединения появился у меня только в девять, когда мы прошли обряд. До этого я была свободным ребёнком!

– Ты и сейчас свободна, Сирена, – возразила женщина. – Не представляешь, какие бывают суровые менторы. Иногда мне кажется, что я слишком мягка с тобой.

– Я просто хотела подружиться с Юной! – прошипела Сирена. – Это нельзя сделать без присмотра?

– Прошу прощения, юные леди, что вмешалась в ваш разговор, но я должна проверять все новые знакомства своей мейлори, – Дамна строго сверкнула глазами в сторону своей ученицы. – Богатство вашего отца, леди Эстель, может привлечь к вам похитителей.

– Уж лучше похитители, чем надзиратель! – девушка отвернулась.

Она нетерпеливо постукивала туфелькой по палубе, оби-

женно поджав губы.

– Что ж, – вздохнула госпожа лин де Торн, – надеюсь, Юна Горст не причинит тебе вреда, иначе мне придётся её убить. Оставлю вас, юные леди.

Я удивлённо вытаращилась вслед уходящему ментору. Трудно сказать, была ли это реальная угроза или просто странная шутка, но спрашивать об этом Дамну лин де Торн наверняка было невежливо. В любом случае, если я и собиралась кому-то причинить вред, то точно не Сирене. Несмотря на капризный характер, девушка мне сразу понравилась.

– Повезло тебе, Юна, что ты путешествуешь одна! Никаких правил, никаких ограничений, свободна, как морской ветер. – Сирена зажмурилась и шумно вдохнула воздух. – Что может быть прекраснее, когда ты вольна в своих решениях и тебя не контролируют ни ментор, ни родители!

– Мои родители умерли, – я тоже вдохнула аромат моря вместе с солёными брызгами. – И, знаешь, это не так уж прекрасно.

Кажется, за последнее время мне слишком часто приходилось это повторять. Сирена Эстель стусебалась, улыбка пропала с её лица. Мелкие капли защекотали нос, и я чихнула.

– Прими мои соболезнования. Должно быть, ты ужасно себя чувствуешь.

– Ничего, я это уже пережила.

Я замолчала, и мы обе уставились за горизонт. Нуотולי-

нис скрылся за кромкой моря, и путь назад мне был точно отрезан. Сумерки сгущались всё сильнее, вода за бортом бурлила, пенилась, шумно плескала в бока корабля. Если сейчас шагнуть в это беспокойное пространство, оно поглотит меня. Вода наполнит мой рот, нос и лёгкие, и я перестану дышать. Умру и попаду в сады Девейны, где увижу свою маму. Она будет ждать меня у маленького домика, такая же красивая и гордая, как Дамна лин де Торн. Из-за её спины мне помашет отец, выдыхая горький дым из своей трубки. И мы впервые будем все вместе, настоящей семьёй...

– Ты тоже обожаешь Иверийскую династию? – восторженный голос Сирены вновь оторвал меня от размышлений. Моя попутчица показывала на часы, которые мне подарил Ганс Рилекс.

К сожалению, я всё ещё дышала.

– Эмм... – я запнулась, не уверенная в том, как же я всё-таки отношусь к Иверийской династии. – Не то чтобы обожаю. Это – подарок от дорогого мне человека.

– От твоего парня? – понимающе ухмыльнулась Сирена.

– Нет! – быстро выпалила я. – От одного часового мастера.

Он мне... ну, как ментор, только не ходит за мной хвостом.

– А вот я обожаю иверийцев! – с жаром продолжила леди Эстель. – Особенно Лауну. Ну, и Мелиру, само собой. Она была самой великой правительницей. В Нуотолинисе есть приют для бездомных детей, который она построила. Моя мама и Дамна ежегодно жертвуют туда крупные суммы. Они

рассказывали мне о Мелироане и его восхитительной академии. Там есть парк невероятных животных: чудные зверушки гуляют в нём, как у себя дома. Можешь представить – во дворе мелироанской академии можно встретить полосатого коня из Таххари-Хан или настоящего тигра. Говорят, там живёт даже единорог! Ты любишь животных?

– Если честно, никогда об этом не думала, – смущённо ответила я.

Было неловко признаваться, что животных до этого момента я любила преимущественно в охотничьем рагу. В наших лесах водились дикие кабаны, зайцы и белки. Иногда можно было встретить бурого медведя, который в рагу не годился, но и на любимчика не претендовал.

– Ох, может, однажды мы с тобой попадём в Мелироанскую академию Благородных дев, как моя мама и Дамна. В качестве гостей, разумеется, – не унималась Сирена. – Мелира основала эту академию вместе со своим мужем, веллапольским принцем Уиллрихом. Все иверийские принцессы выходили замуж только за них. Ну, кроме Лауны. Я тоже мечтаю когда-нибудь выйти замуж за веллапольского принца, как несравненная Мелира!

Энтузиазма Сирены по этому поводу я точно не разделяла. Целительство, главное направление Мелироанской академии, было от меня так же далеко, как и все эти танцы, манеры, живопись и музыка. Так что академия, пожалуй, последнее место, куда мне хотелось бы попасть. С другой сто-

роны, замуж за пресловутого принца мне хотелось ещё меньше.

– А ты когда-нибудь видела этих веллапольских принцев? – уточнила я.

– Нет, но говорят, они чудо как хороши! Широкоплечи, темноволосы и зеленоглазы. В общем, такие же породистые, как их знаменитые гибридные животные, – леди Эстель залиvisto рассмеялась, откинув голову.

Я тоже засмеялась, поддерживая шутку Сирены. Спираль-ки волос у её лица растрепал морской ветер, поэтому выглядела она уже не так аккуратна, как в тот момент, когда я её впервые увидела. Светильники, накрытые от ветра стеклянными колбами, отбрасывали причудливые тени на лицо этой жизнерадостной девушки. И даже в таком освещении она была очень красивой. Вокруг стало уже совсем темно, и море казалось густой однородной бездной, выталкивающей наш корабль из своих недр. «Фаворит Вейна» мерно покачивался на волнах. Звёзды, не мигая, висели над нами едва приметными далёкими крапинками. На фоне безоблачного ночного неба они казались особенно яркими.

– Какая красота! – пропела Сирена, взглядываясь в небо.

Я много раз смотрела на звёздную россыпь, наблюдала за звездопадами, а прошлой ночью – даже за Красной Луной. Это было то богатство, которым я владела с самого детства, будучи дочерью простого рыбака. Но было что-то особенное в том, чтобы смотреть на небо вместе с Сиреной. Это объ-

единяло нас, делало сообщницами. Девушка, как будто прочитав мои мысли, пододвинула свою руку вдоль бортика к моей, и наши ладони соприкоснулись. Я не привыкла, чтобы меня трогали без повода, поэтому немного смутилась, но отодвигаться не стала. Так мы и стояли – с поднятыми головами, в молчании, ощущая тонкую полоску тепла друг друга.

– Сирена Эстель, – сзади послышался низкий голос Дамны.

Сирена наморщила носик. Я подметила, что это её привычная мимика. Мы обернулись. Тонкая фигура в светлом платье выделялась в темноте: ментор серебристой лилии, моей новой подруги, ждала подопечную возле входа в каюты первого класса.

– Мне пора, – вздохнула девушка. – Если хочешь, можем завтра провести вместе целый день!

– По-моему, отличная идея, – согласилась я. – Встретимся здесь же?

– Прямо с раннего утра! – леди Эстель просияла.

Девушка весело кивнула мне и, развернувшись на каблуках, бодро зашагала к своей наставнице. Я проследила за тем, как они скрываются внутри корабля, а потом какое-то время ещё стояла возле фальшборта, размышляя о том, как прошёл мой первый день вдали от дома. Но организм начал требовать своё, меня потянуло в сон, и я всё-таки отправилась на поиски спального места, где мне предстояло провести свою первую ночь вне Фарелби.

Пробуждение мне не понравилось.

Я лежала на узкой спальной полке, приколоченной к одной из стен общей каюты. Из постели у меня была только подушка, набитая соломой, и потёртый клетчатый плед, но спала я крепко, ни разу не проснувшись за ночь. Даже храп пассажиров не тревожил мой сон. Сейчас же его пытались нарушить, чему я активно сопротивлялась, натягивая покрывало повыше на голову.

– Юна Горст, – звонкий голосок требовательно ворвался в моё сонное сознание, – я жду тебя на палубе уже битый час! Ты забыла о наших планах?!

Я опустила плед и открыла один глаз. Сирена Эстель стояла надо мной, уперев кулачки в бока. Выглядела она непростительно бодрой. Пассажиры с соседних полок угрюмо и неприязненно поглядывали на юную серебристую лилию в соломенной шляпке. Один подозрительный тип ехидно скалился в нашу сторону.

– Как ты сюда попала? – Я села, неохотно откидывая плед.

– Пролетела на розовом слоне мимо многочисленной охраны, ваше величество! – съехидничала возмущённая Сирена. – Уже почти полдень, а ты до сих пор дрыхнешь!

– Меня укачало на волнах, – попыталась оправдаться я.

«Фаворит Вейна» и правда покачивало. Я потёрла глаза и убрала от лица пару разлохмаченных прядей. Леди Эстель

в своём изящном полосатом наряде резко выделялась на общем фоне простых одежд, грубо сколоченных ящичков, мешков и трюмных балок. Серебристая лилия сдержанно мерцала на её шее, словно магический символ. Впрочем, таковым она и являлась. Владелица же символа смотрелась украшением, хрупкой фарфоровой куклой в старом и грязном трюме. Пассажиры третьего класса рассматривали её, чуть ли не раздирая острыми взглядами на лоскуты.

– Я могу помочь тебе с причёской, – предложила Сирена, оценив мой внешний вид.

– Не нужно, – отказалась я и, привычно распутав волосы, наспех причесала пряди руками и снова заплела в косы. Расчёску я, конечно же, забыла дома. Опыта путешествий у меня совсем не было. Я подхватила плащ и поглубже затолкала вещи под свою полку. Сирена тем временем лучезарно улыбалась пассажирам общей каюты: настойчивое и враждебное внимание простолюдинов её совсем не смущало. Некоторые даже улыбнулись в ответ, поддавшись очарованию девушки. Провожали нас уже довольно тепло, и я удивилась тому, как легко моя новая подруга умеет завоевывать расположение. Люди быстро проникались к ней симпатией, несмотря на её довольно беспечный нрав. Пара любопытных взглядов досталась и мне, но, к счастью, интерес в них быстро угас.

Палуба встретила нас солнечной погодой и лёгкой качкой. «Фаворит Вейна» летел вперёд на большой скорости,

рассекая волны и оставляя сзади широкую пенистую полосу. Свежий ветер то настойчиво пытался растрепать волосы, то охватывал нас ласковыми воздушными объятиями. Вместо пушек по бортам корабля белели килями спасательные шлюпки, моряки в голубых фуражках начищали швабрами и без того чистые доски настила. Капитан вежливо поздоровался с серебристой лилией и велел подать нам прохладительные напитки.

– Спасибо, – я неуверенно приняла угощение и принялась.

– Прекрасный день для морской прогулки! – Сирена глотнула из прозрачного стакана, не удостоив капитана взглядом. – Я чувствую, что лечу навстречу большим переменам в своей жизни. Нутолинис всегда был слишком мал для меня. Мой потенциал требует чего-то нового, по-настоящему великого. Понимаешь?

– Пока не очень, – честно призналась я.

Напиток оказался вишнёвым с плавающей на дне ягодкой. Я в три глотка осушила стакан и наклонила его, пытаясь достать прилипшую ко дну вишню. Моего понимания собеседнице не требовалось.

– Меня ждёт великое будущее, – с громким хлопком девушка раскрыла кружевной зонтик, и я подпрыгнула от неожиданности. – И тебя, конечно, тоже. Нас обеих ждёт. Перед нами открыты новые дороги и пути, они все принадлежат нам. Подумать только, сколько приключений впереди!

Мы непременно должны все их пережить. Непременно, слышишь?

Ягодка никак не хотела поддаваться, и я нырнула в стакан пальцами, чтобы поддеть непокорный плод. К счастью, увлечённая прогулкой подруга не торопила меня с ответом.

Навстречу нам шла леди с двумя длинноухими собаками на поводках. Она слегка присела в реверансе при виде Сирены, на меня же глянула с недоумением. Я стыдливо проглотила ягоду и спрятала испачканные пальцы за спину.

– У меня уже есть кое-какие планы на будущее, – буркнула я и выплюнула косточку за борт.

Женщина с собаками брезгливо отвернулась и спросила Сирену, нравится ли ей погода и путешествие, называя девушку «сиятельством». Пока хозяйка вела почтительную беседу с юной леди Эстель, один из пёсиков обнюхивал меня, виляя хвостом. Хоть кому-то я пришлась по нраву. Я потрепала собаку за ухом, удивившись гладкой и пушистой шерсти.

– Надеюсь, ты не собираешься стать свиром? – Сирена попрощалась со своей надменной собеседницей и повернулась ко мне. – Это ужасно скучно. Пойми, чтобы добиться настоящего успеха, нужно быть амбициозной. Ставить высокие цели.

Кто такие свiry, я не знала, но уточнять постеснялась. Среди нарядных леди я и так чувствовала себя крайне неудобно, поэтому не хотела выдавать свою необразован-

ность. Мы шли под крепкими тросами, натянутыми с высокой палубы к леерам. Паруса раздувались над нашими головами, почти сливаясь цветом с чистым лазурным небом. По пути нам попадались отдыхающие пассажиры, развалившиеся в деревянных креслах. Перевернутые бочки между ними служили столиками для закусок и угощений. Я облизнулась при виде еды.

В одном из кресел сидела Дамна лин де Торн. Женщина грациозно откинулась на спинку жёсткой корабельной мебели и читала маленькую книгу в пёстрой обложке, прихлёбывая напиток. По виду – не вишнёвый. Сирена плюхнулась рядом, вытянув ножки в атласных туфлях. Я немного потопталась, не уверенная, уместно ли тут моё пребывание, но всё же пристроилась на соседнем кресле.

– Что читаете? – спросила я у ментора серебристой лилии.

– Дамский роман, – охотно ответила она. – С очень интересными героями. В моё время юные леди любили истории о богатых принцах благородного происхождения с идеальными манерами. Сейчас же любовные романы заполнены жестокими ублюдками со склонностями к насилию. Просто удивительно, как быстро меняются пристрастия в романтических делах!

Я склонила голову, чтобы прочитать название книги, но оно пряталось под пальцами Дамны. На обложке юную блондинку с цветущим растением на спине обнимал вооружённый мужчина. Несмотря на то, что он был нарисованным, я

немного поёжилась от его цепкого взгляда.

– Это Лауна Иверийская ввела моду, – зевнула Сирена, прикрываясь ладошкой. – Она вышла замуж за Мирасполя. Великий кровавый маг, военный экзарх, наставник Кирмоса лин де Блайта – как в такого не влюбиться? Хотя сам веллапольский князь Ивор предлагал нашей королеве руку и сердце.

Судя по всему, Сирена разделяла современные вкусы молодых леди.

– Ивор был некрасив и страдал подагрой, – не отрываясь от романа, пояснила госпожа лин де Торн. – Но Лауна была обязана выйти за него замуж. Такова традиция Квертинда и долг всех иверийцев со времён Галиофского завоевания. Возможно, её судьба сложилась бы по-другому.

– Но она любила Мирасполя! – с жаром возразила Сирена.

– Долг превыше любви, – буднично отозвалась ментор, переворачивая страницу. – Тем более, если речь идёт о королеве.

– Сирена, кто такой экзарх? – шепнула я подруге.

– Главный стязатель, – девушка подхватила засахаренный кусочек груши и отправила в рот. – Карающий представитель Квертинда.

Я слышала о подобном, но сама никогда с ними не сталкивалась. В Фарелби этим занимались староста и его тучная супруга. У нас и преступлений, в общем-то, не было – если не считать мелких склок в таверне и дележа территорий

между излишне жадными соседями. Я немного подумала и тоже закинула в рот сладкую дольку, подражая юной леди Эстель. Солнце отражалось от бесконечной морской глади. Хоть свежий ветер и обдувал нас, мои щёки всё же начали гореть.

– Ты не знаешь, кто у нас сейчас экзарх? – уточнила Дамна.

Она оторвалась от книги и удивлённо посмотрела на меня. Кажется, ничто не могло скрыться от слуха этой женщины.

– Кирмос лин де Блайт? – предположила я, увлекшись фруктами.

Десерт был сладким, но оставлял лёгкое кислое послевкусие. Я отправляла в рот один кусочек за другим и с удовольствием слизывала с пальцев подтаявший сахар.

– Живёшь в прошлом десятилетии! – усмехнулась госпожа лин де Торн. – Нет, уже не он. Вам бы не помешало элементарное образование, юная леди Горст. И воспитание.

– Не помешало бы, – я со вздохом отодвинула от себя тарелку со сладостями и в последний раз облизала пальцы.

– Отстань от неё, она за образованием и едет, – вмешалась Сирена. – О, ты надела свой Иштар?!

Под серебристой лилией, в ямочке между ключицами Дамны покачивался в такт волнам огромный жёлтый камень. В тени широкой шляпы он почти не играл, поэтому я не сразу его заметила. Судя по размерам, он стоил целое состояние.

– Красивое украшение, – вежливо похвалила я. – Только название странное.

Мне очень хотелось завоевать расположение женщины.

– Это фамильная драгоценность семьи лин де Торн. – Дамна повертела камень в пальцах, демонстрируя. – У каждого древнего аристократического рода Квертинда есть свой драгоценный камень, передающийся из поколения в поколение. Зачастую вместе с легендой. Такие украшения всегда тянут за собой мистический шлейф, иногда даже кровавый. Порой эти камни меняют оправу, но имя – никогда. Когда-нибудь Иштар перейдёт Сирене.

– Но она ведь не из вашей семьи, – я замороженно наблюдала за камнем. – У вас разве нет детей.

– У меня есть Сирена, – возразила Дамна. – Она – моя мейлори. Это больше, чем ребёнок. И других мне не надо. Именно она получит всё наследство семьи лин де Торн после моей смерти.

Я прикусила язык, но, по виду, ментор серебристой лилии совсем не обиделась.

– Да уж поживи, пожалуйста, подольше, – разрешила леди Эстель.

Госпожа лин де Торн усмехнулась и снова уткнулась в дамский роман. Лучи солнца жарили всё настойчивее, и я позавидовала тем, кто сидел под хлипким навесом ближе к носу корабля. Это было единственное укрытие на всей широкой палубе. Сирена откинулась на спинку, подставляя ли-

цо горячему солнцу. При ярком дневном свете я заметила мелкие веснушки на вздёрнутом носике подруги. Оранжевые крапинки проникли даже на серые радужки глаз молодой леди.

Мимо с шумом пронеслись дети и тесной группой прильнули к высоким леерам, тыча пальчиками куда-то под корабль.

– Дельфины? – Сирена приподнялась на локтях, пытаясь заглянуть за детские спины.

Мы обе, не сговариваясь, вскочили и с хохотом понеслись к голосящей толпе ребятни. Леди Эстель подхватила свои юбки и ринулась к ограждениям, обгоняя меня. Рядом с кормой и правда плыла стая дельфинов. Они выпрыгивали из воды, чем вызывали взволнованные визги, и оставались довольны произведённым эффектом. По крайней мере, мне казалось, что эти удивительные животные улыбаются, и я с радостью кричала вместе со всеми, уговаривая их выпрыгнуть ещё разок.

На палубе мы провели почти весь день. Бегали наперегонки с детворой, лакомились угощениями и обсуждали предстоящую учёбу. О Кроунице я знала только то, что он был столицей северного Квертинда – территории, некогда отвоёванной у Веллапольского княжества Галиофом Завоевателем. Точных дат я не помнила, но могла с уверенностью сказать, что это было очень давно. О магии же мне ничего не было известно. В своей жизни я видела только заезжих цели-

телей, которые за оплату лечили мелкие хвори, и барда Виртуоза Мелироанского. Великие мастера искусства использовали магию для своих творений, но это было мне ещё более чуждо, чем исцеление.

Когда солнце начало клониться к горизонту, госпожа Линде Торн вместе с другими благородными господами и дамами спустились к ужину. Несмотря на то, что корабельная кухня была всего одна, пассажиры более высокого класса ужинали первыми. Сирена пожелала дождаться очереди вместе со мной, поэтому еда ей досталась простая, как и мне, – вяленая рыба с разваренным горохом да пара сухарей. Леди Эстель не жаловалась, хотя ела с некоторой досадой. По-моему, неудовольствие юной аристократки было вызвано не столько едой, сколько соседством с мохнатым рудвиком. Он сидел на деревянной лавке рядом с моей подружкой и громко хрустел засушенным хлебом, разбрасывая вокруг себя крошки. Я поймала взгляд Сирены и шумно откусила сухарь, передразнивая её пузатого соседа. Девушка хихикнула и тоже захрустела как можно громче. Рудвик принял вызов и, гневно зыркнув на нас из-под густых бровей, начал активнее работать челюстями. Сухари быстро закончились, поэтому победители хрустящей схватки так и остались невыявленными. Но из-за стола мы встали довольные собой. Все трое.

Ближе к вечеру воздух стал холоднее, порывы ветра хлестали ледяными крыльями. Раскалённый на солнце корабль

быстро остывал, смешивая запахи смолы и мокрого дерева. Мы двигались на север, где уже ощущалось зябкое дыхание осени. Липкий туман стелился над беспокойной глубиной, потемневшее в сумерках низкое небо подмигивало румяной долькой раннего месяца, который то и дело выглядывал из-за туч. Уставшая Сирена почти повисла на одном из ограждений и куталась в плед, пытаясь согреться. Выглядела она растрёпанной, соломенная шляпка болталась за спиной, кончик носа и уши покраснелись от холода, но идти в свою каюту отказывалась, со смешливым удовольствием слушая истории из нашей с Лонимом хулиганской жизни. А я увлеклась рассказами, ободрённая слушательницей и особым таинством ночного путешествия.

– Не могу поверить, что у нас уже есть свой старшекурсник в Кроуницкой академии! – выдохнула Сирена, высоко задрав голову. – Надеюсь, Лоним достаточно галантен? Он красивый?

– Обычный, – я пожала плечами. – Пожалуй, он очень изобретательный. И смеётся в лицо опасности.

Мне трудно было оценить красоту Лонима. Я слишком привыкла к его внешности. Хотя за последние три года мы виделись мало, в моей памяти он всегда оставался вихрастым неугомонным сорванцом, отважным лидером и примером для подражания. Он никогда не пытался быть серьёзным. Мы вечно влипали в весёлые неприятности и часто выглядели по-дурацки. Пожалуй, своё детство я бы могла на-

звать счастливым именно благодаря другу. И отцу. До тех пор, пока он не заболел, убитый новостью о смерти матери... Печальные воспоминания больно кольнули сердце, напоминая о моей цели. Я стиснула зубы и потрясла головой, отгоняя неприятные мысли.

Сирена задумалась и тоже немного погрустнела, услышав об опасности. Она посмотрела на небо, нависшее над нами мерцающим куполом. Глаза ее мечтательно блуждали по звёздному пространству, блестели в свете фонарей. Водная гладь скрывалась в белёсой туманной мгле, и только небо стелилось бесконечной бездной над головами.

– На самом деле, мне страшно, – прошептала девушка.

– Мне тоже, – призналась я.

– Нас ждёт незнакомый город и новые люди, – она положила голову на сложенные ладони. – Кроуниц всегда был окутан легендами. Чужими, странными легендами про драконов и веллапольских демонов. Как знать, с чем нам придётся столкнуться? Мы как будто плывём в другой мир, прочь от самих себя.

– Может, наоборот, мы плывём к себе?

Я тоже улеглась на собственный локоть. Небо выглядело тяжёлым. Оно дрожало в такт морскому плеску, но не падало, держалось, как будто его прибили звёздами. Туман обступил нас, и от этого казалось, что мы не плывём, а просто качаемся на облаке, вне пространства и времени. Воздуш-

ный поток летел нам навстречу, покалывая крохотными капельками.

– Может, и так, – согласилась подруга. – Но всё равно страшно. Мы ведь просто девчонки, что верят в сказки. Останется ли наш мир таким же сказочным, какой он сейчас?

– Ты сама говорила, что перед нами открыты все пути и дороги, – напомнила я. – Выберем ту, которая больше понравится. Какую-нибудь сказочную.

– Ты слушала меня? – удивилась подруга.

– Конечно, ты же разговаривала со мной, – не поняла я её удивления. – Господин Рилекс сказал, что судьбу можно приручить. Мы можем попробовать приручить свою. Или побороться с ней, если она откажется подчиняться.

– Иногда люди несут ужасную чушь, – сморщила носик леди Эстель. – Совсем не думают, о чём говорят.

– Ганс Рилекс не нёс чушь, – обиделась я.

– Да я не про него, – фыркнула подруга. – Ладно, иногда я несу ужасную чушь и совсем не думаю, о чём говорю. Щипай меня в следующий раз, когда я начну умничать.

– Не буду, – улыбнулась я. – Мне нравится, когда ты умничаешь.

Мы лениво рассмеялись. Всё-таки день и качка здорово вымотали нас обеих.

– Значит, будем приручать судьбу! – неожиданно встрепенулась Сирена. – Кроуниц уже много лет принадлежит Квер-

тинду. Он тоже часть иверийского наследия. Квертинд – мой дом, и он не причинит мне вреда. Он будет меня защищать!

При упоминании Квертинда и иверийцев глаза Сирены загорелись решимостью. Я задумалась, было ли это поводом для щипка. Должно быть, леди Эстель высказалась больше для себя самой, чем для меня. Но короткий миг бодрости сменился усталостью, и девушка снова рухнула на тросы ограждений. Море плескалось мерно и спокойно, на уснувшем судне его монолог казался особенно громким. За день я привыкла к неторопливому шуму, и сейчас он убаюкивал меня холодной монотонностью. Глаза слипались, руки замёрзли, но мне не хотелось расставаться с моей смешливой подругой.

– Я тоже буду защищать тебя в Кроунице, – пообещала я. – Прямо с завтрашнего утра.

Обаяние Сирены Эстель действовало безотказно. За день я привязалась к этой молодой леди, хоть мы и были с ней очень разные.

– Если не проспичь нужный момент. – Сирена ехидно скосила не меня глаза. – Я бы хотела сойти на берег вместе с тобой.

Показная бодрость снова предала её, и девушка выразительно зевнула. Но я успела порадоваться тому, что я ей тоже понравилась.

– Разбудишь меня? – зевнула я в ответ.

– Договорились, – сонно кивнула серебристая лилия. –

Доброй ночи, Юна Горст.

Она всё же сдалась под напором усталости, и я была благодарна ей за это, потому что тоже чувствовала себя измотанной.

– Доброй ночи, Сирена Эстель, – пожелала я.

Девушка застучала каблуками по доскам и скрылась за дверью, ведущей к каютам. Я бросила последний взгляд в густой туман, что окутывал нас таинственным безмолвием, и поплелась в сторону трюма. Засыпала я довольная прошедшим днём и Сиреной Эстель. И представляла, как мы, держась за руки, будем спускаться по трапу «Фаворита Вейна», а Кроуниц будет осыпать нас радостными приветствиями, осенними листьями и рябиной.

Глава 5. Гнев Вейна

Проснулась я резко, словно в одно мгновение выпала из сна. Странное тревожное чувство загудело в ушах приглушённым раскатом. Я приподнялась на локте и огляделась: на первый взгляд, ничего не изменилось. Корабль всё так же покачивался на волнах, разве что чуть более активно. Но что-то было явно не так, потому что вокруг меня тоже начали просыпаться люди. Встревоженные и недоумённые взгляды окидывали каюту. Пассажиры, переглядываясь, пытались найти источник беспокойства. После сна перед глазами стояла мутная пелена, и я часто заморгала. Горло саднило после вчерашней ночной прогулки, но тревожило меня явно не это.

Неожиданно нас резко и сильно потрянуло. Судно со скрежетом накренилось и подпрыгнуло. Люди посыпались со своих спальных мест, как набитые соломой тюфяки. Я тоже упала и больно ударилась плечом о соседнюю полку. Откуда-то послышался пронзительный девичий визг.

– Гнев Вейна! Мы прогневали бога воды и ветра! – донеслось совсем рядом.

Низенькая старуха, каким-то чудом удержавшаяся на своей постели, свесила ноги и начала тихонько бормотать себе под нос молитвы, взывая к свободолюбивому Вейну и милостивой Девейне. Общая растерянность сменилась тревогой и

даже паникой. Напротив меня испуганная рудвик с крохотным, похожим на зайчонка пушистым малышом залезла под спальную полку.

– Вейн плохой бог, лу-ли! – причитала ушастая мама. – Очень плохой бог, лу-ли! Да спасет нас Лулук, лу-ли!

Следующий рывок подкинул всех в общей каюте, как крохотных мальков в лубяной ловушке. Покрывало немного смягчило моё падение в этот раз, но всё равно синяк мне был обеспечен. Послышались сдавленные крики и плач. Все, кто не держался за какой-нибудь выступ, оказались сброшенными на грубый пол трюма. Мимо меня прокатился ящик, ударился о борт и звонко зазвенел содержимым. В нос ударил запах кислятины. Старухе в этот раз повезло меньше: она свалилась с лавки и разбила лицо до крови. Балки угрожающе закрипели, и гул стал громче, усиливая и без того гнетущее напряжение.

– Шторм! – крикнул кто-то мне на ухо. – Мы попали в шторм!

– Мы погибнем здесь! – пропищал испуганный детский голосок.

– Вейн карает нас! – старуха подняла над головой окровавленные ладони.

Капюшон во время падения накинудся мне на голову и сейчас затруднял обзор, но даже из-под него ситуация выглядела жутковатой. Люди расползались от центра трюма, как муравьи из потревоженного муравейника. Судя по тому, что

на грязном дощатом полу оставались влажные разводы, рана была не только боголюбивая старушка. Впрочем, это могла быть не кровь, а следы рома из разбившихся бутылок. Деревянные обломки, осколки, мелкие мешки, шерстяные одеяла перемешались и подпрыгивали в такт сильной качке. Пассажиры облепили стены, вцепились в полки и балки, поддерживая себя и друг друга. Дамский вой перекрикивал стихию. Я покрепче обхватила свою постель, попыталась собрать мысли в кучу и успокоиться. Пришла к выводу, что я понятия не имею о том, что нужно делать в шторм, и на долю секунды запаниковала.

– Пойдём, малец, принесём женщинам спасательные жилеты, – в суматохе кто-то хлопнул меня по плечу.

Матрос «Фаворита Вейна» обходил каюту в поисках мужчин, способных к самостоятельному передвижению. Я даже не заметила его появления в трюме. Брезентовый плащ его было мокрым – то ли от дождя, то ли от морской воды. Должно быть, под капюшоном он принял меня за мальчишку. Море грохотало снаружи, стучало о стенки борта, терзало наше плавающее убежище, словно хотело утопить нарушителей своих просторов. Я сглотнула подобранный к горлу тугой комок.

Вряд ли жилеты спасут от ударов тяжелых морских волн, но план мне всё равно понравился. Шторм всё ещё пугал меня, но разносить жилеты вместе с мужчинами было гораздо лучше, чем молиться вместе с женщинами. В бездействии

угроза всегда кажется более устрашающей. Поэтому лучшее, что можно сделать в момент опасности, это найти себе занятие. Конечно, в том случае, когда не можешь рассмеяться этой самой опасности в лицо. Я попыталась выдавить смех, но новый прыжок корабля выбил из меня дыхание. Пассажиры снова завизжали. Сердце замирало, ухающие раскаты гроыхали почище самой буйной грозы. Но я упрямо поднялась по одной из крепких балок и постаралась поймать ритм качки. Спасательный отряд уже скрылся за хлипкой перегородкой, отделяющей общую каюту от трюмного коридора, и я побежала следом.

Желающих помочь нашлось немного. Я насчитала шесть человек, включая меня и плотного моряка с пушистыми усами. Остальные предпочли остаться в каютах и ждать милости Вейна. Или Девейны, что заберёт их души в райские сады после смерти. Или Лулука. Мне же сейчас самой надёжной казалась милость спасательных жилетов, хотя и в ней я здорово сомневалась.

Жилеты мы нашли на удивление быстро. За одной из плохо выкрашенных дверей обнаружился чулан с оранжевыми стопками. Все молчали, стараясь сохранить сосредоточенность в этой болтанке. Грубые деревянные стены узкого коридора помогали удерживать равновесие, и никто не падал. В один момент мне даже показалось, что шторм утих, но корабль снова плюхнулся в воду и в каюте поднялся женский визг. Я порадовалась тому, что стена коридора хоть немного

его приглушила. Света здесь не было совсем, и матрос зажёг факел. Он по одному подпускал нас к чулану, раздавая короткие указания. Между бровей его залегла глубокая складка, в жёстких волосах блестели мелкие капли. Я тоже подошла к жилетам и сбросила капюшон, чтобы не мешал. Матрос удивился моим косичкам, но промолчал. Я взяла стопку, подпёрла её подбородком и направилась к общей каюте. Грохот всё ещё сотрясал воздух за бортами, но здесь он казался не таким опасным. Мне даже удалось немного посмеяться над тем, что первое путешествие может для меня оказаться последним: Юна Горст сгинет в холодной морской пучине, так и не доехав до Кроуница, и история завершится совсем не сказочно.

Внезапно дверь, ведущая к каютам, резко распахнулась и в неё буквально вплыли два человека. Наша жилетная группа удивлённо уставилась на них, а я застыла с открытым ртом, стараясь подбородком удержать жилеты. Высокий матрос поддерживал за талию тонкую фигуру в промокшем насквозь платье, которая, едва перешагнув порог, опустилась на пол.

– Нашёл на палубе, – ответил мужчина на наш молчаливый вопрос. – Сумасшедшая какая-то.

Его находка выглядела ужасно. Платье на ней было изодрано, посиневшие губы мелко дрожали. Капли воды стекали по бледной коже, образуя мелкие лужицы на полу. Я невольно попятилась, припоминая древнюю легенду об

утопленницах, но взгляд зацепился за серебристую лилию на шее. Узнавание стрелой вонзилось в сердце, которое заколотилось быстрее от переживаний за подругу. Неужели это Сирена? Как я могла забыть о ней?

– Сирена! – вслух позвала я, всё ещё не уверенная в своих выводах. Мокрая фигура моментально подобралась и резко подняла голову с висящими сосульками прилипших к лицу волос. Только теперь я узнала её – это была Дамна лин де Торн. Какое-то время она рассеянным взглядом блуждала по сторонам, пока, наконец, не остановилась на мне.

– Ты! – неожиданно громко воскликнула женщина. – Это всё из-за тебя!

Госпожа лин де Торн вскочила и метнулась ко мне, путаясь в мокром платье и собственных ногах. Движения её были рваными, а взгляд, в самом деле, совершенно безумным. Я инстинктивно попятилась, но она налетела не меня всем своим весом. Жилеты рассыпались по коридору оранжевыми тряпками.

– Сирена отправилась будить тебя, Юна Горст!

Палец госпожи лин де Торн обвиняюще нависал надо мной, практически упираясь в кончик моего носа. Пару мгновений все молчали, поражённые этой сценой, даже море немного стихло. Но потом одержимая Дамна пришла в ярость и попыталась меня ударить. К счастью, нас снова подкинуло на волне и я легко увернулась от нетвёрдого удара леди. Женщина тоненько, болезненно вскрикнула и покорно

осела на пол вместе с очередным падением судна. Даже как-то слишком покорно. Наблюдавшие за этой картиной мужчины подбежали к нам, готовые прийти на помощь, я же отступила на пару шагов, защищаясь от возможных попыток нападения ментора серебристой лилии. Но госпожа лин де Торн больше не нападала. Она безвольной куклой сидела на полу и громко всхлипывала. Голова её болталась в такт сильной качке.

– Я не чувствую её, Юна, – плакала Дамна. – Не чувствую больше мою девочку. Мою мейлори.

Я растерялась, удивлённая такими резкими переменами в поведении сдержанной, хорошо воспитанной женщины. Несколько секунд переминалась с ноги на ногу, но страх за подругу всё-таки победил. Я подошла и присела рядом, держась за ближайшую стену.

– Что случилось с Сиреной, госпожа лин де Торн? – спросила я, стараясь перекричать шум и плач.

– Она ушла будить тебя, – плечи женщины мелко вздрагивали. – Сказала, что вы собирались вместе сойти на берег. Мы как раз подплывали к Кроуницу, когда попали в этот кошмар. Я не знаю, где она. Она пропала, и я... Я не чувствую её, Юна!

Всхлипывания перешли в громкое завывание, и из носа леди потекла тоненькая струйка крови. Мужчины попытались поднять Дамну, а я попробовала её успокоить:

– Ко мне Сирена так и не дошла. Наверное, шторм настиг

её на палубе...

– Скажи, что она жива, – потребовала госпожа лин де Торн, отбиваясь от протянутых к ней рук. – Скажи, что она жива!

– Я не знаю, – честно ответила я. – Но я пойду поищу её.

– Я с тобой! – решительно заявила женщина.

Она попыталась подняться, но ноги не слушались её и Дамна тут же упала. От травмы леди спасли только заботливые объятия матроса, который привёл её сюда. Качка продолжалась, и море никак не хотело униматься.

– Вам лучше оставаться в каюте, – заметил мужчина.

– Я пойду за Сиреной! – Дамна лин де Торн вновь оттолкнула всех и неуверенно встала на ноги.

В таком состоянии она была для меня больше обузой, чем помощницей. Я не имела опыта общения с женщинами, но попыталась вразумить обезумевшего ментора серебристой лилии.

– Я дочь рыбака и отлично плаваю, – привела я свой аргумент. – Мне одной будет проще. К тому же на мне нет тяжёлого платья.

На самом деле, я понимала, что несу настоящую чепуху: если меня смоем за борт, умение плавать не поможет, как и выбор одежды. Но, кажется, это подействовало.

– Приведи мне её, Юна, умоляю тебя! – снова жалобно всхлипнула госпожа лин де Торн.

Она хватала меня за руки, заглядывала в глаза. Пришлось

буквально отдирать её пальцы. Я направилась к выходу, не думая том, что за дверью бушует шторм. Мне хотелось оказаться подальше от этой сумасшедшей женщины. Гнев Вейна сейчас казался гораздо менее угрожающим, чем гнев Дамны лин де Торн. Когда я уже открывала дверь на палубу, за спиной снова послышались её крики. На этот раз плач и всхлипы сменились угрозами.

– Не смейте меня трогать! – кричала женщина. – Я потоплю вас всех, если этого не сделает море!

Снаружи стихия открылась мне во всей своей красе. Вода сплошной стеной окружала судно. Море злилось, плевалось, пенилось и шипело. Я старалась уворачиваться от его солёных языков, но всё равно промокла насквозь. «Фаворит Вейна» то и дело взбирался на верхушку очередной волны, чтобы с громким плеском упасть к её основанию. При этом мои внутренности норовили выпрыгнуть через горло. Злые волны раскачивали корабль, многотонной громадой перекачиваясь через палубу. Всю утварь и мелкую мебель, что не была прибита, унесло за борт. Вода лилась отовсюду.

– Сирена! – попыталась крикнуть я.

Крик утонул в оглушительном вопле шторма, а во рту сразу стало солоно. Даже если бы Сирена была рядом, она бы меня не услышала. Я принялась перебирать руками вдоль троса, высматривая девушку. Видимость была плохая. Едва удавалось держать глаза открытыми. Скоро их защипало, но я

продолжала вглядываться в очертания корабля, пытаюсь найти знакомый силуэт.

– Поднимай стаксель! – раздалось совсем рядом. – Идём под штормовым!

– Простите, – прохрипела я, обращаясь к фигуре в насквозь мокром плаще, – я ищу девушку...

Меня не услышали. Но заметили. Матрос выпучил глаза и, вместо помощи, заорал как резаный:

– В каюту, живо! – он подтолкнул меня в бок. – Ну, чего стоишь? Пошла, пока за борт не смыло! Пошла!

Я ухватилась за его плащ, но судно в очередной раз швырнуло в сторону и нас впечатало в ближайшую стену.

– Шевелитесь, мать вашу! – крикнул матрос уже не мне и сорвался с места. – Мачта обломится! Поднимай!

Он почти исчез в плотной паутине брызг, мелькнув тёмной далёкой тенью. Расплывчатые фигуры тянули канаты, бранились на знакомых и незнакомых мне языках, отчаянно сражаясь со стихией. Они двигались с удивительной сноровкой и скоростью, я же едва перебирала ногами и крепко держалась за натянутый вдоль стены канат. Стиснув зубы, чтобы не стошнить и не завопить от ужаса, я уговаривала себя сделать следующий шаг по направлению к безлюдной части палубы. Там не было никого из команды, и я надеялась, что найду там Сирену.

Под хлипким навесом, где ещё вчера отдыхали пассажиры, вода лилась рекой, лизала пенистыми языками дощатый

пол, но хотя бы не падала сверху. Она омывала тёмные бочки, которые каким-то чудом не унесло за борт. Должно быть, они были намертво прикручены к палубе. Пузатые деревянные великаны стонали, скрипели и кренились вместе с судном, но держались.

Стёртую кожу на ладонях саднило, а гаденький страх скрёб затылок. Всё моё нутро выло, подобно бочкам, и молило о возвращении. Но я продолжала идти вперёд, щурясь и отплёвываясь.

От нового крена я рухнула на палубу, едва не переломав ноги, и уже готова была повернуть назад, но именно в эту секунду, хватаясь мокрыми пальцами за любые выступы, я заметила белеющее неподалеку тело.

Сирена лежала, обвившись вокруг одной из бочек. Край тонкого светлого платья зацепился за нижний обод: судя по разрывам на ткани, девушка пыталась высвободиться – до тех пор, пока силы не покинули её.

Мысленно умоляя Вейна ослабить свой гнев хотя бы на пару минут, я рванула к подруге. Подбежала, почти не замечая качки, но тут же растерянно застыла: Сирена была бледной и не двигалась. Я приподняла её, как смогла, усадила спиной к бочке, приложила ухо к груди. Сердце билось.

Злость и паника придали мне сил: со всей дури я рванула подол платья, и он легко, даже как-то покорно треснул, освобождая девушку из плена.

– Скорее! – крикнула я Сирене. – Бежим в каюты!

Подруга не ответила. Тоненькое, бесчувственное тело завалилось на бок и поплыло в сторону. Я едва успела ухватить Сирену за плечо, подтащила обратно к бочке. На наше счастье, к нижнему ободу были приделаны крепкие ручки, за которые я очень удачно ухватилась. Только на этом хорошие новости заканчивались.

Мы сидели посреди штормовой палубы, хватаясь за бочку, как за последнее спасение, и я понятия не имела, что делать дальше. Прижимала к себе холодное тело подруги и пыталась утихомирить бешеный стук крови в ушах. Позвала на помощь – раз, другой, но в свисте ветра и плеске воды это было бесполезно. Что же делать? Что делать дальше? Одна я смогу добраться до кают, но как быть с Сиреной? Даже если я подниму её на руки, сильная качка не позволит удержать девушку. А стоит только отпустить – её мгновенно смоем за борт.

– Сирена, очнись! – отчаянно вскричала я и похлопала по бледным щекам. Не помогло. Очередная лавина соленых брызг обрушилась на нас, вынуждая поторопиться.

– Ладно, – успокоила я обморочную подругу, – мы сейчас просто доползём до следующей бочки и выглянем из-под навеса, хорошо? Нам кто-нибудь поможет. Постарайся не выскользнуть из моих объятий. И не паникуй.

Губы Сирены стали почти синего цвета, и это добавило волнения к моему и без того тревожному состоянию. Надеюсь, она ещё жива... В этот раз проверять я не стала.

Стараясь удерживать равновесие за двоих, я поползла по мокрым доскам в сторону крайней бочки. Рывок плечом – и подтянуть за собой подругу. И снова. Каждая мышца моего тела напряглась до предела, сухожилия натянулись корабельными канатами – того и гляди лопнут. Но до крайней бочки мы всё-таки добрались. Я даже смогла выглянуть из-под навеса, чтобы оценить ситуацию на палубе.

Корабль почти взлетал, высоко задирая нос к серому небу, чтобы в следующий миг вспороть им беспокойную воду. Я крепко прижимала Сирену каждый раз, когда мы плюхались в море.

– Сюда! – голос сорвался на хрип. Я прочистила горло и изо всех сил заорала: – Нам нужна помощь!

Крик подхватило ветром, он разнёсся над кораблём, но меня никто не услышал. Фигуры матросов куда-то пропали. Палуба опустела, и в следующий миг я поняла, почему.

Прямо по курсу на нас надвигалась огромная волна, вершина которой уходила в небо. Дыхание перехватило – то ли от зрелища, то ли от скорого осознания. Не нужно быть заправским моряком, чтобы понять, что «Фаворит Вейна» не сможет взобраться на неё. А это означало, что нас накроет.

Волна приближалась, угрожая своей неотвратимостью. Теперь было ясно, что даже если Сирена очнётся прямо сейчас, мы не успеем добраться до кают и встречать идущую на нас громаду придётся прямо здесь. От досады я стукнула

кулаком по бочке, за которую цеплялась. Бочка отозвалась глухим звуком.

Не раздумывая больше ни секунды, я отпустила Сирену, рывком встала на ноги и дёрнула на себя крышку. Не с первого раза, но она поддалась, явив мне пустое нутро корабельной мебели.

– Иди-ка сюда, – подхватила я под мышки уплывающую подругу.

Помогая себе коленями и даже зубами, я подняла Сирену и запихнула её податливое тело в бочку. Раздался звук падения, и я зашипела, мысленно прося прощения у мейлори серебристой лилии и заодно у её ментора. Накрыла бочку крышкой, надеясь, что Сирена ничего себе не сломала. И что она ещё жива.

Огромная, страшная тень окутала всё пространство, практически лишив меня зрения. Но я всё же успела глянуть на хлипкий навес над нами прежде, чем крепко обнять бочку и вцепиться в железные ручки. «Надеюсь, навес выдержит», – мелькнула короткая мысль.

В следующий миг судно осело, раздался треск, и вода хлынула сверху сплошным потоком. Я успела сделать глубокий вдох и задержала дыхание. Что-то ударило меня по спине, на короткий миг сознание ушло во тьму, но быстро вернулось. «Фаворит Вейна» под тяжестью рухнувшей на него волны опустился под воду.

Секунды тянулись мучительно долго. Казалось, мир во-

круг замер и оглох. После бурного и ревушего грохота штора тишина воспринималась особенно остро. Мои уши, заполненные водой, слышали только собственное сердцебиение. Короткий миг застывшей жизни. Ещё мгновение – и наше маленькое судно, сопротивляясь непокорной стихии, выскочило из моря, словно поплавок, сбрасывая текучие окovy. Я медленно выдохнула. Spина и повреждённые руки ныли, царапины щипало от солёной воды, но я всё ещё дышала!

Навеса над нами не было, он разлетелся в щепки от сильного удара. В остальном «Фаворит Вейна» держался. Я, побряхтывая, встала на дрожащие ноги... и застонала от слабости, ничтожности и бессилия, едва взглянула на нос корабля.

Вдали уже появилась новая волна. Она явно собиралась довершить дело своей предшественницы.

– Сирена Эстель! – отчаянно прокричала я бочонку. – Очнись, твоё мокрое сиятельство! Самое время оседлать розовых слонов!

Горло драло, в ушах звенел кошмарный гул, а в голове – обречённая пустота.

Судно накренилось, легко опрокинув меня на залитый морем настил. Я уже даже не сопротивлялась. Машинально схватилась за торчащий обломок, который раньше был навесом.

Море лупило своими белыми кулаками, волны рассыпались и кололи тысячами иголок. Следующий кусок летящей

балки едва не ударил меня острым краем. Я едва успела отпихнуть его пяткой, из последних сил сражаясь за свою жизнь.

Я уже была готова потерять сознание, как и Сирена, но неожиданно крышка бочки взмыла в воздух, присоединяясь к вороху древесины, и из укрытия показалась совершенно ошалелая леди Эстель. В мрачном буйстве стихии её светлая фигура казалась чем-то потусторонним, почти божественным. Дрожа от холода, девушка озиралась, растерянно открывая и закрывая рот. Слава Вейну, она пришла в себя!

– Сирена, немедленно выбирайся оттуда! – сходускомандовала я.

Чтобы подруга не успела испугаться, требовалось обозначить план действий. Любые объяснения и промедления были бы лишними. Наконец-то у нас появился шанс выжить! Я рывком указала Сирене в сторону носа корабля, где надвигался водяной вал, надеясь, что это избавит от ненужных расспросов. Но она даже не глянула в сторону опасности, а лишь тряхнула мокрыми волосами и измученно улыбнулась:

– Юна... Ты спасла меня!

На короткий миг я тоже застыла с открытым ртом, пытаясь подобрать слова. Подобрались только ругательные. Меньше всего сейчас были уместны благодарности. В голове промелькнула мысль о том, что и я могу кое-чему научить леди Эстель. Например, правилам поведения в экстренной ситуации. Точнее сказать, правилам выживания.

– Мы должны добраться до кают прежде, чем следующая волна накроет корабль! – Я подтянулась, схватилась за ближайший трос и повернулась к девушке: – Ты сможешь удержаться?

Это было единственным, что пришло в голову. Возможно, каюты спасут нас от следующего удара. А может, и нет... Но действовать нужно было быстро.

Сирена, как назло, медлила. Она уже выбралась из бочки и встала рядом, как статуя. И смотрела куда-то сквозь меня. Я испугалась, что сейчас с ней случится то же, что и с её ментором, но ошиблась. Случилось кое-что похуже.

– Дамна! – радостно вскричала Сирена и пробежала мимо.

Очередной резкий крен сбил её с ног, отшвырнул к ограждениям. Но маленькая леди Эстель вновь встала на ноги и кинулась прямо по направлению к носу корабля. Там, к моему ужасу, стояла Дамна лин де Торн с абсолютно счастливой улыбкой на лице. А за её спиной приближалась и росла в размерах гигантская волна.

– Вот троллье дерьмо! – всё-таки вырвалось у меня.

Я отвернулась, присела и накрыла голову руками. Предстояло пережить ещё один удар, на этот раз безо всякого навеса. Скорее всего, в этот раз на щепки разлетится весь «Фаворит Вейна». О том, что произойдёт с парой воссоединившихся на его носу женщин, думать не хотелось. Я ждала, но ничего не происходило. Секунду, другую, третью... Каза-

лось, прошло уже достаточно времени, а волна всё никак не обрушивалась на мою голову.

Оборачиваться было страшно. Я приоткрыла один глаз и взглянула на часы. Они были мокрыми, но тикали и показывали время, словно и не пережили со мной разрушительные минуты бури. На циферблате не было ни трещинки.

Когда секундная стрелка сделала почти полный оборот, я всё же обернулась. Волна по-прежнему висела над кораблём, но теперь она совсем не двигалась. На носу стояли две мокрые фигурки – ментор серебристой лилии и её мейлори. Они обнимались и махали мне руками. На фоне водяной стены выглядело это жутковато. Вдруг я поняла, что корабль больше не качается, лишь слегка подпрыгивает на мелкой ряби. На палубу выбежали люди. Они указывали рукой на волну, и ужас на их лицах сменялся восхищением. Если время и остановилось, то точно не для пассажиров нашего судна.

– Давай помогу, – предложила подошедшая ко мне госпожа лин де Торн.

Я не сразу поняла, чем она собирается мне помочь, замороженная необъяснимым зрелищем. Только когда её холодные ладони коснулись моей щеки, я вздрогнула от боли и инстинктивно отпрянула.

– Тише, – успокоила Дамна. – Сейчас пройдёт.

Руки её стали горячими и начали обволакивать кожу теплом. Она шептала какие-то заклинания, упоминая богиню Девейну. Я расслабилась и разомлела, даже царапины пере-

стали пощипывать.

– Ты спасла меня, Юна! – снова воскликнула радостная Сирена Эстель. Выглядела она неплохо, даже немного подпрыгивала, из чего я сделала вывод, что госпожа лин де Торн над ней тоже уже поработала.

Волна же, к моему ещё большему изумлению, начала медленно раздваиваться. Её половинки отходили друг от друга в разные стороны, открывая перед кораблём настоящий водяной коридор. Я видела, как потоки бурлят в этих стенах, сдерживаемые невидимой мне силой. Ветер стих. С неба падали лишь капли дождя, но они казались просто мелкими крапинками по сравнению с тем, что нам только что довелось пережить.

«Фаворит Вейна» медленно двинулся в образовавшийся проход, стены которого были похожи на водопады, текущие вверх. Они всё расступались и расступались, пока, наконец, мы не увидели, что ждёт нас впереди. Там, в окружении острых утёсов, сияла огнями пристань города Кроуниц.

На самом краю пирса стояли трое.

Маленькая темноволосая женщина в ночной рубашке раскинула руки, как будто готовясь принять наше судно в свои объятия, и губы её непрерывно шевелились. Справа от женщины взмахивал руками пожилой мужчина. Между пальцев обоих магов струились голубые световые потоки, то и дело растягиваясь длинными лучами над неожиданно спокойным морем.

Когда мы проплыли половину коридора, магия на ладонях мужчины погасла и он упал на бревенчатый пирс. С берега к нему побежали люди. На нас сразу же налетели резкие порывы ветра, громко захлопали рваными голубыми парусами. К счастью, большая часть пути уже была позади и недовольное море все ещё пропускало нас, изредка обдавая солёной водой.

Дальше всех на пирсе стоял самый крупный среди троицы человек в тёмном дорожном плаще. Он не двигался.

– Маги стихий пятого порядка, – пояснила удивлённым пассажирам госпожа лин де Торн. – Мы спасены.

Глава 6. Капраньи рога

Кроуниц встретил нас пасмурным небом. Дождь уже прекратился, но свинцовые тучи всё ещё нависали над побережьем. Сквозь редкие рваные дыры в этой плотной завесе роняло на землю лучи холодное солнце. Прибой плевался, гневно шуршал накатывающими волнами. На гладких булыжниках побережья оставались морские следы: ленты водорослей облепили берег, словно голодные бурые пиявки. Корабли вокруг угрюмо поскрипывали, как будто недовольные новым соседом. Людей на пристани почти не было. Едва мы спустились, к нам двинулась небольшая делегация, возглавляемая той самой женщиной, которая недавно выкрикивала заклинания с пирса. Она шла тяжело, опираясь на плечо идущего впереди рудвика. Подол её ночной рубашки был испачкан в грязи. В складках шерстяного пледа, накинутого на плечи, я заметила прозрачную колбу на цепочке. Она была наполовину заполнена водой и сдерживала крохотный вихрь, паривший внутри этого странного медальона. Выглядела женщина не лучше, чем мы. Со стороны её тоже можно было принять за пассажирку «Фаворита Вейна», пережившую шторм: волосы намокли и растрепались, под глазами залегли тёмные круги. Несмотря на это, держалась она с подчёркнутым достоинством настоящей королевы. За ней дви-

гались дородный мужчина в грязном переднике и молодой парень, удивительно на него похожий.

– Хорошего фам утра, путешественники, – поприветствовала нас женщина. – Меня зофут Нада́лия Аддисад. Я ректор Кроуницкой Королевской академии.

На этих словах спустившаяся с трапа Сирена кинула на меня радостный взгляд. Хоть она и выглядела потрёпанной, но на её щеках уже проступил румянец, а в глазах появилось довольное выражение. На плечи леди Эстель накинула короткую пушистую накидку, прямо поверх мокрого платья. Я нахмурилась, вспомнив, как едва не погибла из-за этой взбалмошной маленькой леди. Тем временем ректор продолжила:

– Сефодня в Кроунице случилось землетрясение. Это самое явление для наших мест. Ма́гистр Десент сделал невозможное: сумел сдержать подземные толчки, чем уберёг город от разрушений. Уфы, перфых импульсов хватило, чтобы вызвать сильный шторм. Я сожалею, что вам пришлось пережить столько неприятностей из-за моей стихии. В свою очередь, мы с магистром Айро сделали всё, чтобы обеспечить вашу безопасность. Раненые или пострадавшие есть?

Завороженные речью Надалии путешественники переглянулись. Я помнила, что происходило в каютах, как людей кидало от стенки к стенке. Должно быть, кому-то нужна была помощь целителей. Но в наших рядах царила растерянность и никто не мог ответить. Народ стал перешёптываться, пы-

таясь выяснить состояние друг друга.

– Благодарим вас за спасение, – вперёд выступила госпожа лин де Торн. – Я осмотрела пассажиров, у которых были жалобы. К счастью, серьёзно никто не пострадал, поэтому моих магических сил хватило на всех тех, кому требовалась помощь.

От обезумевшей Дамны лин де Торн, которая кидалась на меня с кулаками, не осталось и следа. На ее месте снова была грациозная женщина, преисполненная самообладания. Я даже не заметила, как она кого-то осматривала на палубе, – так была заморожена зрелищем водного коридора и работы магов стихий. Ректор Аддисад внимательно выслушала Дамну, глядя ей в глаза. Потом опустила взгляд, мазнув по серебристой лилии на шее.

– Ментор, – заключила госпожа Аддисад. – Вы прифезли мне студентку?

– Ректор! – нашлась сама серебристая лилия, выбегая из-за спин других пассажиров. – Я – леди Сирена Эстель, буду учиться в вашей академии.

Девушка присела в хорошо поставленном реверансе, но в её потрёпанном наряде это смотрелось довольно нелепо. Сирену, в отличие от наставницы, Надалия начала рассматривать именно с её татуировки. Несколько минут она изучала девушку, потом коротко кивнула ей и вновь обратилась к остальным:

– Ещё есть будущие студенты Кроуницкой Королефской

академии?

Мне не очень хотелось привлекать к себе внимание, но выбора у меня не осталось: необходимо было представиться.

– Юна Горст, – отозвалась я.

Изящного реверанса у меня всё равно бы не получилось, поэтому я просто подняла руку. Ректор кинула быстрый взгляд в мою сторону.

– Да-да, – подтвердила магистр Аддисад. – Фас мы тоже ждём, Юна Горст из Фаберли́на.

– Из Фарелби, – тихо-тихо вставила я.

Меня услышали только пара ближайших матросов и один маленький рудвик. Поправлять ректора при знакомстве было неловко, даже если она допустила ошибку. Тем более что её внимание опять привлекла Сирена.

– Мы готовы приступить к обучению! – с присущим ей рвением выпалила девушка.

Магистр с сомнением оглядела её и усмехнулась:

– Прояфите сдержанно́сть, мейло́ри. Порой это есть самая наивысшая́ бла́годетель.

Надалия Аддисад покровительственно опустила ладонь на плечо Сирены. Я заметила, как недобро прищурились глаза Дамны. Ректор академии тоже заметила это и, казалось, наслаждалась такой реакцией. Но потом взяла себя в руки и представила одного из своих спутников – крупного мужчину с тяжёлыми ладонями и сверкающей лысиной:

– Это Орм, владелёц таферны на пристани́ Кроуница. На-

зыфается «Кóзлийный фырост».

– Эээээ... «Капраний рог», магистр, – поправил Орм.

– Да, – невозмутимо подтвердила женщина. – Он готоф предлóжить всем вам местó у камина в сфоей таферне и горячую еду.

Орм закивал, скорее, соглашаясь со словами Надалии Аддисад, чем предлагая свои услуги. Я подумала, что этот жест доброй воли ему навязали.

– А это наш знаméнитый рукофодитель отдела лóгистики, магистр Полилаунд Краузер.

Я с интересом уставилась на молодого человека рядом с Ормом. Он ковырялся в носу. Громкая должность ему явно не подходила. Странно, что в таком молодом возрасте он уже стал магистром. Сирена тоже смотрела на него во все глаза.

– Гхм, – рудвик, который поддерживал Надалию, выпятил вперёд свой живот, привлекая внимание. – Полилаунд Краузер рад быть представленным, лу-лу! Студенты обычно зовут меня Поллу, лу-лу. Когда вы согреетесь и перекусите, Поллу доставит вас прямо к дверям нашей академии!

Мы с Сиреной активно закивали рудвику, как будто никого другого и не ожидали увидеть в качестве «рукофодителя отдела лóгистики». Голубая фуражка на его голове напомнила мне о Миллу, который управлял дилижансом в Фарелби. Уставшие, продрогшие и измученные пассажиры «Фаворита Вейна» двинулись вслед за Ормом по хлопающей грязию прибрежной дороге.

– А это Дел, – указала на молодого человека Надалия. – Сын Орма. Он поможет магистру Полилаунду доставить ваш багаж в таферну сфоего рóдителя.

Путь до таверны оказался коротким. Едва мы забрались на каменистый холм, нависающий над морским берегом, как увидели невысокие крепкие каменные дома. У одного из них болталась на ветру металлическая вывеска в виде перевёрнутого козлиного рога с пенящимся напитком. Прямо под ней висела квадратная доска с прикреплёнными к ней пергамен- тами. Доска объявлений – в Фарелби такая была очень попу- лярной. Там размещали указы главы городка, приглашения на праздники, искали подельников и работников. Первым, что бросилось в глаза, была перечёркнутая двумя красными линиями корона Иверийской династии на новой листовке. Краска была совсем свежей, а лист – сухим и неиспачкан- ным.

«Орден Крона не сломлен. Мы победили в важной битве, но наша война продолжается. Вперёд, к свободе от королев- ского гнёта! Будь свободен – устанавливай правила!»

Рядом висел консульский пергамент с целыми тремя пе- чатами:

«Южная шахта опечатана для учёта ресурсного запаса. Вход без допуска воспрещён!»

Были тут объявления и от граждан Кроуница:

«Ежели кто видал, как упёрли мою фамильную кирку,

тому за инхормацею дам лирн. Обращаться к Василею»

«Требуется заботливая и любящая няня для малыша трёх месяцев от роду. Нежная расположенность к детям обязательна! Ждём кандидатов на Хагридовой улице, третий дом от центра»

«Сим сообщаю, что я, Вик Даришак, буду хранителем персонажвира на дуэли доблестного господина Хромула лин де Бродзена и обидчика его, офицера квертиндской армии Трувица, помешавшего свадьбе его светлости. Желающих засвидетельствовать факт отмищения ждём в восьмую ночь от Красной луны в перелеске подле пятого дома Дрисовой улицы»

– Юна! – шикнула на меня Сирена из дверей таверны. – Ты что там застряла?

– Иду, – я двинулась вслед за подругой.

Внутри было на удивление тепло. Единственным каменным домом, в котором мне довелось находиться, была часовая мастерская Ганса Рилекса. В сырую погоду там всегда было зябко и промозгло. Камина не хватало на то, чтобы прогреть толстые камни, поэтому Гансу и Лониму приходилось одеваться теплее. Здесь же сами стены излучали тепло.

Возле большого горящего камина уже устроилась мама-рудвик с малышом и несколько людей. Хозяин таверны выносил из кухни заполненные едой тарелки, приглашая всех к обеду. Мы с Дамной и Сиреной сели на лавочки за массивный деревянный стол, на котором уже дымилось уго-

щение. В глубоких тарелках лежали крупные куски мяса в ароматной подливе. Посередине стояла дощечка с круглым хлебом, порезанным на большие ломти, и глиняный кувшин с водой. Я осторожно подцепила пальцами аппетитный мясной кусок и положила его в рот, жмурясь от наслаждения. Слева от меня Дамна лин де Торн настойчиво ковыряла вилкой толстую рульку. Сирена сидела напротив и с какой-то неистовой яростью жевала хлеб. Она так и не притронулась к горячей еде.

– Это отвратительно, – брезгливо сморщила носик девушка. – Как вы можете есть животных?

– А? – отозвалась я с набитым ртом. – Так больше ничего не подали же.

– Вот именно! – вскрикнула Сирена.

Несколько людей обернулись на её возглас.

– Вот именно, – чуть тише продолжила серебристая лилия. – Люди постоянно едят животных, как будто так и должно быть! Даже не задумываясь о том, что они губят чьи-то жизни.

– Ты, как всегда, преувеличиваешь, – вяло отозвалась Дамна.

– Вовсе нет! Надалия Аддисад наверняка обожает животных, если даже рудвику дала высокую должность!

Странно, что в жизненной иерархии Сирены рудвики стояли ниже животных. Я слышала, что знать и аристократы недолюбливали маленькую расу, считая их бесполезными,

лишёнными магии существами. Но леди Эстель недавно хвасталась прогрессивными взглядами своей семьи.

– Вы видели, как она повелевала океаном? – спросила девушка. – О Девейна! Я тоже хочу быть стихийным магом Вейна, как магистр Надалия!

Она раскинула руки и сдвинула брови, подражая ректору во время сотворения ею водяного коридора. Дамна линде Торн зло стукнула вилкой. Брызги подливы разлетелись по столу. Глаза женщины полыхнули огнём. О её взрывном темпераменте у меня уже имелись кое-какие сведения, и я на всякий случай отодвинулась.

– Тебе следует выбрать более удачный пример для подражания, – процедила сквозь зубы Дамна.

– А тебе стоит быть более сдержанной! Иногда это высшая благодетель.

Дамна с силой сжала столовый прибор. Костяшки её пальцев побелели. Мне подумалось, что только связь ментора удерживает её сейчас от того, чтобы заколоть свою мейлори вилкой. Их спор прервал Орм: он подошёл к нашему столику, держа в руках перевернутый рог, в котором пузырилась и стекала по стенкам зеленоватая пена.

– Польный шторм, – с гордостью произнёс он. – Прославленный напиток Кроуница. Пить непременно из капраньего рога! Угощение для прекрасной госпожи от хозяина таверны.

Вид пены действительно напомнил мне недавний шторм.

Дамна лин де Торн замотала головой в знак отказа, но потом вдруг посмотрела на Сирену, взяла рог и в один миг осушила его. И тут же разразилась громким кашлем. Путники с любопытством обернулись к нашему столу, а работники таверны, включая Орма, зашлись хохотом. Сирена поднесла ментору свой стакан с водой.

– Что это за гадость? – с вызовом спросила девушка.

– Местная горькая настойка. Ни один кроуницкий праздник не обходится без неё, – пояснил Орм. – Сейчас отойдёт ваша леди. Ещё благодарить меня будет.

Я сомневалась, что Дамна лин де Торн способна на благодарность. Она уже пришла в себя и поднялась.

– Пойдёмте отсюда, – прохрипела женщина и, не слушая возражений, направилась к выходу. – Нам пора на дилижанс.

После тёплого и душного воздуха таверны набережная Кроуница окутала нас сырой прохладой. Серое низкое небо прятало от глаз скалистые вершины гор. Здесь было самое сердце Галиофских утёсов. Скалы окружали Кроуниц со всех сторон. Светло-серые каменные дома, похожие на таверну «Капраний рог», угрюмыми рядами облепили подножья гор. В отличие от зелёного Фарелби, растительность Кроуница выглядела весьма скудно: хвойные деревья, мох и редкие кустарники прижимались друг к другу в уступах и заполняли ущелья. Возле доски объявлений нас уже ждал Поллу. Я заметила, что листовка Ордена Крона пропала.

– Очень хорошо, лу-лу, – засуетился рудвик. – Быстрые леди. Можно начинать церемонию отправки студентов в Кроуницкую Королевскую академию.

– Где тут у вас вокзал? – я решила блеснуть недавно приобретёнными знаниями логистики. – Когда мы выезжаем?

– Можно прямо сейчас, лу-лу, – рудвик кивнул на другую сторону улицы.

Там стояло типичное серое здание с голубой вывеской транспортной компании. Фасадом ему служил невысокий заборчик, под которым лежало сено и стояли корыта с водой. Совсем не вокзал Нуотолиниса. Это было, скорее...

– Стойло? – взвизгнула Сирена. – Мы что, поедем на лошадях, как воины или простые крестьяне?!

– Ни в коем случае! – убедил рудвик. – Никаких лошадей, лу-лу! Поллу не позволит! Только самые лучшие чистокровные кроуницкие капраны, лу-лу.

Дамна лин де Торн неожиданно расхохоталась. Мы недоумённо уставились на неё, но радость женщины только возрастала. Из глаз брызнули слёзы, она попыталась успокоиться, перевести дыхание, но каждый взгляд на рудвика и вывеску транспортной компании вызывал у неё новый приступ истеричного хохота.

– Магистр может ехать любым способом, лу-лу. – Поллу махнул куда-то в небо.

– Я ментор, – пояснила хихикающая Дамна.

– Ментор не подчиняется правилам академии, лу-лу, – по-

яснил Поллу. – Церемония только для студентов. На капра-
нах.

– Я не оставлю Сирену одну! – отрезала госпожа Торн и
первой направилась к стойлу.

Капраны оказались удивительными животными. На пер-
вый взгляд, они чем-то напоминали оленей: вытянутая мор-
да, длинные уши, широкая грудная клетка, длинные ноги.
Только рога у них были прямые, толстые, растущие вдоль
черепа и загибающиеся вверх своими заострёнными кончи-
ками. Ездовые животные были хорошо экипированы: вдоль
широких сёдел свисали фонари, сумки, фляги и верёвки. На
груди у капранов красовалось по три ровных ряда неизвест-
ных мне бронзовых монет. С каждым шагом монеты звене-
ли, вызывая в ущелье причудливое эхо, гулким перезвоном
отражавшееся от скал. Мы поднимались по узкой тропинке,
и слева от нас была пропасть, заполненная густым туманом.
Кое-где торчали верхушки сосен, которые позволяли хотя бы
примерно оценить высоту. С неба срывались мелкие снежин-
ки, медленно тая на мокрой каменистой дороге под копыта-
ми капранов. Всего животных в нашей веренице было семь.
Четыре – для всадников, включая Поллу, и ещё три – для
многочисленной поклажи обладательниц серебристых тату-
ировок.

– Рудвик, – начала Сирена, – а отсюда никто не срывался

в пропасть?

Мне показалось, она специально игнорирует имя руководителя отдела логистики, чтобы подчеркнуть своё превосходство.

– Никогда, лу-лу, – уверенно ответил Поллу. – Капраны очень ловкие животные! Они не падают со скал, лу-лу. Только иногда могут скинуть всадника, если тот дурно помышляет, лу-лу.

Сирена с подозрением покосилась на своего капрана. Трудности у неё возникли с самого начала. Леди Эстель визжала и сопротивлялась, отказываясь залезать в седло. А когда, наконец, решилась, капран решил от неё побегать, и ей пришлось догонять свой транспорт. Теперь же немного угасший с начала пути ужас в глазах серебристой лилии вернулся.

– Шиширы вас задери с вашими козлами! – она покрепче вцепилась в пологие рога.

Последней ехала Дамна, не прекращавшая хихикать с самой таверны. Теперь же её бурный смех, к нашему смущению и веселью Поллу, сменился пошлыми песенками. Подъём на гору не доставлял ей неприятных переживаний. Даже вечная обеспокоенность благополучием своей мейлори сейчас не проявлялась никак.

– Девейны прелестной потушила взор,

Но голос рассудка был глух:

Собралась девица принять тот позор,

Что вновь причинял ей пастух!

Я оглянулась на Сирену, которая ехала сразу за мной. Она вжалась в седло и выглядела пристыженной и подавленной. Я решила отвлечь подругу беседой. А то вдруг капран и правда её скинет? Судя по лицу девушки, помышляла она весьма дурно.

– А что означает связка между именем и фамилией? Дамна лин де Торн, например.

Сирена недобро глянула в мою сторону, но ответила:

– Это означает, что перед тобой старший наследник семьи. Тот, кто владеет и распоряжается родовым имуществом. У нас фамильную приставку «лин де» носит только дед. Он ещё жив, хотя давно уже спятил. Рассказывает про какие-то сокровища с острова, которые положили начало состоянию нашей семьи. Этот старик ещё безумнее Дамны, – леди Эстель скосила глаза в пропасть и прижалась к капрану. – Она, как ты понимаешь, единственная наследница. Семьи у неё нет. Наверное, поэтому она так ко мне привязалась. Хотя, мама рассказывала, что менторство сильно изменило её. Раньше Дамна была более... свободолюбивой.

– Мелирская дева взошла на крыльцо,

Над Батором тёплым зарделась осень.

Споткнулась она, потеряла лицо:

Бидоны её утонули в навозе!

Сирена побледнела. Непонятно, что действовало на неё хуже: капран, близость пропасти или пьяная Дамна лин де

Торн. Но разговоры немного успокаивали, и я продолжила расспросы:

– А что за Орден Крона? Я видела объявление у таверны.

– Ты не можешь не знать! – воскликнула Сирена. – Они – проклятые богами предатели Квертинда! Это они убили иверийцев! От Лауны и Мирасполя остались только обгоревшие косточки.

Кажется, я попала в точку. Иверийская династия была любимой темой Сирены. Я, конечно, знала о её трагическом падении, но подробностями никогда не интересовалась.

– Чего они хотели от королей? – спросила я.

– Это проклятый Орден, Юна, – серьёзно заявила Сирена. – Они давно мечтали свергнуть власть, но все попытки были тщетными – до той самой Ночи Красной Луны... Говорят, убийц было трое. В балладах их называют Смердящий, Сорока и Сокрытый. Двоих Кирмос лин де Блайт убил прямо в королевской спальне. Одному удалось сбежать, но и его наместник полуострова Змеи настиг уже вместе с королевской армией и казнил. Их настоящие имена до сих пор хранятся в тайне.

– Почему? – не поняла я. – Если они все мертвы, может, стоит рассказать людям о тех, кто изменил историю королевства?

– Преторий давно обещал рассекретить эти сведения, но, видимо, у них имеются какие-то причины, – вздохнула Сирена. – Или есть дела поважнее. Или они – надутые индюки.

Я не знаю, Юна, я не слишком хорошо знакома с этой бюрократией и политикой в целом. Мы обращались в консульство только один раз, когда нужно было получить разрешение на проведение ритуала принятия менторства. Ждали три месяца – при том, что сам ритуал занял три минуты.

– Я думала, кровавая магия – долгий, сложный и опасный процесс, – предположила я. Мне трудно было представить себе запрещённую магию, но именно так я о ней и думала.

– Так и есть, – подтвердила мои догадки Сирена. – Но этот процесс происходит с магической памятью и внешне никак не заметен. На деле Дамна просто смешала каплю своей крови с горькой настойкой, выпила и взяла меня за руку. Через секунду у нас уже появились лилии. Ну, и она свалилась в глубокий обморок. Не то, что сейчас...

Сирена обернулась на разомлевшую Дамну и многострадально выдохнула.

– Звучит не очень-то впечатляюще, – разочарованно заключила я. – На магию совсем не похоже. Получается, каждый может стать чьим-то ментором, нацедив своей крови в чарку хмеля.

– О, ну конечно, – съязвила Сирена. – Каждый, на ком лежит могущественное родовое заклятие и у кого достаточно денег, чтобы подкупить консулов на его активацию. Не считая того, что, с большой вероятностью, этот «каждый» содохнет в процессе. Его собственная магическая память иссушит его, не выдержав заклинания принятия менторства.

Или присоединения кровавой склонности к уже существующей. Или... Толмунд знает, почему он их забирает.

Я оглянулась. Госпожа лин де Торн сидела в седле, с блаженной улыбкой поглаживая ребристые капраньи рога, и выглядела совершенно довольной. Хоть наши с ней отношения немного не заладились, я была рада, что она выдержала ритуал и осталась жива. Выглянувшее солнце освещало её профиль, который наверняка уместно было бы назвать аристократическим. Длинный прямой нос, высокие скулы и крутой лоб отражали мягкие лучи, и кожа её лоснилась и поблёскивала. Ярче прочего сверкал знак соединения, переливаясь мелкими вспышками отблесков. Сейчас Дамна молчала, прикрыв глаза и наслаждаясь своим состоянием. Нежная мелодия позвякивающих монет добавляла образу ментора серебристой лилии особого волшебства.

– А что с теми тремя – Вонючкой, Вороной и... кем там ещё? – Я попыталась вернуть разговор в интересное для меня русло. – Неужели они втроём, обладая огромными силами, не смогли справиться с одним-единственным магом?

– Кирмос лин де Блайт не просто маг, – Сирена выпрямилась, увлечённая своим рассказом. – Он в одиночку может убить целую армию. Видела Надалию Аддисад? Впечатляет, правда? Это магия водной стихии пятого порядка. Самого высокого. Так вот, у Кирмоса лин де Блайта таких магий – шесть. Почти все, за исключением одной. Он подчиняет себе любую стихию, любую склонность.

– Почему же он тогда не смог защитить правителей? – резонно уточнила я.

– Говорю же, я не слишком сильна в политике, – леди Эстель пожала плечами. – Да и не думаю, что кто-то более сведущий ответит на этот вопрос. Лучше бы спросить у него самого. Видишь ли, меня с детства больше занимало пение, чем история. Тем более что Дамна никогда не требовала от меня её изучения.

*– Понравился леди лихой жеребец,
Но он чёрным глазом пугает: слезай!
Был тот жеребец не наивный юнец,
А сам лин де Блайт, знаменитый экзарх!*

– Дамна, заткнись уже! – крикнула Сирена. – Хорошо, что здесь нет мужчин.

Поллу, возглавляющий нашу процессию, при этих словах гневно засопел. Солнце вновь скрылось, и вокруг начал сгущаться туман. Мой капран размеренно пыхтел, своим «фыр-фыр» немного напоминая звук дилижанса. Он, в отличие от меня, находился в привычной обстановке, шёл знакомой дорогой и выглядел довольным жизнью. Оседлать его у меня получилось с первого раза, хотя на верховых животных я никогда не ездила. Рогатое создание сразу прониклось ко мне особой привязанностью и охотно отзывалось на все команды. Даже Поллу, руководитель отдела логистики или, проще сказать, хозяин стойла, удивился нашему быстрому взаимопониманию. Возможно, капран, будучи умным животным,

оценил мой маленький вес и обрадовался лёгкой дороге. С другой стороны, капран Сирены таким умным не казался.

– Значит, за Кирмосом лин де Блайтом стоит целая армия, – вслух отметила я и осеклась.

Стязателей я никогда не видела, но знала, что это воины Иверийской династии. Королевская охрана. Провинциальной жительнице Квертинда это казалось странным, поскольку армия во главе с экзархом стояла, в первую очередь, за королевством и, как следствие, за мной, как за его маленькой частичкой. Поэтому прозвучало это как-то... непатриотично. Но самое страшное – выдавало мою заинтересованность. К счастью, меня поняли совсем в другом смысле.

– Юна, ты же не собираешься за него замуж? – совершенно искренне спросила Сирена. – Он уже не экзарх с тех пор, как подавил восстание Ордена Крона. Теперь он просто консул и наместник полуострова Змеи.

Дамна лин де Торн снова звучно рассмеялась, заполняя ущелье заливистым эхом. Я охотно присоединилась к ней, скрывая за смехом своё замешательство.

– В мою юность он ещё был экзархом, – вступила в разговор ментор, – и просто Кирмосом Блайтом, без «лин де». Все мелироанские девы грезили о таком женихе. Но шансов нет, если ты не иверийская королева. Не думаю, что он менее требователен к выбору невесты, чем его наставник Мирасполь. А для утех он предпочитает вульгарных красоток с дынями вместо нормальной женской груди.

– Дамна! – снова прикрикнула Сирена. – Ты же мелироанская благородная дева! Возьми уже себя в руки.

– Если бы ты знала, моя девочка, на какие неблагородные поступки иногда приходится идти благородным девам ради сохранения этой репутации... Сам Кирмос Блайт на их фоне покажется пресвятой Девейной. – Дамна на секунду задумалась и добавила: – Пресвятой Девейной, промышленяющей кровавыми ритуалами.

– Так кровавая магия же запрещена? – удивилась я.

– Это для нас с тобой, Юна, она запрещена, – немного приободрённая Сирена поравнялась со мной на своём капране. – А для таких, как Кирмос лин де Блайт, запретов не существует.

Девушка пришпорила капрана, и тот побежал быстрее. С удивлением я обнаружила, что дорога стала шире. Впереди, на небольшом горном плато высились огромные ворота Круницей Королевской академии.

По обе стороны от высокого сводчатого прохода, закрытого глухой плитой, замерли удивительные каменные животные. Два одинаковых крылатых льва, стерегущих вход, держали в лапах щиты. Прямо за их спинами арку охраняла менее мифическая защита – прямоугольные сторожевые башни. В узких окошках бойниц было темно. Мы задрали головы, пытаясь рассмотреть, есть ли там кто-то живой. Вдруг каменная плита входной арки сдвинулась и с гулким грохотом начала медленно подниматься. Дамна присвистнула и спе-

шилась.

– Эти два гордых рыцаря, – она указала на львов, широко раскинув руки, – ждут только вас, девочки. А я предпочитаю уютное лоно главного входа.

Госпожа лин де Торн хлопнула в ладоши и вприпрыжку вбежала внутрь. Сирена виновато вздохнула:

– Извини, она обычно не такая. Это всё полыний шторм. Я ободряюще улыбнулась ей.

– Добро пожаловать в Кроуницкую Королевскую академию, лу-лу! – напомнил о себе рудвик, забирая у нас поводья. – Прошу на вход.

– У вас, кстати, животик что-то маловат. – Сирена оглядела круглую фигурку Полилаунда Краузера. – В наших краях рудвики жирнее.

Руководитель отдела логистики насупился, его пушистые уши гневно задёргались, но он не стал грубить в ответ.

– Идите, – кивнул на вход рудвик. – Ваш багаж, лу-лу, Поллу доставит позже.

Нам ничего не оставалось, как двинуться в открытую арку вслед за Дамной.

Глава 7. Кроуницкая Королевская академия

Обе стрелки моих часов миновали все зубцы Иверийской короны и показывали уже почти восемь вечера, когда мы зашли во двор Кроуницкой Королевской академии. Госпожи лин де Торн не было видно, но мы и не особенно старались её разглядеть, поскольку посмотреть было на что. Целый ряд монументальных сооружений, прикрытых кое-где светло-зелёными полусферами матовых куполов, по-хозяйски теснил окружающие скалы. Мы шли по щербатым плиткам дорожки, присыпанной у обочин прозрачным снегом, замороженные, окутанные первыми сумерками и туманом, и всё, что срывалось с наших губ, – только маленькие облачка пара. Я покрепче запахнула дорожный плащ и обняла себя руками, пытаюсь согреться и спрятаться от наступающих величественных зданий. Вслед за тропинкой мы обогнули широкое здание с большим куполом цвета свежей весенней травы. Он, словно упавший на воду мыльный пузырь, накрывал глухие каменные стены, по которым взбирался чахлый мох. И только в самом верху можно было заметить два узких ряда окон, опоясывающих строение. Рядом пронзали облачка шпили восьми башен, хороводом выстроившихся вокруг

этого здания.

– Кажется, там никого нет, – Сирена задрала голову и посмотрела на тёмные окна под куполом. – Надеюсь, они не приносят здесь жертвы Толмунду? Жутковато выглядит.

– Наверняка нам нужно не сюда, – предположила я и ускорила шаг.

Подруга быстро меня нагнала и схватила за рукав.

– Страшно, – пояснила она в ответ на мой недоумённый взгляд.

Вокруг было безлюдно. Ветер гонял скудные снежные хлопья вдоль дорог, иногда подхватывая их и поднимая в воздух. Тёмная хвоя деревьев шумела на ветру и в темноте приобретала причудливые очертания. Я не боялась ни темноты, ни растительности, привыкшая гулять по лесу в одиночестве, но это были новые для меня места и я честно призналась самой себе, что тоже немного трусила. Туман стал совсем густым, словно нарочно скрывая от нас окружение. Ждать помощи от Сирены было бессмысленно, поэтому пришлось брать ситуацию в свои руки. Я прокладывала путь практически на ощупь, полагаясь на интуицию и стараясь не терять из виду дорогу. Несколько раз она приводила нас к низеньким деревянным дверям в высокой стене из необработанного камня. Пройти сквозь них мешали массивные ржавые замки, поэтому приходилось поворачивать обратно. Сирена практически висела на мне, ругая архитекторов академии, а также встречающих, но больше всего, ко-

нечно же, Дамну, которую «Вейн где-то носит». Покружив немного возле большого зелёного купола и его башен, мы на-
ткнулись на лестницу, вырубленную в скале. Ступени были
добротными и довольно широкими – даже странно, как мы
сразу их не заметили. В конце концов, подъём привёл нас на
просторный плац перед огромным замком.

– Статуя семи богов! – восторженно прошептала Сирена.

В центре пустой площади действительно угадывались
очертания статуи. Сквозь туман она выглядела громоздким
куском бронзы с торчащими из неё руками и полами плащей.
Отчётливой была только Иверийская корона, которая выси-
лась над всем сооружением. Статуя была высотой в три или
четыре человеческих роста, но казалось маленькой на фоне
огромного замка, стоящего по другую сторону площади.

– Строители кардинально решили проблему с религией, –
заметила я. – Вместо семи храмов уместили всех богов на
одном постаменте.

– Её привезли сюда гораздо позже, когда Галиофские Утё-
сы перешли под власть Квертинда, – пояснила Сирена. – Го-
ворят, прямиком из подвалов Иверийского замка в Лангсор-
де. Это очень символично: семь богов в одном монументе
означают семь склонностей, а Кроуницкая академия – един-
ственная, где преподают почти все. За исключением крова-
вой, конечно. Обычно высшие школы магии специализиру-
ются на двух-трёх стихиях.

– Откуда ты это знаешь, Сирена? – удивилась я.

– Я была вынуждена отвоёвывать у родителей своё право учиться где-то, кроме Мелироанской академии благородных дев, – вздохнула она. – Так что пришлось изучить все подходящие заведения. А про эту статую многие знают. Говорят, она проклята.

– Есть здесь хоть что-нибудь не проклятое? – я взглянула на академию, угловатым великаном расположившуюся в ущелье. – Судя по размерам, они могли бы смело добавить в список обучения ещё десяток склонностей.

Древний замок не был похож на те, что я привыкла видеть на обложках сказочных книг. За двумя широкими стенами, между которыми залегла неглубокая ниша над главным входом в академию, десятки прямоугольных башен объединялись, сливались, наступали друг на друга подобно горному каскаду самого Кроуница. Они стремились всё выше и выше, образуя своими крышами беспорядочные ступени к небесам. Невысокие шапки сугробов немного сглаживали их очертания, делая академию похожей на гору. Узкие окошки замка, расположенные на разной высоте и, как мне казалось, совершенно случайным образом, мягко светились, мигали тенями и гасли, словно вели свою собственную игру. От этого коричневатая гора академии походила на многоглазого монстра. Мшистые каменные стены и высокие гребни башен, едва различимых наверху, наделяли замок древней величественностью. С одной стороны от него, словно протянутая рука, отходил длинный мост, роняя на землю узкие

арочные своды. Он практически парил в облаках. На другом его конце росла круглая башня, накрытая уже знакомым светло-зелёным куполом. Окна на этой башне тоже имелись только в верхней части, оставляя длинную нижнюю полностью глухой.

– Просто потрясающе! – восхитилась подруга. – В реальности академия ещё больше, чем в описаниях путешественников.

– Что ж, по крайней мере, там точно кто-то есть, – предположила я и двинулась в сторону замка.

Сил на восторги у меня не осталось. Ноги предательски ныли, спина устала от долгого верхового переезда. Денёк выдался насыщенный, тем более, если учесть, что начался он с самой что ни на есть смертельной борьбы с водной стихией. Или со стихией земли, ведь ректор Аддисад сказала, что всё началось с землетрясения. В любом случае, чувствовала я себя ужасно уставшей. Сирена все так же держала меня за рукав, но хватка её ослабла. Она вертела головой, осматривая старинную архитектурную громаду. Мы пересекли площадь, миновали статую, вокруг которой носились снежные вихри, и направились к входу.

Квадратные двустворчатые двери академии, зажатые в нише между двумя башнями, были закрыты. На ручках-колодушках висели рябиновые бусы, немного сморщенные, но яркие даже в туманной ночи. Я взялась за одну из ручек и постучала. Потёртое кольцо в железной пасти крылатого льва

отозвалось гулким стуком. Нам не открыли. Я постучала ещё раз. Сирена нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

– В жопу василиска этот этикет! – неблагоприятно заворчала подруга. – Почему нас не пускают? Я проголодалась и хочу спать!

Звук открывающегося засова заставил нас обеих подбраться. Двери распахнулись. За ними стоял высокий молодой человек с длинными белыми волосами. Выглядел он немного растрёпанным. На нём был светло-зелёный жилет с вышитой головой крылатого льва на груди и прозрачная колба-медальон, похожая на ту, что я видела на Надалии Аддисад. Только вместо водяного вихря внутри пузырька парил объятый пламенем меч. Хозяин артефакта изучил нас взглядом и заговорил:

– Ну, и как вы, две побирушки, пробрались на территорию академии? – красивое лицо парня почти не изменилось.

– Мы студентки! – возмущённо ответила Сирена. – Попали в шторм и едва выжили. Нас тут ждут, ректор Аддисад лично приветствовала нас на берегу. Я – леди Сирена Эстель!

– Ага, а меня поцеловал в лоб Галиоф Иверийский, – насмешливо ответил парень. – Студентов приводит руководитель отдела логистики. Пошли вон.

Двери начали стремительно закрываться перед нашим носом.

– Стойте! – Я поставила ногу перед створкой. – Поллу

проводил нас до ворот академии. Потом забрал капранов и куда-то ушёл. Мы не знаем, где он.

– Так идите и ищите. Если вы студентки, то должны прибыть в академию согласно правилам – в сопровождении руководителя отдела логистики. Студентам вообще запрещено выходить из корпусов после захода солнца.

Двери снова начали закрываться, но за спиной негостеприимного парня вдруг возникла голова с копной русых волос. Она показалась мне смутно знакомой.

– Юна? – удивился студент.

– Лоним! – Я чуть не запрыгала от радости.

Мой единственный до недавнего времени и самый лучший друг, с которым мы провели вместе всё детство, отпустил патлатого любителя правил и впустил нас. Лоним был в таком же форменном жилете, неряшливо накинутом поверх белой рубашки. Он широко улыбнулся, но сразу же зашипел и потрогал пальцем свежую ссадину в уголке губ. Я осмотрелась. Просторный холл внутри академии был размером с моё озеро. Каменные лавочки теснились вдоль стен, прикрытые светло-зелёными и серыми подушками. Гобелены пестрели узорами, едва различимые между выступающими из стен квадратными колоннами. Широкие лестницы прижимались к двум противоположным стенам и поднимались куда-то в темноту. Пламя в громадном камине освещало главный символ Кроуницкой Королевской академии – гордого крылатого льва. На выпуклой фреске, что занимала всю стену над

камином, царь зверей сложил за спиной крылья и устремил мудрый взор в бесконечность. Под фреской я заметила проход в виде арки, за которым сейчас было совсем темно.

– Как вы сюда добрались? Почему одни? Где Поллу? Кто это с тобой? – начал закидывать меня вопросами Лоним.

– Леди Сирена Эстель, – слегка присела в реверансе подруга и изящно протянула ладошку: – Дочь нуотолинского купца Эдмонда Эстеля.

Лоним скептически её оглядел. В своём изодранном платье, хоть и прикрытом меховой накидкой, леди Эстель выглядела не лучше дочери рыбака. К тому же, вся съёжилась от холода.

– Лоним Рилекс, – мой друг пожал её руку. – Сын часового мастера из Фарелби.

Леди Эстель недоумённо уставилась на рукопожатие, как будто ожидала чего-то другого.

– Поллу сказал что-то про багаж и отправил нас внутрь, – пояснила я.

– Чем вы его обидели? – удивился Лоним. – Вообще-то он премилый рудвик.

Сирена вздёрнула носик и уверенно зашагала по гладким коричневым плитам, как будто знала, куда идти. Мы двинулись за ней.

– Ну, – я посмотрела подруге вслед, – ты же знаешь, рудвики меня недолюбливают. Вспомни Миллу, он вечно ворчал, что я воняю рыбой в его дилижансе.

– Ничего подобного. – Лоним с подозрением покосился в спину Сирены. – Тот на всех ворчал, а Поллу обычно дружелюбный и общительный. Когда я приехал сюда в первый раз, он устроил мне настоящую экскурсию. Было здорово.

– Ты впустил неизвестных личностей в академию во время дежурства, – раздалось за спиной. – Что если это члены Ордена Крона подослали своих убийц?

– Брось, Виттор, – обернулся Лоним. – Это всего лишь Юна Горст, моя подруга из Фарелби. Она в этом году приглашена на первый курс.

– Мы патрулируем коридоры не для того, чтобы впускать друзей, – напирал парень, – а для того, чтобы не впускать врагов! Может, ты пособник проклятого Ордена, Рилекс? Это случайно не твой папаша тот самый Смердящий, что прикончил Иверийскую династию?

– Ну, давай, – мой друг резко остановился и развернулся. – Продолжай.

Виттор налетел на него и немного отступил, гневно сверкнув льдинками глаз. Оба моментально приняли боевую стойку. Между пальцами Виттора засверкали искры. Я сняла с плеча лук и встала за спиной Лонима. Кажется, намечалась драка. И пусть я пока не владела магией и стрелы у меня были только для охоты на мелкого зверя, оружие в руках – всегда весомый аргумент.

– Так, – встряла Сирена. – Пока вы будете тут испепелять друг друга, я выйду из академии, лягу под статую семи бо-

гов и умру там от голода, холода и усталости. А на обратной стороне своего приглашения предварительно напишу: «Меня не впустил Виттор». Кстати, мы не представлены.

Патлатый переводил напряжённый взгляд с меня на Лонима, решая, с кого начать. Выбор напрашивался сам собой. Я подобралась, готовая к прыжку.

– Это Виттор Оуренский с Астраи́та, – представил нашего противника Лоним.

– Отлично, значит, напишу «Меня не впустил Виттор Оуренский с Астраи́та, что на полуострове Змеи», – для убедительности Сирена помахала своим приглашением. Пергамент был точь-в-точь таким же, как у меня.

Несколько секунд мы сверлили друг друга глазами.

– Ладно, – наконец сдался Виттор. – Пойдёмте к Вилли.

– Ведите! – скомандовала Сирена.

Каморка Вилли – иначе назвать эту комнатку я никак не могла – располагалась в подвальном помещении. Нам пришлось долго спускаться по ступенькам, прежде чем мы попали во владения рудвика, которая занималась хозяйством. Наверняка у неё тоже была громкая должность магистра. В небольшом помещении, кажется, уместилось всё на свете: бельё, полотенца, щётки для волос и прочие бытовые мелочи перемешивались здесь с массивными украшениями, толстыми фолиантами, чернилами и пергаментами. Был даже небольшой персонагвир, испугавший меня дышащей маской

на обложке. Сама Вилли бодро и уверенно передвигалась среди этого хлама, изучая наши приглашения. На ней была старая остроконечная шляпа, сквозь которую торчали пушистые уши. Мы сидели на потёртой софе, уплетая печёные овощи, которые нам принёс Лоним. Я уже уяснила, что с местными рудвиками лучше дружить, поэтому решила сделать комплимент:

– У вас красивая шляпа, Вилли.

– Распределяющая, – коротко пояснила рудвик. – Помогает Вилли думать, как лучше распределить студентов по комнатам, лу-ли.

Я сомневалась, что шляпа чем-то помогает Вилли: на артефакт она была совсем не похожа. Обыкновенный выдавший виды головной убор. На какой-то момент мне почудилось, что в её мятых складках я вижу глаза и рот. Присмотревшись, я поняла, что это была просто игра света, создаваемая скудным освещением.

– Будете жить с Фидерикой Уорт, – заключила Вилли. – Она не первокурсница, но комнат сразу с двумя свободными кроватями у нас больше нет, лу-ли.

– Благодарим вас, рудвик, что заселяете нас в одну комнату, – отозвалась Сирена, размахивая наколотым на вилку куском моркови.

– Как же, благодарите! – ответила Вилли. – Ваша подвыпившая маменька была тут недавно и грозно требовала, чтобы Вилли, лу-ли, непременно поселила вас вместе. Что за

мода пошла: студенты с маменьками приезжают! А ну как все будут родителей сюда тащить? Никаких магистровых домов на них не напасёшься, лу-ли.

Я проглотила румяный кусок сладкого перца. Мы совсем забыли про госпожу лин де Торн, поэтому новость о том, что она уже заселилась, меня обрадовала. Ещё и успела дать указания. Всё-таки впечатляющая женщина.

– Ваши приглашения я передам утром в архив библиотеки, лу-ли, – проворчала рудвик. – Правила академии вам знакомы?

– Не выходить после заката? – я вспомнила, что Виттор Оуренский упоминал что-то подобное.

Вилли цокнула языком, приняла важный вид и начала зачитывать наизусть правила Кроуницкой Королевской академии:

– Студентам академии, лу-ли, запрещено покидать её стены без разрешения магистров.

Студентам академии, лу-ли, запрещено выходить из зданий после заката без сопровождения.

Студентам академии, лу-ли, запрещено заниматься торговой деятельностью на территории академии.

Студентам академии, лу-ли, запрещено устраивать дуэли.

Студентам академии, лу-ли, запрещено распивать хмельные напитки.

Студентам академии, лу-ли, запрещено применять любую магию вне занятий и библиотеки, кроме магии стихии искус-

ства.

Студентам академии, лу-ли, запрещено находиться в корпусах и коридорах жилых комнат противоположного пола.

Студентам академии, лу-ли, запрещено практиковать ритуалы кровавой магии.

– Кровавая магия, вроде бы, запрещена не только студентам, – заметила я, чем заслужила строгий взгляд Вилли.

– Правила Кроуницкой Королевской академии понятны студенткам, лу-ли? – задрала нос хранительница порядков.

– Спасибо, Вилли, мы всё усвоили, – поблагодарила я.

– Тогда пойдёмте, я провожу вас в вашу комнату.

Широкие каменные коридоры с нависающими нефритовыми карнизами привели нас в жилой корпус студенток. У самого входа, в небольшой нише, похожей на ракушку, сидела женщина в светло-зелёной мантии. У неё в руках был небольшой перстень, который она стачивала напильником. Удивительно, но она с ним разговаривала и тот иногда вспыхивал свечением, как будто отвечая. Вилли приветственно кивнула женщине.

– Это Ангелина, лу-ли, – пояснила рудвик, когда мы уже прошли мимо. – Она *свир*. Следит за порядком в академии и исполнением правил, лу-ли.

– Кто такой свир? – шёпотом спросила я Сирену.

Этот вопрос интересовал меня ещё с корабля, но теперь был удачный момент, чтобы задать его.

– Мирный маг, – так же шёпотом ответила Сирена, озираясь по сторонам. – Бытовой, которой использует магию для создания комфорта и артефактов. Но здесь, похоже, это кто-то вроде смотрителя коридоров.

Вилли подвела нас к одной из множества одинаковых дверей, на которой висел номер «322», и постучала. Из комнаты выглянула заспанная пухлая девушка в ночной сорочке. Её бледное лицо было усыпано мелкими веснушками.

– Фидерика Уорт, – представила нам соседку Вилли. – А это – Сирена Эстель и Юна Горст. Ваши новые соседки, лу-ли.

– Первокурсницы? – смущённо уточнила Фидерика.

– Так решила распределяющая шляпа, лу-ли! – отрезала Вилли.

Теперь мне стало ясно предназначение этой шляпы. Ею было легко прикрывать тех, кто по-настоящему принимал решения и навязывал их рудвику Вилли. Как, например, в нашем случае, это сделала Дамна лин де Торн.

– Ясно, – согласилась девушка и впустила нас. – Заходите.

Вилли ушла, а мы стали располагаться. Я скинула сумку и запихнула лук под одну из свободных кроватей. Мебели здесь было достаточно: три кровати с тумбочками рядом, один большой шкаф с зеркалом и длинная, вдоль всей стены, каменная столешница под широким окном без рам. К ней были приставлены несколько стульев.

– Я буду учиться у магистра Риина, – продолжила знаком-

ство Фидерика, – на факультете ментальной магии.

Голос у неё был тихий. Она обхватила себя руками, как будто стеснялась стоять перед нами в ночной сорочке. Я отвела глаза, чтобы не смущать свою соседку. Сирена вообще перестала обращать на неё внимание, занятая изучением нашего жилища.

– Ты умеешь гипнотизировать и усыплять людей взглядом? – спросила я.

– О нет, нет! – торопливо запротестовала девушка. – Это могут только маги высокого порядка, да и то не все. Я специализируюсь на иллюзиях.

– Наверное, это интересно?

– Очень! – оживилась Фидерика Уорг. – Я смогу изменить внешность, подкрасить волосы...

– В розовый? – подала голос леди Эстель.

– Можно и в розовый, – неуверенно согласилась студентка.

– Нам с тобой очень повезло! – восторженно заключила моя подруга.

Сирена подошла к ней, взяла её за руки и улыбнулась. Находить общий язык с новыми знакомыми леди Эстель умела на свой лад, но, надо признать, это работало.

– Зовите меня Фиди, – немного оттаяла девушка и округлила глаза при виде знака соединения: – У тебя есть ментор?

Пока серебристая лилия вела очерняющую менторов пропаганду, рассказывая нашей соседке о своей жизни, я ре-

шила внимательнее осмотреться. Гладкое дверное полотно в стене прикрывало вход в комнату гигиены. Там обнаружись душ и большая каменная ваза с заполненным водой отверстием. Что такое душ, я, конечно, знала: Рилексы давно установили у себя на крыше резервуар с водой и приспособили его для купания. А вот странная ваза меня заинтересовала. Я дёрнула короткий рычаг – и запустила маленький водоворот. Магом стихии воды я не была, поэтому решила, что этот водоворот – работа магии механизмов. Следом зашла Сирена.

– Слава Мэндэлю за изобретение канализации! Наконец-то я смогу помыться, – проворковала она и подставила руки под струю хлынувшей из душа воды.

– Сирена, а что это за дырявый табурет?

– Юна, – она закатила глаза и наморщила носик, – такое ощущение, что ты вчера родилась, а не выехала с озера. Это отхожее место.

Я кинула взгляд на вазу, и картинка в моей голове ментально сложилась. Очень удобное изобретение. Действительно, слава Мэндэлю. И слава Квертинду с его Кроуницкой Королевской академией. Комната у нас была превосходная.

Глава 8. Грандиозные планы

Утром меня разбудили разговоры соседок. Девушки весело щебетали и, судя по их бодрости, проснулись уже давно. Я лениво потянулась и открыла глаза.

– Юна, – позвала Фидерика, – ты всё проспала. Мы уже собираемся уходить на завтрак. Вставай.

Я не ответила, только натянула одеяло на голову и попыталась продолжить спать. С самого детства мой организм считал, что спать нужно исключительно по утрам. Вечером и ночью с бодростью проблем не возникало, а вот по утрам я отказывалась просыпаться.

– Юна, – засмеялась Фиди, – мы же видим, что ты уже не спишь. Посмотри, Вилли принесла вам новые комплекты школьной формы.

В меня прилетела подушка. Судя по направлению, прилетела она явно не со стороны Фидерики. Физического нападения я простить уже не могла, поэтому села на кровати и гневно сверкнула глазами в сторону Сирены. Та уже нарядилась в новую форму и выглядела, как настоящая студентка. Светло-зелёный жилет с символикой академии – крылатым львом – был надет поверх тонкой сорочки, ослепляющей своей белизной. Клетчатая юбка, чуть темнее жилета, едва прикрывала колени. Волосы были аккуратно зачёсаны назад,

что напомнило мне ту самую леди Сирену Эстель, которую я впервые увидела в порту Нуотолиниса. Хотя с того момента прошло немного времени, я уже отвыкла видеть её такой.

На моей тумбочке лежала похожая стопка одежды. Я с радостью обнаружила, что у меня есть выбор: помимо юбки и тёплой накидки, нашлись коричневые замшевые брюки и несколько сменных рубашек разных цветов.

– Доброе утро, – буркнула я и удалилась в комнату гигиены.

Когда я вернулась, девушки всю обсуждали ближайшее будущее. Оказывается, завтра предстоял важный для всех студентов день. После церемонии определения склонностей начинался большой праздник, где старшекурсники демонстрировали свои способности. Они устраивали целое представление, в котором было место для каждой из семи склонностей. Точнее, для шести разрешённых. Я привычно заплела волосы в две тугие косы и принялась натягивать новую форму. Конечно, мой выбор пал на брюки и орехового цвета сорочку.

– Мне понадобится тиаль, – рассказывала Фидерика. – В конце прошлого года я так и не решилась принять склонность. Возникли сложности с выбором. Но теперь я определилась и могу провести ритуал заполнения тиала.

Мне показалось, она немного загрустила. Возможно, это тоже был какой-нибудь опасный для жизни или здоровья ритуал. Или «проклятый», как тут принято называть всё, что

не укладывается в привычные понятия.

– У тебя будет свой тиаль? – восхитилась Сирена. – Это же просто потрясающе! Ты будешь настоящим магом! А что у ментальных магов внутри тиалья? Мозг?

– Не-е-ет, – протянула Фиди. – Три сплетённых серой дымкой кольца. Знак Мэндэля.

– Это же скучно! – сморщила носик Сирена. – У Дамны в тиале извивается пьяная змея. Прямо как она сама.

– Что такое тиаль? – вставила я.

– Накопительный артефакт мага стихии, – пояснила Фидерика. – Хранилище магической силы, которой ты можешь его заряжать. А в случае необходимости – расходовать.

– Сложновато, – заключила я.

Нет, звучало-то довольно просто, но я в принципе не знала, что такое магическая сила и как её расходовать. И какой у меня запас. Поэтому, как работает тиаль, понять было трудно.

– Ничего сложного, – подбодрила Фиди. – Ты быстро разберёшься, когда у тебя появится свой. Вы, кстати, уже знаете, у кого из вас какая изначальная склонность?

– Целительство, – скривилась Сирена. – Как у мамы и Дамны.

Я растерянно пожала плечами. Вспомнился сломанный детерминант Шарля в консульстве. Возможно, будь он рабочим, я бы знала, к чему у меня есть способности.

– Многие студенты узнают свои склонности только на це-

ремонии определения, так что не переживай. – Фидерика нервно помяла край своей юбки. – А вы не хотите съездить со мной сегодня в город, чтобы выбрать тиаль? Там много магазинов одежды. Такие прекрасные платья, словно сама Нарцина приложила руку к их созданию.

– Конечно, хотим! – быстро согласилась Сирена. – Только представь, Юна, мы первый день в академии – и уже выбираем тиаль!

– Было бы неплохо сначала перекусить, – отозвалась я.

– Идём в столовую на завтрак! – радостно предложила Фиди.

Перед выходом я успела кинуть взгляд на своё отражение. Та счастливая и довольная студентка, что была в зеркале, здорово отличалась от настоящей Юны Горст. Невозможно представить, что это именно она сидела недавно под Красной Луной, одинокая, подавленная и преисполненная желания мести. Теперь же у неё была новая форма, новый дом, новые друзья и по-настоящему грандиозные планы на учёбу.

Удивительно, как преобразил меня горный воздух Кроуница. Взгляд зацепился за часы, которые исправно тикали, несмотря на то, что пережили шторм. Я подумала, что с удовольствием променяла бы всё это на простую, размеренную жизнь в семье, рядом с живыми родителями. Пусть даже мне была уготована судьба простой дочери рыбака, никогда не выезжающей из Фарелби... Но отступать от своих идей было нельзя. Моя цель – убить Кирмоса лин де Блайта, консу-

ла и наместника полуострова Змеи, лишившего меня матери. Только за этим я здесь, только поэтому я завтра пройду церемонию определения склонностей и впоследствии стану магом.

Я решительно сжала кулаки и отправилась догонять своих соседок.

Столовая академии располагалась на первом этаже. Сквозь её высокие прямые окна виднелась главная площадь со статуей семи богов. Пузатый рудвик, орудуя длинной, в три его роста, метлой, счищал снег с бронзовых голов и рук. Ещё два его собрата мели саму площадь, поднимая в воздух белые вихри. Несколько магов в светло-зелёных мантиях заговаривали стены академии, отчего те на секунду вспыхивали, словно раскалённые угли. Большой зал заполнялся студентами в форменных жилетах, спешащими к завтраку. У некоторых на шее висели тиали – теперь я знала, как назывались эти медальоны, – которые означали, что студенты уже закончили первый курс и выбрали свои склонности. Я заметила Лонима в компании патлатого Виттора и ещё двух молодых людей и помахала ему рукой. Он радостно помахал в ответ. Мы сели за один из столиков, уже заставленных едой. На круглой гладкой столешнице были разложены порции для четверых студентов. Я потянулась к кувшину и налила себе рубиновый напиток. Запахло брусникой.

– Нам понадобится разрешение магистра, чтобы выйти в

Кроуниц. – Фиди размешивала овсяную кашу. – Я видела, как магистр Риин заходил в малый зал столовой, где завтракают преподаватели. Если поторопимся, можем подкараулить его у выхода.

– Такое ощущение, что мы в тюрьме, – возмутилась Сирена. – Когда-нибудь настанет в моей жизни период, когда я сама смогу решать, что буду делать?!

– Не думаю, что в Зандагате так хорошо кормят. – Я потянулась за ещё тёплой булочкой. – И вряд ли вообще выпускают, даже с разрешения магистров.

Упоминание о самой страшной тюрьме Квертинда вернуло меня к воспоминаниям о матери. Может, удастся выяснить что-нибудь о ней в академии?

– У вас не занято?

Высокая девушка села за наш столик. Её волосы, ресницы, брови были абсолютно белыми, как одна выделяющаяся прядь моих волос. От этого она выглядела как-то трагично, к тому же, совсем не улыбалась.

– Меня зовут Ванда Ностра, – представилась студентка. – Я первокурсница.

Мы по очереди представились, чувствуя неловкость в её присутствии. Сирена улыбалась во весь рот и пыталась шутить в своей манере, но Ванда Ностра поглощала еду, не реагируя на попытки завязать разговор.

– Она странная, – шепнула мне Фиди. – Приехала уже давно. Всё время ходит одна и говорит невпопад.

– Ваш ментор ещё не забрал вас отсюда? – неожиданно подала голос Ванда.

Я уже приготовилась к гневной тираде Сирены о свободе молодых аристократок от гнёта их менторов, но глаза Ванды под белыми ресницами смотрели прямо на меня. Я замешкалась.

– Это у меня есть ментор, – вмешалась Сирена. – И, надеюсь, она не заберёт меня отсюда.

– Мне очень жаль вас, – странная девушка повернулась к Сирене. – А вы не подскажите, сколько времени?

Это было необычно, потому что Сирена Эстель вызывала, скорее, зависть, чем жалость. А уж жалеть о том, что ментор не заберет её из академии, было совсем неуместно.

– У меня нет часов, – растерянно ответила Сирена. – Часы есть у Юны.

– Половина одиннадцатого утра, – я взглянула на стрелки.

– Нет, я имела в виду до совета консульства. – Она продолжала смотреть на Сирену.

Мы переглянулись. Видимо, Ванда приняла леди Эстель за работницу консульства, которую я видела в Нуотолинисе. Вряд ли Сирена будет стоять у входа и сообщать визитерам время, оставшееся до совета. Это работа не для неё. Если, конечно, она вообще собиралась когда-нибудь работать.

– Больная какая-то, – одними губами поделилась со мной сочувствием и одновременно возмущением Сирена.

Неловкость прервала Фиди.

– Магистр Риин! – вскочила она. – Он идёт!

Пожилой мужчина приближался к выходу из столовой, где мы его и догнали. Он выглядел, как самый магический маг из всех, которых я могла себе только представить. Его лысая голова была вся исписана по кругу мелкими письменами на неизвестном языке, серая длинная мантия волочилась по полу, в руках он держал толстую книгу. На шее магистра висел инкрустированный тиаль с большим прозрачным, как слеза, камнем на пробке и тремя переплетёнными кольцами внутри.

– А-а-а, Фидерика Уорт! – приветственно закивал магистр. – Я наслышан, что вы всё-таки предпочли кольца Мэндэля склонности магистра Банфик. Добро пожаловать на мой факультет!

– Благодарю вас, магистр, – раскраснелась Фиди. – Но я ещё не заполнила тиаль. Вы не могли бы разрешить нам сегодня съездить в «Чары и чарки»?

Магистр Риин оглядел нас с Сиреной.

– Я не знаю этих студенток. Вы первокурсницы?

Мы закивали и представились.

– Первый день в академии – и сразу в Кроуниц? – строго спросил магистр. – У нас тут не Лангсورد, достопримечательностей не имеется, а шахтёры – не самые приветливые граждане. Не думаю, что могу вас отпустить. К тому же, Поллу занят и не сможет вас сопровождать.

– Но мне нужен тиаль, – взмолилась Фидерика. – Завтра

уже праздник, а я до сих пор не приняла стихию. Одной мне никак не справиться.

– Никогда не понимал стремление женщин кучковаться. – Магистр Риин устало вздохнул. – Только если с вами пойдёт ментор или кто-то из старшекурсников.

Под ментором он, конечно, подразумевал Дамну лин де Торн, поскольку лилию на шее Сирены не заметить было невозможно.

– Спасибо, магистр, – обрадовалась Фиди. – Мы вернёмся очень быстро.

– Придётся искать госпожу Торн, – решила я, когда магистр Риин скрылся. – Иначе нам отсюда не выбраться.

– Ни в коем случае, – возразила Сирена. – Только не говори, что она не достала тебя по дороге сюда.

Спорить я с ней не могла. Дамна лин де Торн действительно отличалась способностью заполнять собой всё пространство.

– А я так живу уже почти девять лет, – практически прочитала мои мысли Сирена.

– Не думаю, что под старшекурсницей магистр Риин имел в виду меня, – заметила Фиди. – И я ни с кем особо не подружилась за прошлый год.

Она потупилась. Мне стало жаль Фидерику, ведь я не понаслышке знала, что такое одиночество.

– Ты знакома с кем-нибудь со старших курсов, кто согласился бы нас сопровождать? – продолжила Фиди, обращаясь

к серебристой лилии.

– Я? Нет. А вот Юна знакома.

Я вопросительно уставилась на Сирену, но она уже уверенно направилась обратно в столовую к одному из столиков. Ну, конечно. Меня осенило. Лоним! Мы с Фиди поспешили за подругой.

– Юна хочет тебя кое о чём попросить! – Сирена хлопнула Лонима по плечу. Тот от неожиданности поперхнулся овсяной кашей и чуть не выплюнул её обратно в тарелку.

– Юна? – Лоним перевёл возмущённый взгляд с Сирены на меня. – Доброе утро.

– Доброе-предоброе, – подтвердила леди Эстель.

Я хорошо знала Лонима, и в его взгляде сейчас читалось не «О чём ты меня хочешь попросить?», а, скорее, «Почему эта нахальная маленькая леди меня трогает?» Ещё я заметила, что у Лонима тоже есть тигель, в котором полыхает оранжевым пламенем меч.

– Привет, Лоним, – я виновато улыбнулась. – Магистр Рин отпускает нас в Кроуниц, только если с нами поедет кто-то из старшекурсников. Думаю, ты вполне мог бы подойти. Если согласишься. Поедем, пожалуйста!

– Зачем вам в Кроуниц? Первому курсу там ничего не нужно, – подал голос Виттор Оуренский. – Хотя я забыл, вы же побирušки, милостыню просить будете. Рваные платья не забыли?

Один из двух незнакомых парней противно захихикал.

Несмотря на внушительные размеры, смех у него был тонкий, как у девушки. Второй выглядел точной копией Виттора, только тёмной его вариацией. Длинные чёрные волосы, тёмные глаза, цепкий взгляд. И тигель его отличался: в зеленоватой дымке за стеклянными стенками рассекала пространство летящая стрела, прикрытая крышкой с мелкой россыпью изумрудов. Его владелец внимательно меня изучал.

– Мы хотим осмотреть окрестности. А ты, небось, до сих пор в туалет в сопровождении своего ментора ходишь? – съязвила Сирена.

Только сейчас я заметила, что у Виттора тоже есть знак соединения. На его шее расправила крылья птица, которая была едва светлее кожи, поэтому не сразу бросалась в глаза.

– Посмотрите-ка, голодная оборванка умеет кусаться! – парировал Виттор.

– В Кроуниц нужно мне, – боязливо подала голос Фиди. – В лавку «Чары и чарки». Я, вообще-то, второкурсница.

Сидящая за столом компания, включая Лонима, посмотрела на неё так, как будто они её впервые увидели. Фидерика покраснелась.

– А-а-а, – вспомнил Виттор, – ты та барышня, которая бантики на платья клекает? Вот так магическая склонность! Я даже не удивлён, что вы с этими побирuşками нашли друг друга.

Тоненькое хихиканье здоровяка перешло в громкий смех,

и на его зелёный жилет изо рта посыпались крошки.

– Я буду учиться на факультете ментальной магии! – Фиди почти уже плакала.

– Выбрала себе нормальную склонность? – не унимался Оуренский. – Понимаю. На тканях для платьев можно разориться, учитывая твои габариты.

Его друг продолжал смеяться, даже молчаливый брюнет улыбнулся краем губ. Фиди всхлипнула.

– Перестань, – предупредила я.

– Не то что? Выпустишь в меня стрелу для белки? Сомневаюсь, что она пробьёт мой жилет, – ответил Виттор.

Я пожалела, что у меня нет с собой лука. Стрелу для белки можно было бы выпустить, например, в глаз. Или в щёку. Мне очень хотелось напасть на этого хама, но я понимала, что в академии этого делать нельзя. А вот Сирена Эстель ни капли не сомневалась: подбежала к патлатому блондину и со звонким, хлёстким звуком врезала ладонью ему по лицу. Тот вскочил, опрокинув стул, и между пальцев у него заиграли знакомые искры. Следом за ним, сдвинув брови, поднялся хохотун. Все взгляды устремились на нас. Лоним обречённо встал между Виттором и Сиреной. Та охотно спряталась за его спину, но продолжала с вызовом смотреть на Оуренского.

– Что здесь происходит?

К нам подошёл молодой мужчина. По его тиалю я поняла, что он маг стихии огня. Только вот мантии на нём не было,

он был одет, как воин: плотная куртка с несколькими карманами, перехваченная ремнями, тёмные штаны и высокие сапоги.

– Знакомство, – равнодушно ответил Виттор. – Доброе утро, магистр Фаренсис.

– Студент Оуренский, вы что, собирались напасть на девушек? К тому же первокурсниц? – спросил магистр Фаренсис, кивком указывая на всё ещё искрящиеся пальцы Виттора.

Фиди продолжала всхлипывать.

– Это они на меня напали, – оправдался блондин.

– Сейчас я вижу только плачущую студентку Уорт и угрозу для студентки... Эм...

– Сирена Эстель, магистр, – представилась серебристая лилия. – И мне очень страшно. Этот старшекурсник хотел меня сжечь!

– В качестве наказания будете помогать рудвикам готовить бестиатриум к празднику, – решил магистр факультета огня. – И вы, студент Маффин.

Хохотун нахмурился ещё сильнее. Теперь ему было совсем не смешно. Губы его собрались в трубочку, и он посмотрел на Виттора.

– Вообще-то, они правда первые начали, – подал голос тёмный двойник Виттора.

– Я попрошу магистра Десента, чтобы и вам было назначено наказание, студент Оуренский, – это явно было обращено не к Виттору.

– Но я же просто сидел!

– Второй год вы двое учиняете драки в академии, а теперь хотите свалить ответственность на первокурсниц?! – возмутился Фаренсис. – И слышать больше ничего не хочу!

Магистр ушёл, а счастливая Сирена вышла из-за плеча Лонима, довольная своей блестящей победой. Братья Оуренские, казалось, были готовы её растерзать. Мало того, что на щеке Виттора проступили красные следы от маленькой ладони, так ещё им теперь придётся провести время в компании рудвиков. Почему-то я не сомневалась, что эти аристократичные непохожие близнецы рудвиков не любили.

– Поехали в Кроуниц. – Лоним развернулся и подтолкнул леди Эстель к выходу. – Пока ты ещё кого-нибудь не отправила на отработку.

Столовую мы покидали в молчании, под пристальными взглядами всех завтракающих здесь студентов.

Магическая лавка находилась на торговой улице и, как и все местные каменные домики, подпирала собой основание горы. Рядом ютились похожие магазинчики с узкими козырьками и торчащими вывесками. Густой туман скрывал от нас город, словно на его мостовые кто-то вылил молоко, и теперь мы стояли прямо на дне молочной реки. Огоньки фонарей сражались с плотной мглой, но явно проигрывали битву.

Серый фасад лавочки «Чары и чарки» был украшен пёст-

рой надписью, которая переливалась всеми цветами радуги. Вдоль загнутого спиралью хвоста смешного трёхглазого кота пробежали цветные огоньки. Я остановилась у входа и засмотрелась.

– Это ментальная иллюзия, – хихикнула Фиди.

– Ты уже умеешь создавать такую красоту? – спросила я, кивая на разноцветные переливы.

– Ни разу ещё не пробовала, – смутилась второкурсница.

Внутри мы скинули капюшоны своих тёплых накидок и огляделись. Казалось, окружившие город скалы проникали даже внутрь: каменные полки были вырублены прямо в стене, низкий сводчатый потолок блестел сланцем. Часть свечей в резной люстре уже превратилась в огарки, поэтому в лавке царил загадочный полумрак.

На полках пестрели корешками старые и новые книги, шкатулки перемешивались с масками из дерева и небольшими гобеленами. Отдельно стояли статуэтки всех семи богов Квертинда, любовно выстроенные вдоль божницы. Их воплотили в самых разных материалах, на любой вкус и достаток: от простых, небрежно выточенных из дерева до расписных, из фарфора или металла, украшенного драгоценными камнями. Я заметила ряд свободолюбивых Вейнов и показала язык всем сразу в отместку за недавний шторм.

Лоним задел один из свисающих с потолка колокольчиков, и он немедленно отозвался оживлённым перезвоном. Сирена подняла крышку сундука и закашлялась от облач-

ка пыли. Музыкальные инструменты, пергаменты, тяжёлые чернильницы, посуда и даже детские игрушки были свалены в кучу. «Чары и чарки» больше напоминали чулан старьёвщика, чем магическую лавку.

Отдельного внимания заслуживали витрины с ювелирными украшениями и магическими сферами. И те и другие мягко поблёскивали в свете свечей, ограждённые стеклянными стенками. Детерминанты Шарля я узнала сразу. Большие и маленькие, похожие на круглые идеально прозрачные капли воды, они застыли на своих подставках. Я почти прилипла носом к витрине, желая приблизиться к магическим артефактам. Мне очень хотелось все их потрогать, а лучше забрать один себе, но у моего желания были препятствия. Первое – это стекло, которое меня от них отделяло, а второе – цена, которая отделяла меня от них ещё больше. Самый дешёвый стоил сто пятнадцать лирн. Это были почти все мои деньги. Я рассудила, что тратить всю сумму в первый день не стоит, и со вздохом отлепилась от стекла.

Мои подруги уже примеряли тиали, которые показывали им удивительно высокий рудвик в цветастом берете.

– Посмотрите, какая красота! – Сирена приложила к груди вытянутую пустую колбу, вдоль которой спускали свои бутоны серебряные лилии. – И так мне подходит!

– Прекрасный тиаль, искусная работа, лу-лу. Всего восемь сотен лирн, – рекламировал свой товар продавец. – Очень подходит студентке-леди, лу-лу.

Фиди разгребала сваленные в одну кучу и переплетённые цепочками тиали под надписью «распродажа». Кажется, она даже успела распутать парочку. Лоним стоял у дверей, прильнув плечом к стене, и скучал. Я быстро смекнула, что покупать в этом магазине ничего не буду, поэтому присоединилась к другу.

– В Фарелби сейчас собирают урожай яблок, – сказала я, наблюдая, как Фиди примеряет уже пятый тиаль. – Жаль, что мы не принимаем в этом участие.

– Да, во дворе у старосты были самые вкусные, – охотно поддержал мои воспоминания Лоним. – Помнишь, как меня однажды чуть не поймали?

– Тебя поймали! – поддразнила я. – Ты всегда не поспевал за мной. И как только тебя взяли на факультет стихии огня?

– Омен считает меня отличным парнем, – ответил Лоним. – Мы с ним неплохо поладили.

Тиаль на его груди не отличался никакими особыми украшениями. Пламя лизало прозрачные стенки, танцуя вокруг маленького меча. Это было так непривычно: мой родной Лоним, и вдруг – маг стихии Омена! И наверняка он умеет этой стихией пользоваться.

– Твой тиаль горячий? – поинтересовалась я.

– Можешь потрогать, – рассмеялся друг.

На ощупь тиаль оказался обычной гладкой стеклянной колбой. Разве что чуть нагретой от тепла тела Лонима.

– Я помню эти часы, – он заметил подарок Ганса Рилек-

са. – Кажется, они лежали в папиной лавке всю мою жизнь. Спешат на пять минут.

– Точно, – подтвердила я. – Твой отец подарил мне их. Чуть не забыла! Он передал тебе какие-то детали для твоих изобретений. Лежат у меня в сумке в академии.

– Вот это очень хорошая новость! – обрадовался Лоним, но моментально скис: – Юна, насчет твоего отца...

– Не надо, – остановила я друга. – Поверь, маленькая Юна наслушалась сочувствий в Фарелби. Я знаю, что твои – самые искренние, но давай сделаем вид, что ты их высказал, а я – приняла?

– Мне тоже так больше нравится, – согласился Лоним.

Он знал меня, как самого себя, поэтому все свои мысли рядом с ним я могла высказывать вслух. Он был единственным, с кем не обязательно было быть вежливой.

– Мы выбрали, – радостно сообщила Фиди. – Юна, как тебе?

На мой взгляд, этот тиаль мало чем отличался от пары десятков тех, что Фидерика примеряла до этого. Обыкновенная ребристая колба на тонкой цепочке. Некрупная крышка расширялась в Иверийскую корону, правда, из простой тусклой стали.

– Тебе очень идёт, Фиди, – похвалила я.

– И правда, очень, – торопливо подтвердил Лоним. – Идём обратно в академию?

Фидерика довольно кивнула, пряча будущий тиаль в ме-

шочек на поясе, и потянула к выходу увлечённую Сирену.

Прохожих подгонял холодный порывистый ветер, гуляющий по мощёной улице. Люди кутались в плащи, плотнее запахивали накидки и исчезали в плотном тумане. Хмурый Кроуниц прятал в белёсой мгле окружающие скалы, колот нас мелким дождиком и пронизывал сыростью. Мы накинули капюшоны и двинулись вдоль сплошных двухэтажных домов в сторону отделения транспортной компании, которым здесь называли обычное стойло. Угрюмые строения нависали над нами с двух сторон, хлопали ставнями и звенели вывесками.

Меня заинтересовал щит с Иверийской короной, немного проржавевший, но самый настоящий. Под характерной вывеской красовалось название: «ОружейНОРМ». Я даже замедлила шаг, пытаясь заглянуть в решётчатое окно оружейного магазина. Любопытно было бы посмотреть боевые луки. Такие, из которых стреляют не в белок. Но подруги уже ушли вперёд и я поспешила догнать их. Лоним шагал рядом, пряча руки в карманах плаща. Погода была промозглая, и мы торопились добраться до капранов, что отвезут нас в тёплые стены академии. Вдруг впереди идущая парочка остановилась напротив одной двери.

– О нет! – простонал Лоним.

– Мы обязательно должны сюда зайти! – обернулась Сирена. – Юна, пойдём!

Ветер раздувал её капюшон и прятал за тканью лицо. Хорошо был виден только вышитый спереди зелёный крылатый символ Кроуницкой академии. Я проследила за направлением взгляда подруги. Вывеска гласила: «Дамские туалеты». Я догадалась, что речь идёт не об отхожих местах, но всё равно скривилась.

– Вообще-то мы пришли за тиалем, – напомнил Лоним. – И мы его уже купили.

– Не будь занудой, – сморщила носик Сирена. – Неизвестно, когда ещё раз получится сюда выбраться.

– Ну, хорошо, – разрешил Лоним. – Я подожду на улице.

– Как будто мне нужно твоё разрешение! – Сирена уже поднялась на низкое крыльцо и скинула капюшон. – Юна, ты идёшь?

– Я, пожалуй, тоже подышу свежим воздухом, – попыталась отвертеться я. – Платья – это не моё.

К счастью, девушки не стали настаивать.

– Просто ты ещё не подобрала свой фасон. – Фиди толкнула дверь в лавку. – А это очень важно.

– Да, у меня просьба! – крикнул вслед Лоним. – Вы не могли бы захватить оттуда пару чулок? Непрозрачных. Лучше чёрных.

– Извращенец, – заключила Сирена и скрылась в здании.

– Ты же не собираешься наказывать местных торговцев фруктами? – спросила я Лонима, когда мы остались наедине.

По улице проехали двое всадников на капранах и сверну-

ли на какую-то узкую улочку. Нас обдало сильным потоком ветра, и я придержала свой капюшон. От ледяного порыва я вздрогнула и хлопнула носом. Ранняя осень на севере была непривычно холодной.

– Почти, – улыбнулся Лоним. – Завтра праздник семи стихий. День, когда можно узнать, чего ты стоишь на самом деле. Показать, что ты умеешь. В первую очередь – самому себе. Понимаешь, те разрывные стрелы, с которыми ты уже знакома, это моё изобретение. Я вкладываю в маленькую искру магическую силу, которая активируется при ударе и расширяется. И происходит...

– Взрыв, – вспомнила я.

– Я убеждён, что смогу впечатлить магистра Фаренсиса. Он, как и я, интересуется новыми видами оружия и наукой. Магией механизмов, – увидев моё замешательство, пояснил Лоним. – И ещё хочу показать свои способности магистру Десенту. Он только приехал, первый год в академии, но уже успел заслужить уважение студентов. Говорят, до этого он служил в армии Квертинда.

– Разве нельзя сделать это на занятиях? – спросила я. – И для чего тебе маскировка?

Из-за скал, словно издеваясь, выглянуло холодное солнце. Тусклые лучи его совсем не грели, но хорошо осветили покрасневшие кончики ушей Лонима.

– Это совсем другое, Юна, – взволнованно пояснил мой друг. – Я хочу, чтобы меня запомнили. Только, боюсь, такое

представление не всем может понравиться. Надалия Аддисад против демонстрации боевых видов магии на этом празднике. Она очень боится за своих студентов. Не знает, что опасности нужно смеяться в лицо.

Он улыбнулся, озвучивая наш детский девиз. Солнце спряталось, и пронизывающий вихрь порывом растрепал его волосы. Где-то хлопнула дверь очередной лавочки, выпуская наружу покупателей. Девушек всё ещё не было.

– Понятно, – вздохнула я. – Тебе нужен кто-то, кто умеет неплохо стрелять из лука. И тоже в маскировке.

– Я тебя обожаю. – Лоним хлопнул меня по плечу, приняв мой вывод за согласие. – Я мог бы попросить Артура, но... для тебя это тоже хороший шанс. Возможно, ты, как и я, выберешь склонность огня и будешь учиться на факультете Омена. Поверь, магистр Фаренсис – очень крутой тип. Тебе понравится. И он поощряет увлечённых студентов. Стихия земли ничем не хуже, там тоже есть свои преимущества. Многие считают, что она больше подходит для боя, чем стихия огня.

– Лоним, – меня кольнуло лёгкое беспокойство, – а если у меня... ну... какая-нибудь другая склонность?

– Это не важно, – успокоил друг. – Моя изначальная склонность – ментальная, как и у отца. Но я выбрал не Мэндэля, а Омена. И ты сможешь выбрать то, что тебе по душе, независимо от изначальной склонности. Немного тяжелее в обучении и меньше шансов достигнуть высот, но зато

будешь заниматься любимым делом. По-моему, то что нужно для тебя. Ты всегда стремилась не изменять себе.

Я задумалась. Ветер проникал под складки одежды, и по коже от холода бегали мурашки. Конечно, Лоним был прав: мне было важно не изменять себе, вот только я до конца не знала, кто я. И хочу ли быть магом стихии огня. Или земли. Я вообще не знала, какая стихия мне по душе.

Та, которая поможет в убийстве Кирмоса лин де Блайта.

Но существует ли вообще такая?

– Добрый день, студенты, лу-лу, – важный рудвик подошёл к нам, оглядываясь по сторонам. Поблизости никого не было, только гул ветра в подворотнях эхом отражался от каменных стен. Но рудвика вряд ли стоило опасаться: бойцы из них были совсем никакие. А маги – и подавно.

– Здравствуйте, – поздоровалась я.

Лоним промолчал, раздосадованный тем, что нас прервали.

– Заряженные тиами кровавой стихии, артефакты из Тимберии, баторские галлюциногенные благовония, ведьмачьи зелья интересуют? – сходу предложил рудвик.

– Что за артефакты? – холодно спросил мой друг.

– Самопишущие перья, звуковоспроизводящие механизмы, кристаллы размером с ноготь новорожденного рудвика. Могу показать.

– Показывай, – велел Лоним.

Низкорослый контрабандист поманил нас в одну из тём-

ных улиц, что пересекали большую торговую, и поглубже натянул мятый цилиндр, пряча под ним глаза. Уши спрятать было невозможно. Мы двинулись следом.

Через пару закоулков обнаружился большой ящик, раздвигающийся на две половинки, подобно дверцам шкафа. Лоним с рудвиком склонились над ним и начали что-то горячо обсуждать. Судя по долетающим обрывкам фраз, они торговались. Я уже порядком замёрзла, зубы у меня стучали от холода, поэтому я решила вернуться за подругами в лавку «Дамские туалеты» – немного погреться и заодно поторопить их. Дорогу я помнила, поэтому найти выход не составляло труда.

Едва я завернула за угол, как крепкие руки схватили меня сзади и втащили в узкий проход. Я замахнулась, насколько хватило сил и пространства, и ударила локтем в то место, где должен был находиться нос нападающего. Он грязно выругался, немного ослабил хватку, и я двинула ногой ему в колено. Негодяй застонал, согнулся и отпустил меня, но, стоило мне оказаться на воле, как новое кольцо рук плотно сжало моё тело.

– Лягается, шо твой капран, Рябой! – подал голос тот, кто меня держал.

– У меня нет лири! – сразу выпалила я. – И я маг стихии огня пятого порядка: если вы попытаетесь меня изнасиловать, я вас сожгу!

Конечно, утверждение было весьма сомнительное, но вы-

бора у меня не было. И времени придумать более правдоподобную легенду – тоже.

– Та ты за то не беспокойся, – прохрипел Рябой, вставая на ноги. – Трахать мы тебя не будем. Ну, или будем, но не мы.

Он сипло засмеялся, довольный своей шуткой. Я попыталась оценить ситуацию для побега. Ситуация, надо сказать, сложилась крайне неблагоприятная: один грузный разбойник прижимал мои руки к телу, другой уже пришёл в себя после моей относительно успешной самозащиты.

– А ну, проверь, та ли девка, – приказал тот, кто меня держал.

С меня сдёрнули капюшон. Рябой был в маске, наполовину скрывающей лицо. Под носом на грязной ткани темнело пятнышко крови. Глаза у него были красные, подёрнутые пеленой, волосы торчали в разные стороны.

– Навроде та, – подтвердил он. – Вон, с белой патлой. Всё как заказывали.

– Давай мешок.

Я стала дергаться, отчего меня только сильнее сжали. Рябой достал холщовый мешок и надел мне на голову. Он воюял протухшими овощами. Я снова попыталась провернуть трюк с ударом в колено, но теперь от меня уворачивались. Было трудно смеяться в лицо опасности с мешком на голове, поэтому меня начала потихоньку одолевать паника. Я задёргалась активнее, но успеха это не принесло.

– Отпустите! – закричала я.

И меня неожиданно отпустили. По ушам резанул громкий мужской крик, перемешанный с грязными ругательствами.

– Грёбаная академская сука, она и правда маг огня! – кричал похититель. – Я горю!

– А-а-а, а-а-а-а-а, жётся!! – вторил ему Рябой.

Я сдёрнула мешок. Рябой был весь в мелких язычках пламени, словно кто-то зажёл на нём десяток тонких свечей. От каждого огонька исходил дымок. Второй разбойник выглядел не лучше: он катался по земле, пытаясь потушить огоньки. Запахло палёной кожей.

– Юна! – Лоним стоял в десяти шагах, в пальцах его правой руки бегали искры, левой он сжимал тиаль. – Скорее, сюда!

Дважды звать меня было не нужно. Мгновенно я оказалась рядом с другом, и мы вместе побежали на широкую улицу, где нас уже ждали растерянные девушки.

По дороге до академии мне пришлось несколько раз пересказывать то, что произошло в переулке. Лоним ехал молча. Он полулежал на своём капране, выглядел уставшим и поникшим. Фиди всё время извинялась за то, что вытащила меня в город, а Сирена просила точнее описать разбойников. Когда мы наконец доехали и зашли в каменные ворота между двух крылатых львов, начало смеркаться. Стоило поторопиться, чтобы не нарушать правила академии.

Ужинали мы вчетвером за одним столом. Братья Оурен-

ские кидали на нас гневные взгляды, но сейчас они нас мало волновали.

– Кому ты уже успела перейти дорогу, Юна? – спросил Лоним.

Он вяло ковырял жаркое из утки с клюквой, как будто был совсем не голодный. Я же ела с жадностью – видимо, мой организм обрадовался тому, что ещё дышит и может выполнять все остальные функции.

– Понятия не имею, – честно ответила я. – Может, это патлаты близнецы?

– Не в их стиле, – скривился Лоним.

– Думаю, похитить хотели Сирену, – поделилась я своими соображениями. – Она дочь богатого купца, и, скорее всего, выкуп за неё был бы щедрый.

– Мы были в форменных накидках, они одинаковые, – согласилась с моим доводом Фиди. – Вполне могли перепутать.

– Никогда не думала, что происхождение может мне угрожать, – отозвалась дочь богатого купца. – Мне казалось, Дамна нарочно этим пугает, чтобы таскаться за мной по пятам.

– Страшно... – Фиди обхватила себя руками. – Нападение на студентку днём, в городе, и это при патрулирующих улицы стяжателях!

– Да уж, – подтвердила Сирена. – Там шатался один носитель Иверийских корон. Вечно они появляются, когда уже не нужны. Как будто им нет дела до безопасности квартирндцев. Лоним, ты настоящий герой! Если бы не ты, Юна бы сейчас

не сидела тут с нами.

Тот лишь устало улыбнулся.

– А вот и госпожа лин де Торн, – заметила я.

В столовую, словно прекрасный лебедь, всплыла ментор серебрястой лилии. Платье на ней было таким роскошным, будто она собралась на бал, а не на обычный ужин. Дамна выглядела довольной, увидев нас, помахала рукой и направилась к нашему столику.

– Не смейте ей ничего рассказывать, – шикнула Сирена. – Мы весь день сидели в комнате!

Лоним драматично выдохнул, а мы с Фиди закивали.

– Приятного аппетита, леди. – Дамна кинула короткий взгляд на Фиди и тут же уставилась на Лонима: – Дамна лин де Торн из Нуотолиниса, ментор Сирены Эстель.

– Тут не только леди, – заметила Сирена.

– Фидерика Уорт, – представилась Фиди. – Из Кроуница.

Лоним смотрел в свою тарелку, и взгляд его был рассеянным. Казалось, он сейчас уснёт прямо за столом.

– Лоним Рилекс, – представила я друга. – Мой друг из Фарелби.

– Простите, – извинился он, возвращаясь в беседу. – Потратил сегодня много магических сил. – И пожал протянутую руку госпожи лин де Торн. Та немного опешила, но смягчилась, кинув взгляд на тиаль Лонима:

– Понимаю. Трудная боевая тренировка?

– Не совсем, – начал Лоним и встретился с прищуренным

взглядом Сирены. – Пришлось поджарить кое-кому пятки.

– Ах, мальчики! – промурлыкала Дамна. – Вечно вы что-то затеваете.

Фиди, сидящая рядом со мной, вдруг встала, не закончив трапезу. То же самое сделал Лоним, придерживаясь за край стола. Я огляделась – все студенты вставали со своих мест. Повинуясь общему примеру, я тоже поднялась и увидела, что в столовую вошла Надалия Аддисад в сопровождении нескольких свиров в светло-зелёных одеждах. Сегодня ректор выглядела заметно похорошевшей. Лазурная мантия струилась по её невысокой фигуре, тIALЬ сверкала синими бликами сапфиров на резной крышке. Особенно маленькой она казалась на фоне мужчины в длинном тёмном плаще, который как раз проходил мимо.

– Кушáйте, кушáйте, – Надалия замахала руками, призывая всех сесть. – Зафтра фажный день! Всем надо хорóшо кушáть и хорóшо спать. Перфокурсники, не забудьте сфои фáмильные пергаменты к церемонии!

Мы сели и молча продолжили ужинать. День выдался тяжёлый, сил на разговоры не осталось. Вскоре мы наелись, разомлели и стали похожи на засыпающего Лонима, несмотря на то, что магических сил совсем не тратили.

– Пойду хорошо кушать, – госпожа лин де Торн поправила причёску, – А вам спокойной ночи.

Глава 9. От судьбы не убежать

– Юна! Да проснись уже! – Фиди похлопала меня по плечу. – Мы можем опоздать.

Сквозь сон я прорычала ей «Оставь меня» и отвернулась к стене. Просыпаться совсем не хотелось.

– Завтрак уже идёт, – настаивала Фиди. – Я больше не могу тебя будить. Я пойду.

Я накрыла подушкой голову, чтобы не слышать её. Уютная тишина окутала меня и поманила обратно в сладкие объятия беспамятства.

Только по утрам мне было удобно лежать в любой позе, и я могла провести в постели долгие часы. Одеяло было ласковым, податливо повторяющим все изгибы моего тела. Я нежилась в комфорте и тишине, балансируя на грани сна и бодрствования. Это были мои любимые моменты, когда солнце уже поднималось над горизонтом и заполняло утреннюю прохладу ласковым теплом. Озеро успокаивающе шелестело, вкрадчиво наполняя своим плеском мой чуткий слух. Сейчас оно было тихим, молчаливым. Должно быть, на улице полный штиль...

Стоп!

Я резко села на кровати и оглядела комнату. Озера, конечно, поблизости не было, как и моих соседок. Лениво и

неуклюже, словно ещё находясь во сне, я выбралась из-под одеяла и проползла по холодному каменному подоконнику. Прильнула к окну, пытаюсь рассмотреть площадь перед академией. Из нашей комнаты она была едва видна, поэтому я припала носом к стеклу и скосила глаза. Под статуей семи богов уже собирались первые позавтракавшие студенты. Судя по улыбкам, настроение у них было приподнятое.

– Нет, нет, нет! – простонала я и, сорвавшись стрелой с подоконника, принялась метаться по комнате, натягивая форму. – Церемония определения! Я проспала!

От резкого подъёма в глазах потемнело, и услужливое сознание показало мне картину, как я подбегаю к церемониальному залу, а оттуда уже выходят магистры и студенты, знающие свои склонности.

О-о-о, нет! Только не это! Время, немедленно остановись! Я не должна опоздать на самую важную церемонию в своей жизни!

Ноги проворно нырнули в штаны, сорочка одним махом запахла на животе, а вот с пуговицами жилета пришлось повозиться: золотистые крохи никак не хотели пролезать в новые петли, словно нарочно выскользывая из пальцев. Ну давайте же, скорее!

Принять душ я, очевидно, уже не успевала, поэтому быстро провела щёткой по волосам и сморщилась от запаха: после вчерашней встречи с холщовым мешком запах тухлых овощей намертво въелся в пряди. Надеюсь, никто не станет

меня нюхать...

Косы я заплетала уже на ходу, выбегая из комнаты и бубня себе под нос ругательства.

Женщина-свир в коридоре окинула меня строгим взглядом, и я виновато ей улыбнулась. На полпути вспомнила, что забыла фамильный пергамент, поэтому пришлось вернуться. Конечно же, бегом.

В столовую я почти влетела, расталкивая выходящих оттуда студентов и зарабатывая недовольные оклики. За нашим столом сидели Сирена и Фиди, давно справившиеся со своим завтраком. Рудвики уже уносили тарелки, когда я успела перехватить у одного из них плоску с кусками хлеба и глиняный кувшин.

– Наконец-то, – строго произнесла Сирена на манер своего ментора. – Нельзя быть такой безответственной, Юна!

– Не привыкла вставать по часам, – пережёвывая хлеб, оправдалась я. – Почему ты меня не разбудила? У тебя обычно хорошо получается.

– Я пыталась! – возмущённо вставила Фиди. – Битых полчаса просила тебя подняться!

– Кажется, что-то такое было, – припомнила я.

Фидерика надулась.

– Пойду занимать места, – она обиженно поднялась. – Хотя сесть поближе уже всё равно не успею.

– Извини, – с набитым ртом кинула я ей вслед. Протолкнула крупный кусок в горло и отхлебнула прямо из кувшина.

Уже остывший отвар шиповника струйкой полился по подбородку, и я вытерла его тыльной стороной ладони.

– Я была у своего ментора, – пояснила леди Эстель, скривившись при виде моей неряшливости. – Это важный день для любой молодой леди. И любой студентки. Дамна причёсывала меня, поддерживала и давала жизненные наставления. От тебя что, пахнет сырой картошкой?

Девушка брезгливо сморщила носик. Две подкрученные пряди выглядели искусной картинной рамкой для её хорошенького личика. Я заметила, что кожа серебристой лилии припудрена и придает аристократичности леди Эстель заслуженную бледность.

– Студенты должны поспешить, лу-лу! – Поллу стоял в дверях и громко торопил засидевшихся в гостиной. – Ректор Аддисад будет недовольна, лу-лу. Поллу нужно успеть доставить всех в Церемониальный зал.

Он увидел наш столик, надул щёки и пригрозил:

– Медленным леди не достанутся склонности, лу-лу!

Мы поднялись. Я сделала ещё пару глотков из кувшина, с благодарной улыбкой вручила его ожидающему рудвику в поварском колпаке и поторопилась к выходу.

Воздух Кроуница окружил нас пахнувшей хвоей свежестью.

Взволнованные студенты группами стояли на площади, оживлённо обсуждая грядущий праздник. Форменных жи-

летов не было видно под тёплыми шерстяными накидками, поэтому шумная толпа выглядела мрачновато.

День выдался на удивление солнечный. Куцые тучи плыли по небу, лишь изредка преграждая путь бледным лучам. Иверийская корона над статуей семи богов успевала ловить свет, отбрасывая золотистые блики. Мне показалось, что на фоне позеленевшей бронзы скульптуры этот символ власти великой династии смотрелся как-то неуместно. Древние маги стихии искусства, сотворившие эту корону, явно перестарались, желая угодить заказчикам.

Стоящая рядом Сирена вряд ли была со мной согласна, поскольку с восторгом и гордостью взирала на сияющий венец её любимых королей.

– Студенты, лу-лу! – назидательно начал Поллу. – Вы должны держаться вместе, лу-лу, от группы не отставать, спускаться к Церемониальному залу внимательно, почтительно и ретиво, лу-лу!

– Очень ретиво, лу-ли! – Вилли поправила свою распределяющую шляпу. – Я буду следить за вами, лу-ли, и распределять наказания отстающим, лу-ли.

Я только сейчас заметила, что здесь собрались только первокурсники. Видимо, старшим курсам ретивое сопровождение не требовалось. Мы наблюдали, как рудвики помогают друг другу расправлять ткань на двух высоких штандартах. Поллу первым поднял высоко над головой всем известный герб королевства Квертинд – жёлтую корону с семью зуб-

цами на квадратном бордовом полотне. Вилли же достался крылатый лев Кроуницкой Королевской академии.

– Руководитель отдела логистики магистр Полилаунд Краузер, лу-лу, объявляет церемонию передвижения первокурсников к церемонии определения склонностей открытой! – торжественно произнёс Поллу и двинулся в сторону ступеней, ведущих к большому зелёному куполу.

Некоторые студенты захихикали, но покорно пошли за движущимися впереди штандартами. Нам этот путь был уже знаком, поэтому мы шли уверенно. Остальные заметно нервничали и крепче прижимались к колонне, не забывая вертеть головами по сторонам.

Вокруг росли, в основном, голубые сосны и ерники, белый мох прикрывал каменистую почву. Но всё же кое-что новое для себя я заметила. Слева от ведущих вниз ступеней возвышалась огромная круглая арена с песчаным дном и узким бортиком навеса. Под ним едва ли можно было разглядеть лавки, вокруг которых сейчас происходило какое-то движение.

– Бестиатриум академии, – охотно пояснил Поллу. – Для занятий факультетов Омена и Ревда, торжеств, турниров и дуэлей.

– Разве дуэли не запрещены правилами? – спросила девушка в очках и с тугим пучком на макушке.

– Ээээ... – потерялся рудвик. – Я имел в виду для торжеств, турниров и выступлений!

Он насупился и спрятался за штандартом с кисточками. Впереди показался круглый купол Церемониального зала, окружённый восьмью круглыми башнями.

– А почему башен восемь, Поллу? – не унималась девушка. – Семь склонностей, каждой соответствует свой бог. Значит, должно быть семь.

– Распределяющая шляпа решила в пользу симметрии, лу-ли! – нетерпеливо пискнула Вилли. – Древние маги искусства были мудрыми архитекторами, лу-ли, и очень любили рудвиков.

– Это храм богов рудвиков, Лулука и Лулики? – продолжила допрос настойчивая студентка. – Им не тесно вдвоём в одном храме?

– Студентка Лавбук задаёт слишком много вопросов, лу-лу, – проворчал Поллу. – Вопросы про богов будете задавать магистру Калькут, лу-лу.

Студентка Лавбук недовольно поджала губы и поправила очки.

Рудвики ускорили шаг, и мы едва поспевали за ними, то и дело спускаясь со скалистых ступеней или огибая хвойные рощицы. Вся церемония передвижения студентов заняла минут пятнадцать и закончилась у больших арочных ворот Церемониального зала, гостеприимно распахнутых для первокурсников.

Я задрала голову и скинула капюшон, с открытым ртом наблюдая за высоким сводом, проплывающим над головой.

В носу защекотало от предвкушения чего-то важного, и я сильнее стиснула фамильный пергамент.

Едва мы вошли, в заполненном старшекурсниками помещении воцарилась торжественная тишина. Все молчали, боясь нарушить разговорами таинство, а единственным звуком, выдававшим наше появление, был шорох шерстяных накидок.

Церемониальный зал впечатлял своим величием.

Массивная бронзовая люстра с десятками подсвечников из зелёного камня спускалась из центра круглого купола и почти доставала нижним концом до прозрачного шара. Он стоял на зеркально блестящем полу и казался таким огромным, что пяти человек вряд ли хватило бы, чтобы его обхватить. Четыре каменных льва спинами подпирали сферу, обнимая её распахнутыми крыльями.

Первокурсники восторженно зашептались.

– Это самый большой и точный детерминант Шарля, – поведала всем студентка Лавбук. – Здесь видны тончайшие нити склонностей.

– Какая люстра! – Сирена задрала голову. – Сколько же там свечей?

– Это цвета семи склонностей, – заметил какой-то юноша.

Я огляделась. Вокруг детерминанта поднимались ряды деревянных сидений, выкрашенных в разные цвета. Дерево было нетипично для Кроуницкой академии, где практически вся мебель была каменной, и я заинтересовалась. Полукруг-

лые лавочки поднимались к самому потолку – туда, где окна обхватывали круглый зал двумя прозрачными кольцами. Старшекурсники сидели, взирая на нас, в буквальном смысле, свысока.

В оранжевом секторе я заметила Лонима, Виттора и Маффина. Они сидели ближе всех, сразу за спиной магистра Фаренсиса.

Фиди пришлось поискать глазами – она устроилась почти у самого потолка, едва заметная среди студентов на серых лавочках. Если бы не её рыжие волосы, вряд ли я вообще сумела бы разглядеть подругу. Внизу, перед ментальным сектором стоял магистр Риин, приветливо глядя на первокурсников.

Самым малочисленным оказался жёлтый сектор. В основном, здесь сидели девушки, но было и несколько парней. В их тиалях играла арфа, которую я уже однажды видела у бродячего барда Виртуоза Мелироанского. Мало кто устроился ближе к детерминанту – высокие лавочки там пустовали. Возглавляла магов стихии искусств пышная женщина в длинном разноцветном сарафане.

– Дорогие студьёнты! – начала свою речь Надалия Аддисад, и я моментально нашла в толпе низенькую лазурную фигурку. – Сефодня мы óткрываем нашу цёремонию определения склонностей. Каждый из вас пóдобен пустому сосуду, ещё не наполненному магией. И то, чем вы захóтите его заполнить, зафисíт только от вас самих. Ваши изначальные

склонности определяют только то, какую магию каждый из вас способен быстрее и полнее усвоить. Но они не означают, что вы обязаны идти только за этой стихией. Помните, ваша магия зависит не только от вашего рождения, но и от вашего желания. Мир дафно изменился, и не обязательно быть сильным магом, флекомым своим тщеславием, чтобы жить счастливо. Те стихии, которыми вы решите в итоге заполнить свою магическую память, останутся с вами навсегда и не позволят проникнуть в ваш разум никаким другим. Поэтому будьте осторожны и не торопитесь. В нашей академии перфкурсыки заполняют тially только в конце перфго года обучения, выбирая основную из шести рафнопочитаемых склонностей.

Надалиа Аддисад занимала целый сектор, точнее, то место, где он мог бы быть. Вместо лавочек здесь возвышалась трибуна, с которой вела приветственную речь ректор, и небольшой письменный стол. За спиной ректора стояла женщина в бордовой мантии консульства и двое мужчин в длинных плащах с высокими воротниками-масками. В одном из них я узнала того самого нахального парня, что помог мне пройти охранную арку в Нуотолинисе.

– Наши магистры, – продолжала ректор Аддисад, – помогут вам разобраться во всех сложных магических материях и в конце вводного курса обучения принять ту склонность, в которой вы хотели бы развиваться. Сейчас я должна вам их предстафить.

Студенты уже начали переминаться с ноги на ногу. Сирена выразительно зевнула, чем заслужила гневный взгляд любопытной студентки с пучком.

– Магистр факультета Девейны, маг исцеления третьего порядка Биатрисс Калькут.

Сидящие за спиной высокой крепкой женщины студенты захлопали. Среди них я не заметила ни одного парня. Девушки-целительницы звонко хлопали, искренне улыбаясь вниманию. Магистр же стояла ровно, сурово выпятив тяжёлый подбородок.

– Магистр факультета Мэндэля, маг ментальной стихии пятого порядка Флейн Риин.

Этого магистра с лысой татуированной головой я уже знала, он отпустил нас в Кроуниц за тиалем. Я посмотрела на Фиди. Она неохотно присоединилась к сокурсникам и сложила ладошки для хлопков.

– Магистр факультета Вейна, маг стихий воды и воздуха третьего порядка Гремор Айро.

Синяя трибуна оживилась и заплодировала своему магистру. Гремор Айро, в отличие от остальных магистров, сгорбился на стуле и подниматься не собирался. Это был тот самый пожилой мужчина, который упал на пирсе, когда мы подплывали к Кроуницу.

– Хорошо, что их всего семь, – шепнула я Сирене.

Эта официальная часть с представлениями начала меня немного утомлять. Мне хотелось поскорее прикоснуться к

самому точному в мире детерминанту Шарля. В тёплых накидках становилось жарко, поэтому некоторые первокурсники сняли их и держали в руках. Я завозилась с рукавами, стягивая с себя верхнюю одежду.

– Ма́гистр факультета Омена, маг стихии огня пятого порядка Кэймон лин де Фаренсис.

«Надо же, наследник рода», – пронеслось в голове. Маги огня с оранжевого сектора просто взорвались аплодисментами. Лоним, казалось, хлопал громче всех. Остальные тоже старались на славу – я даже подумала, что успех на этом факультете зависит от того, как громко ты хлопаешь своему магистру на церемонии определения склонностей.

– Вообще-то шесть, – напомнила Сирена, охотно поддерживая аплодисменты. – Кровавую магию тут не преподают.

– А её вообще где-нибудь преподают?

– Тшшшшш! – шикнула на нас студентка Лавбук.

– Ма́гистр факультета Рефда, маг стихии земли пятого порядка Джермонд Десент.

Заполненная преимущественно парнями тёмно-зелёная трибуна захлопала так яростно, словно пыталась перешуметь своих предшественников. Кое-кто даже присвистывал. Мне показалось, что это был тёмный брат Оуренский. Сам магистр Десент стоял со скучающим видом. Возможно, даже более скучающим, чем у нас с Сиреной.

– Ма́гистр факультета Нарцины, маг стихии искусства четвёртого порядка Белла Банфик.

В сравнении с двумя предыдущими факультетами, этот наградили весьма скудными аплодисментами. Маги Нарцины стеснялись и жалели свои ладони. Одинокие хлопки донесли с трибуны ментальной магии: это оказалась неожиданно осмелевшая Фида. Белла Банфик улыбнулась ей в ответ и благодарно кивнула.

А я пожалала плечами. Вот вам и шесть равноценных склонностей: некоторые факультеты здесь почитали явно больше других.

– На первом курсе вам будут преподавать только общемагические предметы, которые должно знать каждому образованному магу, независимо от склонности, – продолжила ректор. – Вы многое узнаете о нашем королевстве, о нашей магии, но самое главное – о себе самом. И к моменту окончания тиаля вы будете не растерянными юными студентами, а уверенными молодыми магами.

Я посмотрела на часы. Мы стояли тут только пятнадцать минут, а казалось, что целых пятнадцать часов.

– Теперь настало время определить ваши изначальные склонности. – Надалия Аддисад взмахнула руками, призывая всех к вниманию.

Ну, наконец-то! Даже не верилось, что с этого момента я стану настоящим магом и узнаю свою склонность. Детерминант Шарля призывно манил, и я заёрзала от нетерпения. Огляделась в поисках поддержки, но почти все студенты стояли спокойно, видимо, уже зная свои способности.

– Рукофодитель отдела лóгистики ма́гистр Полилаунд Краузер будет по одному подвóдить вас к детерминанту. Вы должны прилóжить ладонь к его поферхности, фот так, – ректор вытянула руку ладонью вперёд, изображая прикосновение. – Когда стихия будет определéна, прóйдите к секретарю Бранди и дайте ей свой фáмильный пергамент для фнесе-ния вашей изначальной склонности. Прошу, ма́гистр Краузер.

Женщина в консульской мантии поправила брошку в виде весов и, усевшись за стол, обмакнула перо в чернила. Видимо, это и была секретарь Бранди.

Поллу подошёл к одному из первокурсников, лицо которого было сплошь покрыто рытвинами и прыщами, взял его за руку и повёл к детерминанту. Студент смело коснулся его, и яркая зелёная молния прильнула к месту прикосновения.

– Очень хорóшо, студьент Комдор, – похвалила ректор. – Сильна́я склонность магии земли.

Первокурсник довольно улыбнулся. Удивлённым он не выглядел, поэтому без промедлений прошёл к секретарю и вручил ей фамильный пергамент. Свёрнутый трубочкой свиток впечатлил меня не меньше, чем Церемониальный зал академии: он сверкал крохотными огоньками, как страницы персонагвира, когда я назвала над ним своё имя. Секретарь Бранди же равнодушно сняла свою брошь, вскрыла печать, бубня что-то себе под нос, и зачиркала пером по истинному фамильному пергаменту первокурсника.

Поллу уже вёл к детерминанту следующего.

Когда очередь дошла до Сирены, она брезгливо накрыла пухлую ручку рудвика своей и с идеально прямой спиной неспешно прошествовала к прозрачной сфере. Леди Эстель взмахнула рукой, как будто собиралась сотворить заклинание, и с размеренной плавностью опустила ладонь на детерминант. Тот моментально отозвался, выпустив из центра сразу две пляшущие молнии – белую и красную. Исцеление и... кровавая магия?! Помыслить было невозможно, чтобы моя правильная подруга баловалась кровавыми ритуалами! Перед глазами сразу поплыли картинки, как Сирена Эстель, хохоча, купается в фонтане крови и на её светлом платье проступают бордовые следы... Я моргнула, прогоняя видение, и почесала затылок.

– Склонность к магии исцеления, – кивнула Надалия Аддисад и пригласила жестом к столу консула: – Прошу вас, студентка Эстель.

Ректор Аддисад не придавала кровавой молнии никакого значения. Остальные тоже впечатлѐнными не выглядели. Но как такое могло быть? Мне точно не показалось! Я замороженно наблюдала, как консул разворачивает сверкающий пергамент подруги. Неужели я одна видела кровавую склонность Сирены в прозрачной сфере?

Тем временем Поллу уже подошёл ко мне и подал руку. Но, едва я потянулась к нему, меня некультурно оттолкнули и между нами вклинилась белѐсая Ванда Ностра. Я разозли-

лась от такой наглости и ухватила её за талию с намерением побороться за своё место в очереди.

– Не надо, – попросила девушка тихим, ровным голосом. – Пропустишь красивое зрелище.

Что значит «не надо»? Я собиралась оставаться на церемонии до конца и внимательно следить за всеми происходящими в зале зрелищами. Если эта бледная моль хочет что-нибудь выкинуть, то пусть делает это после определения моей склонности! Я вцепилась в худенькое девичье плечо и на пару секунд застыла, замороженная видом собственных пальцев на белой коже. Девушка казалась фарфоровой вазой – я даже ослабила хватку, испугавшись, что ненароком отломаю кусочек от этого хрупкого создания.

За спиной возмущённо зашептались ожидающие студенты, и даже Надалия Аддисад повернула голову в нашу сторону. Я сильнее стиснула зубы, но пальцы всё же разжала. На молочной коже полоумной студентки остались безобразные ярко-красные следы, выглядывающие из-под сорочки. Будто мои руки были клешнями придонного рака, в самом деле!

– Ладно, иди, – сквозь зубы процедила я.

А что мне ещё оставалось? Устраивать драку? Боюсь, этот полумёртвый мотылёк рассыпался бы от слабого пинка, и наша стычка вызвала бы ещё большую задержку, а я и так уже изнывала от нетерпения. К тому же девушка была явно болезненная – а с такими, как известно, лучше не связываться.

Поллу подал малахольной руку, но она его даже не замети-

ла. Она вообще больше ничего не видела, кроме детерминанта, к которому плыла, подобно лебедю. Студенческая форма висела на девушке мешком и удивительно не шла ей – Ванда Ностра казалась бесплотным духом, в котором еле-еле теплится жизнь. Оказавшись рядом с детерминантом, она что-то сказала ему, как живому, и уверенно коснулась гладкой поверхности.

Резкая вспышка ослепила меня, и я зажмурилась. Перед глазами поплыли полосы. Щурясь, я приоткрыла веки.

Огромную сферу заполнили сотни маленьких молний цвета весенних фиалок. Сгущаясь к ладони Ванды, они бегали от центра к поверхности шара и освещали всё помещение, подобного фиолетовому солнцу.

Студенты, прикрывая лица руками, отворачивались от яркого света.

Девушка-альбинос убрала руку, и детерминант моментально погас. Сначала показалось, что зал погрузился во тьму, но потом глаза привыкли к обычному его освещению.

Ванда Ностра повернулась ко мне и довольно улыбнулась. К ней сразу подошёл незнакомый человек в чёрной маске с Иверийскими коронами на алых лацканах плаща. Он что-то тихо сказал, студентка в ответ кивнула и двинулась к выходу.

– Не забывай смеяться в лицо опасности, Юна Горст, – поравнявшись со мной, шепнула загадочная обладательница фиолетовой склонности. – Мы ещё встретимся.

– А? – только и смогла ошарашенно выдать я.

Откуда она знает о моём девизе? Неужели Лоним рассказал? Может, это особый вид ментальной магии? Читает мои мысли? Нарочно пытается меня напугать?

Я поёжилась, провожая глазами белокожую телепатку. И даже не заметила, что Поллу уже повёл меня в центр.

Заветный детерминант Шарля оказался совсем близко. Застывшие нефритовые львы сверлили меня каменными взглядами. Их совсем не тяготил тяжёлый груз, как и не тревожило происходящее в это мгновение. В отличие от меня.

Я нервно сглотнула. От волнения сердце бешено заколотилось. Несмотря на то, что изначальная склонность не влияла на выбор факультета, всё же мне хотелось, чтобы это была боевая магия – огня или земли.

На миг представилось, как детерминант под моей ладонью заполняется жёлтой магией искусства, ослепляя подобно недавней фиолетовой вспышке. Тогда мне точно придётся сменить лук на лютню. Я сдавленно хохотнула и, не медля больше ни минуты, прикоснулась к гладкой поверхности.

Вспышки не было. Молнии не было. Ничего не было. Детерминант Шарля пустовал.

– А ну, работай! – приказала я и с силой шлёпнула рукой по стеклу.

Церемониальный зал наполнила тишина. Студенты открыли рты от удивления и, казалось, не дышали. После яркой вспышки Ванды Ностра мой пустой шар выглядел особенно унижительно. Даже всегда уверенная Надалия Адди-

сад, казалось, растерялась.

– Пожалуйста, – взмолилась я. – Пожалуйста, покажи мне мою склонность!

Детерминант оставался глух к мольбам и приказам. Его прозрачность по-прежнему не желала пронзаться молнией. Я настойчиво шлепнула по стенке шара, в надежде, что там просто что-то сломалось, и вот сейчас... Сейчас непременно этот противный пузырь выполнит свою обязанность.

– Студентка, – ректор пришла в себя, – прекратите это! Для усиления эффекта я присоединила вторую руку. Может, у меня слишком маленькая ладонь? Как там говорила Миночка – достигнуть телесного контакта? Кто-то осторожно попытался оттащить меня от проклятого артефакта. Я вывернулась, отбежала и попыталась воззвать к силе определения с другой стороны. Ничего не происходило.

– Давайте выйдем на воздух, – предложил магистр Фаренсис, снова подхватывая меня.

Выйти? Ну нет. Я проделала такой путь в эту толмундову академию не для того, чтобы узнать, что мага из меня не получится. Я должна убить Кирмоса лин де Блайта, а для этого мне просто необходима магия. Эта поганая громада у меня работает!

– Юна, не надо! – я узнала голос Сирены, но смотреть на неё было некогда.

Я начала бегать вокруг детерминанта, похлопывая его с разных сторон. Магистр Фаренсис припустил за мной, и мне

приходилось следить, чтобы он меня не догнал.

– Джермонд, помоги поймать её! – Кэймон лин де Фаренсис раскинул руки на моём пути.

Я развернулась и побежала в обратную сторону, на ходу заворачивая рукав. Что если попробовать приложить всю руку? Может, тогда телесного контакта будет достаточно?

– Нет, – мужской голос со стороны зелёной трибуны немного отвлёк меня. – Я не нянька для истеричных пустышек.

Меня будто окатили ледяной водой. Тело начало гореть, мысли исчезли. Гнев заполнил меня всю, лишил способности сдерживать эмоции. Пожалуй, я ещё никогда в своей жизни никого так сильно не ненавидела. Истеричная пустышка? Даже не знаю, какое из двух этих слов оскорбляло сильнее. Я повернулась к магистру Десенту. Высокий мужчина в сером плаще лениво покручивал кольцо на своём пальце. В мою сторону он не смотрел. Его спокойствие взбесило меня ещё больше, и я двинулась в его сторону.

Сейчас я вас впечатлю, магистр Десент...

– Я помогу, – сильные руки схватили меня на середине пути и развернули.

Я начала вырываться, попыталась отбиваться локтями, но мой пленитель явно знал своё дело, в отличие от вчерашнего разбойника. Все мои попытки оказались провальными. Меня протащили через весь зал и выволокли на улицу.

После освещённого свечами помещения солнце врезалось

в глаза. Я ещё пыталась дёргаться, но, скорее, в качестве протеста, чем в попытках высвободиться.

– Успокоилась? – знакомый голос окончательно прервал мои потуги.

Тот самый человек в чёрной маске, которого я встречала в консульстве, разжал руки, отошёл на пару шагов и опустил свой грозный воротник, чтобы я могла видеть его лицо. Это был молодой симпатичный парень, едва ли старше Лонима. Его яркие волосы почти доходили до подбородка, прикрывая уши. Он приветливо улыбнулся и примирительно поднял руки в мягких замшевых перчатках.

– Успокоилась, – подтвердила я.

– Значит, ты и есть Юна Горст?

Я утвердительно кивнула, прикидывая, откуда он узнал мое имя. Наверное, в консульстве уже успели обсудить дремучую пустышку. То есть потеряшку.

– Но я не истеричная пустышка! – выпалила я, всё ещё раздражённая недавним оскорблением.

– Конечно, нет, – засмеялся парень. – Наверняка ты могущественная чародейка с удивительным самообладанием. Просто пока ещё очень юная.

– Вовсе не юная, – проворчала я и опустила глаза.

– Каас Брин, – представился мой собеседник. – Стязатель кроуницкого консульства королевства Квертинд.

– Истязатель консульства? – уточнила я.

– Почти, – засмеялся Каас. – Определённо, представитель

карающей его половины. Кстати, тот детерминант в Нуото-линисе, что не реагировал на твоё прикосновение, я заставил обследовать три раза. Как ты понимаешь, он был абсолютно исправный.

– Разве такое бывает? – спросила я. – Чтобы не было склонности? Хоть какой-нибудь. Даже самый точный детерминант Шарля на меня не реагирует.

– Если честно, до этого момента я никогда такого не видел, – признался стязатель. – Но ты неплохо ему врезала.

Я скисла. Мало того, что отличилась пустым детерминантом, так ещё и устроила из этого представление. Только сейчас я поняла, как глупо себя вела.

– Спасибо, что вывел меня, – стоило признать, что это пошло мне на пользу. – Получается, ты уже дважды меня спас. В первый раз – от сожжения, во второй – от позора. То есть вы спасли, конечно. Простите.

– Это судьба, не иначе, – по-прежнему улыбался Каас Брин. – Думаю, что на «ты» у нас как-то сразу получилось неплохо, ещё там, в консульстве. Предлагаю продолжать.

– Договорились, – согласилась я.

– Скоро церемония закончится, – Каас кивнул на большой зелёный купол церемониального зала, – и студенты начнут выходить. Если не хочешь продолжать купаться в лучах своей новой славы, тебе лучше спрятаться на пару часов где-нибудь в академии. Пойдём, я тебя провожу.

– Это не обязательно, – мы двинулись по направлению к

ступенькам. – Ещё же не темно.

– Разве мне нужна темнота, чтобы проводить хорошенькую девушку? – подмигнул Каас.

Раньше меня никто не называл хорошенькой, и я смутилась. Вспомнились утренние торопливые сборы и вопрос Сирены про сырую картошку. Вообще, я не знала, как вести такие беседы с парнями, поэтому насупилась и уставилась себе под ноги. Но вдруг появился ещё один вопрос, который меня волновал и на который Каас наверняка мог ответить.

– А что будет с той студенткой, Вандой Ностра? – спросила я.

– У неё редчайший дар прорицания, – охотно ответил Каас. – Таких магов не рождалось уже очень давно. Её сознание и магическая память чрезвычайно хрупкие. Порой она не понимает, в каком времени сейчас находится. Если она не сможет контролировать пророчества, они сведут её с ума. В академии ей делать нечего, она уедет в Лангсфорд.

– В столицу? – я округлила глаза.

– Да. В Претории есть человек, способный её обучить. Пока ещё не поздно.

– Не поздно для неё? Она мне показалась слегка... ненормальной, – я вспомнила вчерашний завтрак. – Может, она уже сошла с ума?

– Не поздно для них обоих, – пояснил Каас, поднимаясь по каменным ступеням. – Ванда Ностра что-то говорила тебе?

– Ничего особенного, – я пожала плечами. – Перепутала нас с Сиреной. Ещё сказала, чтобы я смеялась в лицо опасности. Это мой девиз с детства.

Лестница сузилась, заставляя нас придвинуться ближе друг к другу, и я почувствовала знакомый пряный запах сушёных фруктов. В этот раз он неожиданно мне понравился – так пахнет одинокий костёр в осеннем саду. Иверийские короны бликовали на форме стязателя, придавали его внешности строгость и внушали трепет перед величием Квертинда.

– Значит, ты смелая девушка, – похвалил мой новый знакомый. – Пророчества трудно толковать и самим прорицателям, даже самым опытным из них. Они совершенно случайны, и контролировать их невозможно.

– А их много, прорицателей?

– Очень мало. – Стязатель откинул ладонью волосы, которые падали ему на глаза. – В основном, они погибают, будучи еще молодыми. Начинают мычать, ходить под себя и, в конце концов, заканчивают жизнь самоубийством.

– Незавидная склонность, – рассудила я, вспоминая фиолетовую вспышку. – Но она хотя бы... хотя бы есть.

– Изначальная склонность не так уж важна, Юна, – неожиданно подбодрил меня Каас. – Важнее то, как велика твоя магическая память. Ты сможешь развить в себе магию, или даже несколько, и заполнить тиаль в любом святилище. Боги отзываются абсолютно всем в Квертинде, кто обращается к ним с просьбой, невзирая на врождённые способности. Или

их отсутствие. Готов пообещать стать первым, кто поздравит тебя с заполнением тиаля. Потому что уверен: это случится.

Мы уже подошли к академии и обогнули статую семи богов. Я кинула взгляд на громоздкую скульптуру. Может, стоило обратиться к богам перед определением склонности? Мой отец никогда не молился, и я не представляла, как это делается. У святилища Девейны в Фарелби всегда былолюдно, и даже самые небогатые посетители охотно раздавали милостыню чумазым попрошайкам. Мне не нравился смолистый аромат амбры и протянутые руки, поэтому я обходила храм стороной. Наверное, зря. Ещё больше меня отталкивали рассуждения о духе в самом строгом его смысле. Я вздохнула.

Каас придержал высокую дверь академии с кольцами колотушек и повернулся ко мне.

– До вечера просижу в комнате, – поведала я о своих планах, задерживаясь в дверях. – Чтобы не попадаться никому не глаза.

– Пропустишь праздник семи стихий? – удивился стязатель.

– Наверное, – снова вздохнула я. – Хотя... были у меня кое-какие планы.

Я вспомнила предложение Лонима и его маскировку. Шанс попасть на праздник неузнанной меня обрадовал. Мой лук готов был продемонстрировать навыки своей хозяйки. Все боевые маги были прекрасно обучены сражению без ма-

гии, а в этом у меня уже имелись неплохие успехи. Хотя сражаться мне приходилось пока лишь с лесными животными да уличными хулиганами.

– Не сомневаюсь, что грандиозные, – хмыкнул Каас Брин.

– Если у меня нет склонностей, это ещё не значит, что нет способностей, – настроение у меня немного улучшилось.

Заверения Кааса о том, что боги отзываются абсолютно всем, немного приободрили меня. Я представила, как в конце года буду выбирать тиаль в магической лавке. И почему-то даже поняла стремление Фидерики заполучить самый красивый сосуд. Дело оставалось за малым: не вылететь в первый же день.

– Совсем другое дело, – одобрил стязатель. – Мне нравится твоё упорство. Надо нам встретиться, когда я буду не на работе. Сходим куда-нибудь перекусить, в «Фуррион», например. Что думаешь?

Я подозревала, что меня приглашают на свидание, но как вести себя в таких случаях, не знала. Это сейчас не входило в мои планы. Каас здорово мне помог, и он был мне симпатичен. Но я не была уверена, останусь ли в академии после сегодняшней церемонии. Как обучать магии студентку, у которой нет магии?

– Не знаю, отпустят ли меня магистры, – осторожно ответила я. – Но мы можем перекусить в нашей столовой. Там вкусно кормят и...

– Юна, – перебил Каас, – ты правда думаешь, что маги-

стры академии могут запретить стязателю вывести студентку за её стены?

Я вспомнила Ванду Ностра, которую увёл стязатель в такой же форме, как у Кааса Брина. Наверное, сейчас она уже ехала на пристань Кроуница, чтобы затем отправиться в столицу.

Бордовая перчатка легла на рукоять оружия, висевшего на поясе. Эфес клинка венчал символ династии, как тиаль Фи-ди и статую семи богов. Грудь служителя Квертинда пересекал ремень с ножнами кинжалов разной длины. Пожалуй, запрещать что-то человеку, увешанному сталью, не стоило. Как и отказывать.

– Я не знаю, что могут магистры. И ты – первый стязатель, с которым мне довелось столкнуться, – честно призналась я.

Мы стояли у входа, и я переживала, что на площади вот-вот начнут появляться студенты.

– Точно, – вспомнил Каас. – Никогда не выезжала из своего городка.

Вдали уже начали различаться шаги и гомон приближающихся людей.

– Кажется, мне пора, – я отступила к открытым дверям академии, надеясь сбежать ещё и от Кааса Брина.

– Беги, – разрешил стязатель и ухмыльнулся: – Но так легко ты от меня не избавишься: от судьбы не убежать.

Весь следующий час я лежала на своей кровати и предавалась отчаянию. Я представляла себя маленькой рыбкой, выброшенной на берег озера. Трепещущей, бьющейся о твёрдую землю, обречённой, но всё ещё дышащей. Совсем скоро я умру, превращусь в прекрасное блюдо, и меня подадут с лимоном и пряными травами для голодного господина. Он разделает меня, снимет кожу, разберёт по косточкам и поглотит мою мякоть, жадно смакуя каждый кусочек. И я была бы рада со всех ног убежать от этой судьбы, скрыться в своём озере, плавать от берега к берегу до скончания дней. Но вот незадача: у рыб не бывает ног, и никакие морские владыки не в силах это исправить... У меня ноги, конечно, были, но было и обещание, которое я дала себе и которое теперь стало моим проклятием. Сдаться и сбежать – значит, предать память о родителях. Выхода не было.

– Так и знала, что ты здесь предаёшься сплину! – Сирена влетела в комнату. – За обедом только и разговоров, что о тебе и Ванде Ностра. Гадают, что будет с тобой и куда делась она.

– Вот, захватила для тебя. – Фидерика сунула мне пару миндальных пирожных. – Очень вкусные.

– Сплин – это неизвестный мне бог аристократов? – в шутку спросила я, пережёвывая ароматные сладости.

На самом деле, я бы не удивилась, если бы моя шутка оказалась правдой, ведь я почти ничего не знала о мире магов. И вообще о том мире, что простирался дальше трёх миль от

моего озера. Но миндальные пирожные у них и правда были вкусными. Я быстро их сжевала и теперь слизывала крем с пальцев.

– Примерно, – ответила Сирена. – И я убеждена, что ты только что ему молилась.

– Не раскисай. – Фиди села на мою кровать. – У тебя всё получится.

– Ректор Аддисад сказала, что занятия начнутся послезавтра, – сообщила Сирена. – У нас будет ещё один выходной, и мы сможем отдохнуть после церемонии определения склонностей и праздника всех стихий.

Да уж, кое-кому точно надо было отдохнуть после церемонии.

– Может, сходим куда-нибудь? – предложила Фиди. – Однажды ведь нас уже отпустили с Лонимом. Кроуниц прекрасен, хоть от его красоты и не захватывает дух. Вы знали, что трудно найти в городе два абсолютно одинаковых фонаря? Все разные, каждый по-своему интересный. А вывески? Можем где-нибудь пообедать все вместе.

– В «Фуррионе»? – я вспомнила название харчевни, о которой говорил Каас Брин.

– Ну, нет, – рассмеялась Фиди. – Наших с тобой общих сбережений не хватит и на один стакан морса в «Фуррионе». Разве что Сирена заплатит за всех.

– И не найдется, – отрезала леди Эстель. – У меня весьма ограниченный Дамной бюджет. Кстати, Юна, она просила

тебя зайти к ней.

– Госпожа лин де Торн? – удивилась я.

– Да нет же, ректор Аддисад, – уточнила Сирена. – Хочет с тобой поговорить.

Немного поднятое подругами настроение моментально улетучилось. Почему-то мне казалось, что разговор будет не из приятных. Возможно, меня попросят уехать из академии по причине отсутствия склонности. Это было бы вполне логичным решением. Но шанс остаться всё же был, не зря же ректор говорила о пустых сосудах.

Оттягивать разговор с Надалией не имело смысла, поэтому я поднялась:

– Фиди, подскажешь мне, где найти ректора Аддисад?

Кабинет ректора располагался далеко от жилого корпуса студентов, в замковой нише между двумя башнями. К нему вёл длинный коридор, устланный светло-зеленым пушистым ковром. У края ковра я остановилась и оглядела свою обувь: сапоги были не самыми чистыми. Я засомневалась. Маленькая Юна была приспособлена для бесхитростной жизни среди простых людей, где нет ковров и гобеленов. Единственный кабинет, в котором мне приходилось бывать до этого, был архивом Нуотолинского консульства, и там мне однозначно не понравилось.

От решения моей судьбы меня отделяли массивные две-

ри, которые, судя по толщине, могли бы выдержать атаку тараном. На каждой из двух створок с ручками-кольцами царственно расправляли крылья пышногривые львы – существа с мощными телами и лохматыми головами выступали над поверхностью металлическими барельефами. Львы стояли на задних лапах, глядя друг на друга и издавая безмолвный рык. Представилось, как ректор Аддисад точно так же оскалится и выставит руки, угрожая утопить меня в своей мокрой стихии. Я отогнала глупую фантазию и принялась снова гипнотизировать вход. Наверняка символ академии был свидетельством того, что когда-то Кроуниц и все Галиофские утёсы принадлежали Веллапольскому княжеству. О мистических созданиях, которых удалось приручить тамошним магам, ходили легенды.

Проходящая мимо шумная компания студентов замолчала при виде меня и замедлила шаг. Пожалуй, в их взглядах, помимо любопытства, было ещё и сочувствие. Стоять тут дальше не имело смысла: крылатые львы помогать мне точно не собирались. Я решительно зашагала по мягкой дорожке, взялась за кольцо и постучала.

Ответом мне какое-то время была тишина, а затем я услышала голос Надалии Аддисад.

– Входите, – велела ректор.

Я подчинилась и толкнула тяжёлую дверь, на которой только что пробовала свои ментальные силы. Физическим она ожидаемо поддавалась охотнее, и я вошла.

Внутри кабинет был ещё более впечатляющим, чем снаружи. Стена за спиной директора Кроуницкой академии была полностью прозрачной, обрамлённой лишь резной каменной рамой. Сквозь эту стену открывался захватывающий вид на полусферу крыши церемониального зала, окружённого восьмью высокими башнями. Их шпили возвышались над куполом и тоже были покрыты светло-зелёным камнем. А дальше, куда только мог дотянуться взгляд, глазам открывался Кроуниц во всём своём холодном великолепии. Горные пики постепенно становились всё мельче и уходили прочь от академии – к морю. Хвойные деревья, присыпанные пухом белого снега, жались к подножьям гор и редким каменным строениям. Кое-где можно было рассмотреть ту самую дорогу, по которой мы ехали в академию: она змейкой проползала вдоль крутого склона горы и островков хвойного леса. Над кромкой моря темнела пристань, принимающая едва различимый голубой парус транспортного судна. Сейчас водная гладь выглядела спокойной.

Надалия Аддисад сидела за столом спиной к захватывающей панораме и молча ждала, пока я закончу созерцание. На губах её застыло подобие улыбки, что выглядело противоестественно для этой суровой маленькой женщины с жёсткими чертами лица.

Канделябры, развешанные по стенам, наполняли кабинет густым жёлтым светом. Шкафов здесь не было, вместо них по бокам кабинета были вырублены каменные ниши, пере-

сечённые полками и вертикальными зеркалами в фигурных рамах. В их очертаниях угадывались знакомые мне крылатые львы. На полках стояли книги, множество книг, но и артефактов было немало. В их расположении присутствовала особая система: казалось, даже для крохотной бусины здесь имелось своё собственное место.

Деревянная столешница рабочего места ректора была отполирована так, что отражала острый подборок сухощавой женщины и белоснежный ворот, торчащий из-под её мантии. Стол был практически пустым, если не считать чернильницы с пером, странной рамки и нескольких листов бумаги.

– Юна Горст, – начала ректор, поймав мой взгляд. – Вы когда-нибудь бывали в Тимберии?

Мне казалось, уже весь мир знает, что я всю жизнь прожила на озере и до недавнего времени не отличила бы детерминант от персонагвира. Ректор Аддисад тоже была неплохо осведомлена о моей биографии, судя по тому, что знала о Фарелби. Хоть и несколько... искажённо. Но я хорошо понимала, что этот вопрос требует ответа только для того, чтобы продолжилась беседа.

– Никогда не была, ректор.

– Тимберия – моя родная страна. Я жила там сфои молодые годы. Это королевство магии механизмоф, королевство науки и мастерства. Другая магия там очень скудная. Вот, посмотрите.

Ректор Аддисад повернула ко мне рамку. Внутри я увиде-

ла чёрно-белый портрет двух молодых людей. На фоне маленького дилижанса с двумя горящими «глазками» стояли молодой мужчина и девушка. Они обнимались и светились счастьем. Портрет был настолько искусен и точен в деталях, что я невольно восхитилась мастерством его автора. Мазки были такими мелкими, что я не смогла рассмотреть их, как ни вглядывалась.

– Красивая картина, должно быть, выдающегося мага стихии искусств, – похвалила я.

– Это фотоотпéчаток, – вздохнула Надалия и развернула рамку к себе. – Достижение нашей науки. Его не рисовали. Передаёт фысокую точность изображения.

Я не понимала, зачем мне показывают «фотоотпéчаток», но направление беседы мне нравилось. По крайней мере, меня не выставили с порога, а это явно было хорошим знаком.

– Очень искусная работа, – снова заключила я.

Надалия Аддисад вздохнула, глядя на чёрно-белую картину.

– Наша страна пошла по дрúтому пути, отличнóму от пути вашего королевства. И магия в наших людях стала пропа́дать. Если её не разф́ивать долгое время, она уходит из сущности и популяции. Когда наши молóдые люди вперфые касаются детерм́инанта Шарля, они едва могут разл́ичить там цвет своей склонности. С ними происходит то же, что произошло с вами. Смотрите.

Ректор встала и подошла к одному из каменных стелла-

жей. Там лежал небольшой детерминант на нефритовой подставке. Надалия Аддисад взяла его в руку, и он ослепительно засиял ультрамариновым светом. Я уже знала, что Надалия – очень сильный маг стихии Вейна, но теперь видела, как это выглядит на детерминанте.

– Смотрите же внимательно, – ректор подошла и протянула мне шар.

Я взгляделась в синий свет. Он казался голубым, потому что к нему добавлялись несколько серых молний. Ментальная магия. Невероятно! К одному типу стихийной магии добавился совсем другой. Должно быть, это требовало от мага особых талантов. Но потом я различила одну тонкую алую нить, которая почти терялась между синим и серым цветом. Магия крови. Мои брови от удивления поползли вверх.

– Увидели? – довольно подметила Надалия. – В мои семнадцать лет мой детерминант был практически пустой. Я видела только одну тонкую красную нить. С тех пор она не изменилась. Крофавая склонность в Кфертинде – это почти что полное её отсутствие.

– Вы никогда не применяли магию крови? – логично рассудила я.

– Конечно, нет! – возмутилась ректор. – Она запрещена во всём мире! Даже для слабых заклятий необходимо разрешение консульстафа. Я заполнила свою магическую память теми стихиями, какие сама посчитала нужными. Мы сами творцы судеб судьбы, Юна Горст.

– Так значит... я не исключена? – с надеждой спросила я.

– Я не собираюсь выкидыфать студентку только из-за её склонности, – задрала голову ректор. – Даже если склонностью является её отсутствие.

Надалия Аддисад смотрела на меня свысока, хотя мы были одного роста. Я облегчённо выдохнула. Кажется, буря миновала. Оставалось надеяться, что надолго.

– Спасибо вам огромное! – легко поклонилась я. – Вы не представляете, как это важно для меня.

– Конечно, представляю! – Ректор Аддисад положила дедерминант на место и вернулась за стол. – Но это не значит, что я испытываю к вам особое расположение. Я педагог, и моя работа – обучать студентов. Сдаваться в сложных случаях было бы непрофессионально.

Мне определённо повезло с ректором, и это не могло не радовать. А ещё меня безумно радовало то, что я смогу и дальше спокойно обучаться в академии, хоть и на правах сложного случая.

– Идите же, – приказала Надалия Аддисад. – Готовьтесь к празднику семи стихий.

В комнате номер триста двадцать два уже никого не было. Мои подруги ушли на праздник, оставив после себя беспорядок. В этот раз одиночество было мне на руку: я могла спокойно собраться и без лишних объяснений встретиться с

Лонимом.

В шкафу нашёлся дорожный плащ, потрёпанный штормом, но всё ещё целый. Опыт подсказывал, что в нём меня могут принять за парня. Я достала лук, ремень с колчаном стрел из-под кровати и ловко приладила их. Нехитрое оружие привычной тяжестью охватило плечо и повисло за спиной.

В дверь постучали. Я насторожилась. Сирена и Фиди вряд ли стучались бы в свою собственную комнату, да и они ни за что не пропустили бы начало праздника. Несколько секунд я колебалась, но любопытство всё-таки победило и я открыла.

– Привет, – студентка-целительница с заполненным тиа-лем оглядела меня с ног до головы. – Я ищу Юну Горст.

Девушка была мне незнакома, поэтому я медлила. Что ей нужно? Поиздеваться над пустышкой? Высмеять моё глупое поведение на церемонии? Снова позвать к директору? Времени у меня не было, поэтому выяснять цель визита я не стала.

– Её нет, – уверенно соврала я и попыталась закрыть дверь.

– Подожди, – она торопливо протиснулась в узкую щель. – Я знаю, что это ты. Лоним мне много про тебя рассказывал. Меня зовут Лилия. Это он прислал меня. Ради нашего дела.

Я оглядела целительницу, всё ещё не уверенная, можно ли ей доверять. Но имя Лонима заставило её выслушать.

– Я тоже участвую, – пояснила она. – Буду помогать вам с

фруктами. Мой Лоним придумал настоящее представление! Он уже ждёт нас, пойдём.

– Не уверена, что понимаю, о чём ты говоришь, – попыталась прикинуться я.

– Он предупредил, что ты можешь заупрямиться, – девушка закатила глаза. – В таком случае он просил добавить, что пора посмеяться в лицо опасности. И да, лучше бы тебе надеть форменную накидку.

Когда мы с Лилией подошли к бестиатриуму, о котором говорил Поллу, нас встретили двое. Они стояли в тени арки главного входа.

Вблизи это сооружение казалось даже больше Церемониального зала. Вертикальные ряды арок утопали в полукруглых стенах, выгибаясь над многочисленными статуями мистических животных, и исчезали где-то в небесной выси. Здесь купола не было: бестиатриум оказался амфитеатром – монументальным, торжественным и в данный момент – очень шумным. Из его глубины звучала протяжная мелодия, которую старательно выводила студентка факультета Нарцины.

Мы прошли под высоким каменным сводом и оказались перед круглой ареной. Это место подходило больше для боевых тренировок, чем для показательных выступлений. Поющая в центре девушка, окружённая размытыми сумерками, в

своём роскошном платье казалась здесь лишней. Пахло мокрым песком и кострами. Студенты на ступенчатых каменных сидениях почти не обращали внимания на выступающую, занятые друг другом.

Мне пришлось вернуться к друзьям, которые осматрительно не подошли близко, а остались в тени входной арки, скрывающей нас от присутствующих. Лилия сразу же прильнула к одному из старшекурсников. К моему удивлению, этим старшекурсником оказался Лоним.

– Юна, я рад, что ты пришла, – его голос дрожал, выдавая волнение. – Без тебя бы ничего не получилось.

– С чего бы мне не прийти? – Я с подозрением покосилась на висящую на его шее Лилию. – Ты же сам говорил: демонстрация способностей, всё такое.

– Ну, у тебя... – Лоним замешкался. – Выдался тяжёлый день.

– Отчасти поэтому я и здесь.

Девушка на арене прекратила голосить.

В паре шагов от нас сами собой вспыхнули факелы, и я испуганно заозиралась, как пойманная с поличным преступница. Высокий каменный свод тяжело нависал сверху, в грубых стенах темнели вырубленные клетки, придавая бестиариуму ещё большую мрачность. Металлические прутья на дверцах изъела ржавчина, замки были открыты или вовсе отсутствовали. Судя по состоянию, клетками давно никто не пользовался, и я немного успокоилась. Надо думать, велла-

пользы содержали здесь гибридных животных.

К счастью, нас никто не обнаружил. Сюда доносились только обрывки речи ректора и писк рудвика Вилли.

Захотелось развернуться и уйти – дурное предчувствие сжало грудь, кольнуло лёгким беспокойством. Я только что была у Надалии и чудом избежала неприятностей. Ввязываться сейчас в новые было крайне опрометчиво.

– Ты точно в порядке? – Лоним прищурился, словно хотел найти во мне какой-то изъян.

– Стреляю я всё так же хорошо, если ты об этом, – буркнула я.

Конечно, я была не в порядке, но обсуждать это при посторонних мне не хотелось. После сегодняшнего унижения мне жизненно необходимо было доказать самой себе, что я чего-то стою. Ведь именно за этим устраивают праздник семи стихий?

Лоним быстро уловил моё настроение, кивнул и коротко изложил свой план:

– Мы подготовили корзину с фруктами и овощами. Там, в основном, дыни и тыквы, но есть и более мелкие цели. Лилия будет ставить их на подставку.

Я взглянула на наш инвентарь. Плетёная корзина напомнила мне большую ловушку из ивового луба. Её содержимое пахивало кислятиной. Подставка была маленьким круглым столиком.

– Я зачарую наконечник твоей стрелы искрой, а Куиджи

– иллюзией, – продолжил Лоним. – Тебе нужно будет только выстрелить.

– Гхм... – второй студент подал голос. – Это совершенная новая технология! Смещение двух видов магии с физическим воздействием – и пог'азительный эффект в г'езультате! И это пг'и минимальных затг'атах магических сил.

– Ах, да, – опомнился Лоним. – Куиджи Лампадарियो, ментальный маг, мой друг.

– И маг механизмов! – с жаром добавил Куиджи.

Маг разума и механизмов был низкорослый и такой же худой, как и я. Для старшекурсника, к тому же мужского пола, Куиджи казался совсем маленьким.

– Юна Горст, – коротко представилась я. – И что произойдёт?

– Да ты примерно уже знаешь, – почесал затылок мой друг. – Плюс цветное сопровождение.

– А это точно не опасно? – подала голос Лилия. – Мне немного страшновато. Юна не промахнётся?

Мы с Лонимом одновременно уставились на неё.

– Можешь доверять ей, как мне, – успокоил мой друг.

Лилия заулыбалась и потянулась к Лониму. Он прильнул своими губами к её, и они выразительно зачмокали. Я скривилась. Куиджи сделал вид, что рассматривает узор потрескавшейся плитки под ногами.

– Всё, пора, – скомандовал Лоним, оторвавшись от подружки. – Ах, да, чуть не забыл: маскировка. Артефакты,

спасающие от Надалии и Вилли.

Он раздал нам хорошо знакомые чулки с готовыми про-
резами. Мы надели их на головы и стали похожи на чёрных
червяков с глазами.

– Лучше накинуть капюшоны, – решил Лоним, осматри-
вая нашу компанию.

Мы двинулись к центру арены. Лилия толкнула тележку,
та на удивление легко поддалась. Маленькие колёсики, при-
лаженные снизу, закрипели по мощеной дорожке.

– Ну и гадость! – пожаловалась я вслух, когда Лилия ото-
шла достаточно далеко.

– Я подумал, что для нашего дела не обязательно бг'ать
свежие фг'укты, – оправдался Куиджи.

Лоним, в отличие от него, понял, что я имела в виду дру-
гое.

– Юна, тебе уже не двенадцать, – пожурил друг. – Пора
взрослеть во всех смыслах.

У края круглой арены каменная плитка закончилась, и
колёсики тележки застряли в песке. Лониму с Куиджи при-
шлось тащить её к центру. За этим зрелищем наблюдали сот-
ни глаз разгорячённых студентов. До нас доносился гомон и
смешки. Я на мгновение почувствовала себя стоящей в цен-
тре Церемониального зала, где совсем недавно эти же сту-
денты были свидетелями моего позора, и на всякий случай
проверила маскировку.

Позор... Пожалуй, именно этим словом теперь можно на-

звать церемонию определения моей стихии. И если в отсутствии склонности я была не виновата, то моё поведение не имело никаких оправданий. Это и правда была настоящая... истерика.

Поэтому сейчас мне никак нельзя сплеховать.

За нашими действиями внимательно следили не только студенты Кроуницкой академии, но и магистры. Они сидели высоко, на каменном балконе, нависающем над ареной. Свечи на накрытом столе прекрасно освещали весь состав. Вместе с преподавателями была и Дамна лин де Торн. Какая-то незнакомая мне женщина увлечённо беседовала с ментором Сирены, помахивая в такт своей речи вилкой с наколотым кусочком сыра.

Пока парни готовились к нашему выступлению, магистры расслабленно улыбались и что-то обсуждали между собой. Конечно, слышать слова отсюда было невозможно.

Джермонд Десент занял место с самого края. В беседе он не участвовал. Магистр факультета Ревда скучающе водил пальцем по кромке бокала, будто мыслями был где-то далеко.

Внизу под балконом стоял только нахмуренный Гремор Айро. Вилли что-то докладывала ему, размахивая маленькими ручками. Старый магистр морщился от каждого слова, но с мрачным любопытством кидал взгляды в нашу сторону.

Лоним сделал приглашающий жест, и я мягко прошла по песку в центр арены, держась подальше от корзины с фрук-

тами. Стараясь двигаться бесшумно и плавно, встала на нужном для выстрела расстоянии: недостаточно большом, чтобы цель представляла для меня трудность, но и недостаточно маленьком, чтобы задача казалась слишком простой. Лилия водрузила на подставку овощ, неуверенно улыбнулась и посеменила вслед за парнями в мою сторону.

Ко мне подошли трое чёрных червяков в капюшонах.

– Готовы? – спросил Лоним.

– Леди могут выбг'ать цвет, – предложил Куиджи.

– Красный, – обрадовалась Лилия.

Я осторожно вытащила стрелу и подставила наконечник для заклинаний. Лоним и Куиджи одновременно зашептали что-то про «дель мирикун мэндэль» и «эман омен», точнее я не разобрала. Когда парни закончили, я натянула тетиву и выстрелила.

Тыква разлетелась, разбрасывая оранжевые ошмётки и ярко-красные искры. Зрители ахнули. Надалия Аддисад поднялась и с явным сомнением оглядела оружие в моих руках.

– Лилия, подкинь фрукт, – предложила я удаляющейся к корзине девушке.

Та застыла, но уверенный кивок Лонима убедил её.

– Жёлтый, – скомандовала я, и мои напарники забубнили свои «дэли» и «эманы».

Некрупная дыня, белая на фоне сгущающихся сумерек, взмыла в воздух. Я задержала дыхание и выстрелила точно в

цель. Темнота скрыла разлетающуюся мякоть, и над ареной рассыпались только сверкающие магические искры.

Студенты зааплодировали. Зрелище и впрямь выходило эффектное. Я даже улыбнулась тёплым воспоминаниям из детства и новым успехам. Всё-таки я не была совсем бездарной пустышкой! Магистр Десент, правда, явно не разделял моего мнения, с ленивым интересом наблюдая за возникшей в бестиатриуме вознёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.